

Департамент культуры Воронежской области
Государственное учреждение культуры
Природный, архитектурно-археологический
музей-заповедник «Дивногорье»
Воронежский государственный университет

Е.Ю. Захарова, С.К. Кондратьева

**АРХИТЕКТУРНЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ ДИВНОГОРЬЯ
(ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ)**

Труды музея-заповедника «Дивногорье»

В ы п у с к 2

ВОРОНЕЖ • 2011 • КВАРТА

УДК 72(470.324)+902/904(470.324)
ББК 85.113(2Рос-4Вор-5)+6348(2)-42
3-38

Научный редактор –
директор музея-заповедника «Дивногорье» **М.И. Лылова**

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **А.З. Винников**
кандидат исторических наук **В.В. Степкин**

Захарова Е.Ю.

3-38 Архитектурные и археологические памятники Дивногорья (история изучения) / Е.Ю. Захарова, С.К. Кондратьева // Труды музея-заповедника «Дивногорье». – Вып. 2. – Воронеж: Кварта, 2011. – 216 с.

ISBN 978-5-89609-188-2

Издание является первым монографическим трудом, посвященным истории изучения архитектурных и археологических памятников Дивногорья. В работе на основе анализа архивных документов, опубликованных источников и специальной литературы воссоздаются основные этапы исследовательского поиска и развития научных представлений об архитектурных и археологических памятниках Дивногорья.

Монография рассчитана на историков, археологов, искусствоведов, а также широкий круг читателей, интересующихся историей достопримечательных мест России.

УДК 72(470.324)+902/904(470.324)
ББК 85.113(2Рос-4Вор-5)+6348(2)-42

ISBN 978-5-89609-188-2

© Захарова Е.Ю., Кондратьева С.К., 2011
© Оформление. Кварта, 2011

От редактора

Сегодня, благодаря усилиям многих людей, как сотрудников музея-заповедника, так и их единомышленников, Дивногорье стало широко известно далеко за пределами Воронежской области. Ежегодно за экскурсионно-туристический сезон, с мая по октябрь, его посещают десятки тысяч человек. Дивногорье уже не одну сотню лет известно и специалистам, но при этом оно до сих пор вызывает закономерный интерес ученых самых различных направлений гуманитарного и естественно-научного профилей. Уникальные ландшафтные образования, многообразные элементы рельефа, памятники природы – меловые столбы-останцы Дивы, классическое местообитание кальцефитно-степных, редких эндемичных видов растительности и насекомых эндемиков, памятники археологии различных эпох, памятники истории и архитектуры, в том числе и пещерно-культовой – вот то, что всегда вызывало неподдельный интерес ученых. Ежегодные научные экспедиции археологов, палеогеологов, палеопочвоведов, ботаников, энтомологов, экологов и др., по сути, сделали Дивногорье многоплановым исследовательским центром по различной проблематике – от истории древнейшего геологического прошлого земли, истории заселения этого места человеком, до актуальных, сегодня, вопросов экологии, истории, социологии.

Второй выпуск научных трудов музея-заповедника посвящен исторической ретроспективе и современному положению в исследованиях памятников архитектуры и археологии Дивногорья. Авторами книги Еленой Юрьевной Захаровой и Софьей Константиновной Кондратьевой, проделана серьезная работа по обобщению архивных материалов, документов и научных работ, связанных с изучением этих памятников. Важно, что в книге собраны имена людей, которые внесли и сегодня вносят свой вклад в изучение и сохранение столь ярких и известных памятников, как культовые пещерные памятники Дивногорья, Маяцкий археологический комплекс эпохи раннего

средневековья и недавно открытые интереснейшие памятники эпохи поздней поры финального палеолита.

Издание музеем-заповедником этой книги в год своего двадцатилетия – дань уважения тем людям, которым не безразлична история и дальнейшая судьба Дивногорья.

*Директор
музея-заповедника «Дивногорье»,
заслуженный работник культуры
Воронежской области*

М.И. Лылова

Введение

В России много мест, изумляющих своей красотой и захватывающих своим неповторимым очарованием. Среди них Дивногорье, расположенное на юге Среднерусской возвышенности у слияния Тихой Сосны с Доном.

Свое название Дивногорье получило за меловые столбы причудливой формы, возвышающиеся над крутыми откосами правобережья Дона. У местного населения и в литературе такие меловые столбы известны под названием «дивы», которое является производным от русского разговорного слова «диво», означающего «то, что вызывает удивление, чудо» (Ушаков, 1935. С. 707).

Слово «диво», как было подмечено специалистами, не редкость в географических названиях: Дивья пещера в долине р. Колвы (Урал), Дивные горы и г. Дивногорск на Енисее, с. Дивная Гора в Ярославской области, Дивногорская пещера в Восточном Саяне и др. Одиночные или небольшие группы див в прошлом были обычны по всему меловому югу Среднерусской возвышенности. В XIX веке крупная дива украшала вершину горы Шатрище, расположенную рядом с Дивногорьем. Дивы встречались в районе Белгорода, Павловска (Воронежская область) (Бережной, Мильков, Михно, 1994. С. 5).

У устья же Тихой Сосны еще несколько веков назад были не одиночные дивы, а большое скопление див, что и послужило основанием для закрепления за этим отрезком правобережья Дона названия Дивногорье. Хотя оно, по мнению специалистов, не отвечает научной географической терминологии, но в полной мере соответствует установившейся народной традиции именовать горами примечательные места и речные обрывы на равнинах (Бережной, Мильков, Михно, 1994. С. 5–6).

Название местности, обретенное благодаря удивительным памятникам природы, определило и наименование объектов, создававшихся людьми на этой территории в течение нескольких столетий: Дивногорский Свято-Успенский мужской монастырь (с 1653 г.) с его святыней Дивногорской (Сицилийской) иконой Божией Матери; сло-

бода Дивная (возникла ок. 1692 г.; с 1777 г. слобода Селявная); хутор Дивногорье (с 1924 г.); Природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье» (с 1991 г.).

В археологической же литературе вплоть до недавнего времени название Дивногорье (Дивногорские памятники) не имело широкого распространения, поскольку, с середины XVII века находившаяся здесь средневековую крепость именовали Маяцким городищем (старинным Маяцким городищем). Название этого памятника в начале XX века послужило одной из составляющих наименования археологической культуры Хазарского каганата (салтово-маяцкая), а с 70-х гг. XX века благодаря работам Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции стал употребляться термин «Маяцкий археологический комплекс», подразумевающий взаимосвязанные между собой городище (крепость), селище и могильник. Только в последние годы на страницах специальной литературы начал фигурировать и термин «Дивногорье», прежде всего в связи с открытием и исследованием памятников палеолитической эпохи.

Земля в этих местах действительно дивная. Небольшой по своим размерам ландшафтный участок (площадь музея-заповедника 1100 га) широко известен далеко за пределами своего региона. Сочетание на ограниченной территории уникальных природных объектов (дивы), урочищ с разновозрастной реликтовой флорой и фауной, культовых наземных и пещерных сооружений, археологических памятников различных эпох от палеолита до средневековья ставит Дивногорье в ряд выдающихся природно-архитектурно-археологических объектов.

Невозможно представить себе музей-заповедник без его архитектурных памятников. Безусловно, наибольшее внимание как ученых, так и просто туристов привлекают необычные пещерные памятники Дивногорья. Сегодня на территории музея-заповедника расположено четыре культовых пещерных комплекса. В Малых Дивах находится пещерная церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи. В крутых меловых Дивногорских склонах вырублены две пещеры «Ухо» и «Каземат», которые сейчас в аварийном состоянии. Оба эти названия были даны спелеологами. «Ухом» пещерная церковь, которая также известна под именем Дивногорская-3, названа по форме одного из входов, который издали напоминает человеческое ухо. «Казематом» культовую пещеру спелеологи назвали за одно из возможных её

предназначений в качестве наблюдательного пункта или оборонительного сооружения (Гольянов, 1983. С. 69). Оба памятника расположены недалеко друг от друга приблизительно в 1 км к западу от с. Селявного. Пещерная церковь Сицилийской иконы Божией Матери расположена в Больших Дивах. Именно она в настоящее время является объектом музейного показа. Названия Большие и Малые Дивы закрепились в литературе давно. Они произошли не от высоты меловых столбов, а от их количества: в конце XIX века в районе Больших Див насчитывалось более 20 столбов, большинство из которых было взорвано при строительстве проходящей у подножья склона железной дороги. Сегодня с этими понятиями ассоциируется не столько местность, сколько расположенные там пещерные храмы. Большие Дивы находятся над о.п. 143 км и входят в экскурсионную зону музея-заповедника «Дивногорье». В Малых Дивах у ж.-д. станции Дивногорская расположен ныне действующий Дивногорский Свято-Успенский мужской монастырь. На наш взгляд, в определенной степени к памятникам архитектуры можно отнести и остатки древней колокольни, вырубленной в одном из меловых останцов в Малых Дивах. Говоря о пещерных комплексах, связанных с историей монастыря, нужно упомянуть пещеру, расположенную в горе Шатрище на берегу р. Дон в районе с. Вязники. Но так как эта территория не входит в границы музея-заповедника «Дивногорье», то ее история осталась за рамками исследования. Хотя такое отделение, безусловно, искусственное. На территории Дивногорского монастыря сегодня восстановлен и комплекс наземных памятников архитектуры, но их история изучения рассматривается только в контексте исторических процессов, происходивших в Дивногорском Свято-Успенском монастыре.

Дивногорье неизменно вызывает интерес и восхищение как у специалистов различных научных направлений, так и у многочисленных представителей творческой интеллигенции, которые посвятили ему свои труды. На протяжении уже нескольких веков архитектурные и археологические памятники Дивногорья описываются и исследуются, но до сих пор отсутствуют обобщающие монографические работы историографического характера, направленные на воссоздание динамики и наиболее значимых событий в истории их изучения. Именно это обстоятельство и обуславливает актуальность предлагаемой вниманию читателей книги.

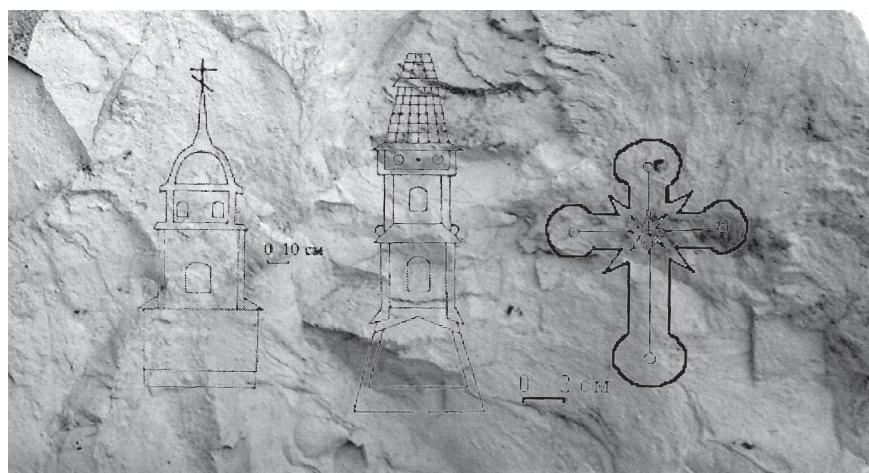
Архитектурные и археологические памятники Дивногорья имеют самостоятельную, независимую друг от друга историю изучения. Это определило выделение в книге двух разделов, первый из которых посвящен изучению архитектурных памятников Дивногорья, в частности, историю изучения пещерных комплексов Дивногорского Свято-Успенского монастыря в общем контексте его истории (автор – С.К. Кондратьева), а второй – историю изучения археологических памятников Дивногорья (автор – Е.Ю. Захарова). При этом обращает на себя внимание тот факт, что некоторые исследователи второй половины XIX – начала XX века проявляли одинаковый интерес к обеим категориям памятников, что не в последнюю очередь было обусловлено расширенным толкованием в то время термина «археология», включавшего и церковные древности. Это обстоятельство отражено в соответствующих главах исследования.

Природному, архитектурно-археологическому музею-заповеднику «Дивногорье» 9 июля 2011 г. исполнилось двадцать лет. К этому событию приурочено издание данной монографии. Это наш вклад в общее дело сохранения уникальной территории Дивногорья, которое на протяжении многих лет объединяет сотрудников музея-заповедника, ученых и просто любителей этой дивной местности.

Авторы выражают искреннюю благодарность всем коллегам, проявившим интерес к данной публикации и оказавших помощь в ее подготовке: И.А. Агапову, А.Н. Акиньшину, Г.Е. Афанасьеву, А.Н. Бессуднову, В.В. Бондаревой, А.З. Винникову, Э.В. Гольянову, В.И. Ефремову, Д.С. Коробову, М.И. Лыловой, Л.В. Назаровой, С.В. Никольскому, Н.А. Поташкиной, В.А. Сарapultкину, А.Н. Солодских, В.В. Степкину, К.И. Тюриной, Д.В. Тюрину, М.В. Цыбину, Ю.Ю. Шевченко.

РАЗДЕЛ I

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ ДИВНОГОРЬЯ

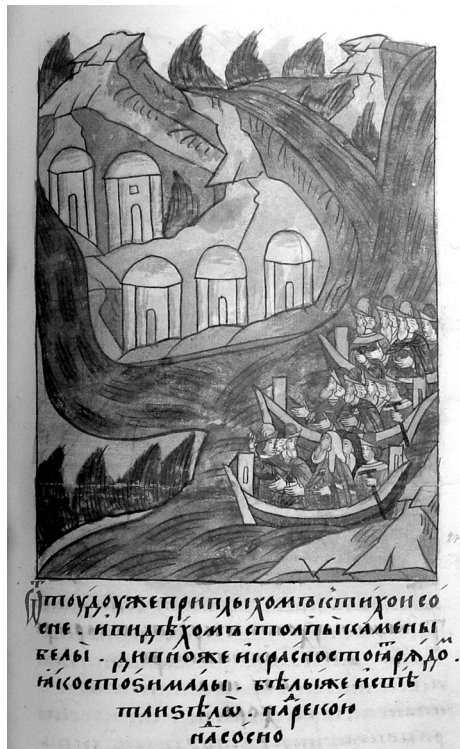

Г Л А В А 1

История Дивногорского монастыря в заметках путешественников и трудах отечественных исследователей XIV – начала XX века

История архитектурных памятников Дивногорья привлекала исследователей очень давно, не обходили своим вниманием эти места любители старины и путешественники. Да и первое упоминание о Дивногорье появилось именно благодаря любознательности одного из путешественников. Это был дьякон **Игнатий Смольянин** (конец XIV – начало XV века), который в 1389 г. сопровождал митрополита Пимена в Царьград (Константинополь) и оставил буквально три строчки о Дивногорье, которые в дальнейшем будет цитировать каждый описывающий эти места. Сочинение Игнатия сохранилось в составе ряда древнерусских рукописных литературных сборников и в Никоновской летописи. В Лицевом Летописном своде XVI века описание подкреплено миниатюрами, которые были написаны спустя два века после путешествия митрополита Пимена. Приведем сообщение, адаптированное к современному русскому языку: «Приплыли к Тихой Сосне – видели столбы белые; дивно и красиво стоят они в ряд как маленькие стога белые и очень светлые над рекою над Сосною».

Дивногорье в конце XVII – на-

Столбы-дивы на берегу Дона. Миниатюра из Лицевого Летописного свода XVI века, иллюстрирующая «Хождение митрополита Пимена в Царьград»

чале XVIII века посетили многие, чьи имена оставили след в русской истории. В 1696 г. перед Азовским походом в монастырь заезжали главнокомандующий сухопутными войсками А.С. Шейн и генерал **Патрик Леопольд Гордон** (1635–1699), описавший местность в своем дневнике, который он вел на протяжении всей жизни: *«Этот небольшой монастырь стоит у самой реки, вооружен несколькими железными пушками и пищалями и окружен рвом и деревянной стеною, воздвигнутой для защиты от татар»*. Рассказал П. Гордон и о часовне в меловой скале, и о том, что из разговора с настоятелем он узнал, что выше часовни расположены развалины очень древнего монастыря, основание которого местное предание приписывало греческому императору Андронику.

Из дневников путешественников, нам кажется интересным, также описание Дивногорья русским адмиралом норвежского происхождения **Корнелием** (Корнелиус) **Ивановичем Крюйсом** (Крейс) (1655–1727), посетившим обитель 6 мая 1699 г. вместе с царем Петром I*. Крюйс называет Дивногорский монастырь Чудовым, а само место – Парадижем Российской земли (Крейс, 1850. С. 371–372). Он же приводит размеры пещерного храма: *«...онный в мелной горе, длиною 400 футов** высечен, и, 90 футов шириною, стоя на своих натуральных столбах, в нем хитростно высеченных, в котором парадная церковь есть, с покаями принадлежащими. Недалеко от того стоит деревянная каплица, в которой монахи зимою службу Божию отправляют»*.

Если принять за истину это описание, то 120-метровая обводная галерея в храме в честь Рождества Иоанна Предтечи была создана уже к началу XVIII века. Но эти размеры скорее можно считать преувеличенными, т. к. позднейшие описания говорят о меньших размерах пещер.

Нельзя обойти и посещение в 1769 г. Дивногорья выдающимся путешественником-натуралистом, академиком Петербургской Академии наук **Самуэлем Георгом Готлибом Гмелиным** (1744–1774), который произвел осмотр достопримечательностей и оставил краткое

*Петр I Великий (1672–1725) – царь всея Руси из династии Романовых (с 1682 г.) и первый император всероссийский (с 1721 г.) – дважды посещал Дивногорье в 1699 и 1709 гг. вместе с архиепископом Воронежским и Елецким Арсением (Костюриным).

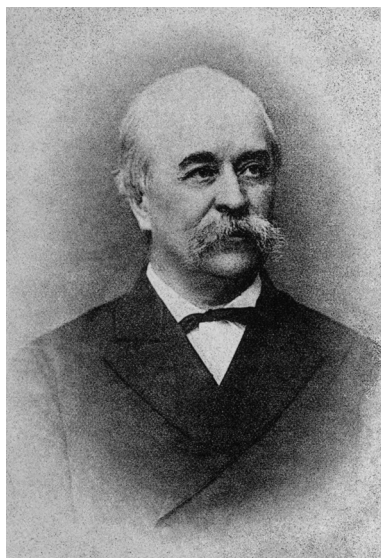
**Фут – единица измерения расстояния равная 0,3048 м.

описание современного ему состояния располагавшихся здесь пещер и меловых останцов–див. Во время его путешествия в монастыре был только один «старый» игумен. В то время, по-видимому, в народной памяти не осталось свидетельств о времени создания этих памятников.

Путешественник описывает три помещения, вырубленные в мелу – церковь и две кельи. Вероятно, об их сохранности в то время уже никто не заботился. Но одна из келий еще была цела, внутри на стене перечислены имена тех людей, которые, по мнению С.Г. Гмелина, в разные годы посещали это место. Расположение и устройство этой монашеской кельи путешественник находил крайне удобным и благоразумным. Во второй пирамиде также могла быть келья, но к 70-м гг. XVIII века она уже была разрушена (Гмелин, 1771. С. 148). О пещерном храме С.Г. Гмелин сообщает лишь то, что он построен в самой крупной меловой «пирамиде», и вокруг него был «нарочито долгий ход наподобие улитки, через который можно пройти человеку».

В 1823 г. на страницах «Отечественных достопримечательностей» появилась заметка о Дивногорских красотах. В ней приводятся данные, сообщенные С.Г. Гмелиным. Одним из примечательных фактов середины XVIII века было то, что меловая гора над монастырем поросла лесом, которого через столетие уже не было (Отечественные достопримечательности, 1823. С. 30–32).

Привлекло Дивногорье и известного писателя **Григория Петровича Данилевского** (1829-1890). «Дивногорск (очерк из путевых заметок)» был им опубликован в 1853 г. (Г.Д., 1853. С. 6–18). В произведении автор сообщает обстоятельства своего посещения Дивногорья. *«...Несколько лет назад автор этого очерка, проезжая из города Бирюча в Острогжск, в слободке Александровской, в местах родины нашего заслуженного Профессора А.В. Никитенко, разговорился со старым хуторянином, помнившим А.В. Никитенко еще в детстве, и узнал от него, что в семи верстах от большой дороги лежит монастырь, куда редко завертывала нога*

Григорий Петрович
Данилевский (1829–1890)

Русских путников. Я своротил из Коротояка вправо, и скоро Дон заблистал передо мною своими синими водами» (Г.Д., 1853. С. 7).

Знакомство с биографией писателя позволяет установить с бóльшей точностью время пребывания Г.П. Данилевского в Дивногорье. Его поступление в Петербургский университет, где он познакомился с профессором А.В. Никитенко, состоялось в сентябре 1846 г. При этом, по свидетельству С. Трубачева (биографа Данилевского), первый выезд Г.П. Данилевского из Санкт-Петербурга произошел лишь после окончания университета (июнь 1850 г.). Он отправился домой и провел все лето под родным кровом (в Харьковской губернии), осенью совершил путешествие на юг, побывав в Крыму и на Кавказе, а с ноября приступил к исполнению обязанностей канцелярского чиновника в департаменте народного просвещения в Санкт-Петербурге (Трубачев, 1995. С. 45–47). Следующая его поездка носила уже характер командировки и состоялась летом 1854 г. В этот раз он побывал в Курской, Харьковской и Полтавской губерниях, собирая сведения о древних рукописях и старинных актах в монастырях и городах. Сведений о повторном посещении им Воронежской губернии нет (Трубачев, 1995. С. 63).

Таким образом, писатель-путешественник посетил Дивногорье летом 1850 г. Из очерка мы узнаем, что пробыл он там недолго: *«...Обе ночи, в двое суток, прожитых мною близ Дивногорска, я провел под крышами этих (соломенных. – С.К.) куреней (рыбаков. – С.К.)...»* (Г.Д., 1853. С. 11). Но он настолько был очарован дивной красотой этих мест, что посвятил им отдельное художественное произведение, в котором не мог не упомянуть о пещерных памятниках.

«По уступам меловых гор, которые углом упираются к Дону и у подошвы своей образуют обширные зеленые луга, вправо возвышается 16 колоссальных столбов – каменных пирамид, образовавшихся от обвалов горы, и иные из этих столбов имеют до 5 и 7 сажен вышины (11–15 м). А одном из этих столбов, над отвесом горы сажен в 15, словно в воздухе висит высеченная в известняке церковь во имя Иоанна Крестителя. Сюда ведет, карабкаясь с камня на камень, змееобразная лестница, и едва поднимаешься над бездною, едва блеснет над церковью белый крест – чудные виды степей, по которым катятся серебряные волны ковыля, виды лугов с песнями пастухов и погонщиков, с морем камышей по берегам Дона, и вечером – огни рыбацких костров, разложенных после обильной ловли, открываются с маковки

горного хребта... В самом монастыре две церкви: одна Успения Богородицы, при котором придел Николая Чудотворца, и другая во имя Владимирской иконы Богоматери. От первой церкви ко второй ведет, поднимаясь в гору, деревянная лестница. В верхней церкви есть пещеры, вырытые на пространстве почти 60 сажен во внутренность горы, киевскими монашествовавшими пришельцами. Живопись в обеих церквях новейшая, кроме некоторых местных икон, запечатленных следами древности. Монастырские келии необыкновенно уютны, чисты, красивы...» (Г.Д., 1853. С. 6-9).

Кроме этого достаточно много заметок было издано относительно прошлого и настоящего Дивногорского монастыря в различных общих работах, посвященных истории Русской церкви, статистических справках и т. п. Об этом еще в начале XX века пишет П.В. Никольский, приводя в качестве примеров: Материалы для статистики России за 1841 г., Описание монастырей 1817 г.; Военно-статистическое обозрение Воронежской губернии и др. Он же указывает, что все эти печатные издания дают очень небогатый материал по истории монастыря. Между тем, прошлое обители не было так бесцветно, как можно подумать, прочитав вышеуказанные очерки (Никольский, 1998. С. 64). Это раскрывается в работах отечественных исследователей, которые, в том числе основываясь на описаниях путешественников, попытались воссоздать историю Дивногорской обители.

*Митрополит Евгений
(Болховитинов) (1767–1837)*

Первое исследование, посвященное истории Дивногорского Свято-Успенского монастыря, принадлежит **Евфимию Алексеевичу Болховитинову** (1767-1837) – выдающемуся русскому историку, библиографу и общественному деятелю, ставшему впоследствии Киевским митрополитом. В 1800 г. вышла в свет его книга «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии». Целый раздел в ней посвящен описанию Воронежской епархии и хотя к моменту написания труда Дивногорский монастырь был расформирован, Е.А. Болховитинов уделил внимание его истории и истории других сокращенных соглас-

но новым штатам монастырей. В дальнейшем многие ученые пользовались его достаточно объективным исследованием.

Вначале Е.А. Болховитинов приводит географическую справку о местоположении Успенского Дивногорского монастыря, который располагался в Острогожском уезде в семи верстах от Коротояка и в 18 от Острогожска (Болховитинов, 1800. С. 181–184). В дальнейшем эти же географические привязки используют многие авторы, лишь уточняя некоторые детали. Историк первый высказывает предположение о дате основания монастыря. По его мнению, это был 1640 г. Вывод основан на дате, указанной на антими́нсе*, найденном в ящике под престолом в этом монастыре. Надпись на нем сообщает о выдаче его в Николаевский храм в 1640 г. Киевским митрополитом Петром Могилою**. Но скорее этот факт может подтверждать то, что основан монастырь был именно выходцами с Украины, чем дату начала существования монастыря. В более поздних исследованиях Д.И. Багалея и В.Н. Тевяшова аргументировано опровергается это предположение

* Антиминс – прямоугольный плат с особыми изображениями, освященный и подписанный епископом, на котором совершается Божественная литургия

** Митрополит Петр (в миру Петр Симеонович Могила) – киевский митрополит с 1632 по 1647 г. с титулом «Экзарх Константинопольского трона».

ученого. Хотя эта ошибочная дата основания монастыря встречается и в современных исследованиях (Папков, 2009. С. 99). Е.А. Болховитинов же, исходя из этой даты, говорит, что украинские отшельники скрытно поселились в Дивногорье еще до основания Острогожска. При этом историк предполагает, что прежде чем обосноваться в этом месте, монахам пришлось «отрывать и сравнивать в длину на 53, а в широту на 41 сажень*» крутой косогор ($\approx 114 \times 88$ м). Меловые горы окружали монастырь с трех сторон, последняя же сторона выходила на р. Дон, и во время половодья вода подходила очень близко. К этому времени было построено две каменные церкви – Успения Пресвятой Богородицы с приделом Чудотворца Николая и в честь Владимирской Божией Матери. Последняя была построена архимандритом Феодосием и в 1758 г. освящена. Была в монастыре возведенная около 1780 г. колокольня, под которой находилось несколько каменных монашеских келий, отдельно стоял каменный флигель, в котором также располагались кельи.

Е.А. Болховитинов не обходит своим вниманием «искусно высеченную» пещерную церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи. Вырубили ее монастырские труженики. А на вырезанной надписи на меловом кресте, выбитом на горнем алтарном месте, стоит дата освящения данной церкви – 1693 г. С правой стороны от нее выкопана пещера длиной в 60 саженей (129 м), а слева начато строительство другой пещеры длиной не более 2 саженей. В меловых столбах-дивах также вырублено несколько келий, а в одном даже колокольня, но к 1800 г. и кельи, и колокольня уже «завалились», а пещеры были не-вредимы.

Описывает Е.А. Болховитинов и хозяйственную жизнь монастыря, его имущественное положение, постройки Острогожского подворья. До 1696 г. Дивногорский, или Острогожский, монастырь был причислен к Белгородской епархии, а после переведен в Воронежскую. В 1786 г. его храмы были превращены в приходские слободы Селявной.

Дальнейшее изучение подземных древностей края связано с деятельностью **Воронежского Губернского Статистического Комитета**, образованного в 1835 г. для ведения местной административной статистики. К концу XIX века Статистический комитет наладил регу-

* Сажень – старорусская единица измерения расстояния. В XVII века основной мерой была казенная сажень, равная 2,16 м. С 1835 года длина сажени была 2,1336 м.

*Архиепископ Макарий
(Миролюбов) (1817–1894)*

лярное издание «Памятных книжек Воронежской губернии». На их страницах мы находим многочисленные публикации по истории монастырей, имеющих в своем составе подземные комплексы (Степкин, 2004б. С. 19).

Достаточно подробную справку о Дивногорском Свято-Успенском монастыре в своем сообщении дает скрывающийся за инициалами А.М. **архимандрит Макарий** (1817-1894) – архиепископ Донской и Новочеркасский, писатель-археолог в миру Николай Кириллович Миролюбов (Литвинов, 1908. С. 2-4). Сообщение печатается в справочном издании Воронежской губернии – «Памят-

ной книжке на 1863–1864 гг.» (Памятная книжка, 1864. С. 1–12). На форзаце этой книги даже приведен рисунок монастыря. Ранее в первой памятной книжке на 1856 г. при перечислении монастырей лишь сообщается, что Дивногорский Успенский монастырь находится в Коротоякском уезде, а строитель в нем – иеромонах Назарий (Памятная книжка, 1856. С. 64). В описании географических координат автор уточняет помимо сведений, сообщенных Е.А. Болховитиновым, что монастырь стоит приблизительно на версту ниже впадения в Дон речки Тихой Сосны. Земля эта по жалованной грамоте 1656 г. принадлежала острогожским черкасам, и монастырь соответственно кроме Дивногорского именовался Острогожским.

Точную дату основания монастыря архимандрит Макарий не называет, но соглашается с мнением Е.А. Болховитинова, что обитель была устроена до основания г. Острогожска и относилась к Киевской митрополии и лишь позже была причислена к Белгородской епархии. Причиной переселения малороссиян на окраины Российского государства было поражение гетмана Острианина* (в июне 1638 г.). Он называет имена первых подвижников – выходцев из Киева – Ксено-

* Острианин или Острианица, Острианица (Степан) – один из казацких вождей в борьбе против польского владычества в XVII в.

Форзац «Памятной книжки Воронежской губернии на 1863–1864 гг.»

Рис. С. Павлова

фонта и Иоасафа, которые жили в вырубленной ими пещере на 80 сажень (170 м, что, на наш взгляд, несколько преувеличено). Сейчас в этой пещере находится церковь Рождества Иоанна Предтечи.

Архимандрит Макарий первым упоминает факт того, что из-за нашествий на монастырь кочевых орд калмыков и татар, в 1660–1670 гг. вся монастырская братия бежала к Мирополью, где основала Николаевский монастырь (существовал до 1788 г.). Об этом событии будут писать и последующие исследователи Дивногорского монастыря, так ли это мы рассмотрим позже, ознакомившись с аргументами других авторов. Сейчас же стоит отметить, что, по мнению Макария, «скорбь о разорении Дивногорского монастыря заставила некоторых из братии возвратиться на пепелище».

Архимандрит Макарий приводит обширные выписки из документов о хозяйственном положении монастыря, сведения о численности монастырской братии. Особое внимание он уделяет разбору обветшавшей к 1755 г. деревянной церкви Николая Чудотворца и построению на ее месте каменной во имя пресвятой Богородицы Владимирской (1758 г.), т. к. предел Николая Чудотворца уже существовал в каменной церкви Успения пресвятой Богородицы.

В «Памятной книжке Воронежской губернии на 1863–1864 гг.» подробно описаны события, связанные с упразднением и восстановлением Дивногорского монастыря. В 1764 г., как и многие монастыри по указу Екатерины II, Дивногорский монастырь потерял свои зе-

мельные владения, и его должны были упразднить, но по ходатайству епископа Воронежского и Елецкого Тихона II его оставили как расположенный на малороссийской земле. Но в 1786 г. по новому указу упразднялись и малороссийские монастыри, и монахов распределили по другим монастырям, а церкви, как уже писал Е.А. Болховитинов, стали приходскими церквями слободы Селявной. Однако 236 жителей окрестных городов Острогожска и Коротояка уже в 1813 г. подали прошение воронежскому епископу Антонию с просьбой восстановить Дивногорский монастырь. Возобновление монашеской жизни в обители произошло только в 1828 г. после перевода туда братии Коротоякского Вознесенского монастыря в связи с аварийным состоянием построек в последнем. При этом церковь Владимирской Божией Матери какое-то время оставалась приходской, но на момент написания сообщения автор причисляет ее к монастырским, указывая, что на месте Владимирской церкви устроена церковь Сицилийской Божией Матери*. Оставались в ведении монастыря и каменная Успенская церковь с пределами в честь св. Николая и св. Митрофана, а также пещерная церковь Рождества Иоанна Предтечи. Как сообщает автор, по преданию эта церковь была часовней Ксенофонта и Иоасафа, могилы которых «указываются на правой стороне от входа».

Лишь кратко автор упоминает об обретении на большом меловом столбе, где расположена монастырская часовня, Чудотворной Сицилийской иконы Божией Матери, подлинник которой находится в Москве.

В описании современного ему состояния монастыря автор повествует о существовании подземного хода от монастыря к Дону, по которому, по его мнению, монахи в XVII-XVIII веках ходили за водой. Пишет Макарий о том, что одна из разбойничьих шаяк в пугачевские времена ограбила монастырь.

Таким образом, это первое подробное описание истории Свято-Успенского Дивногорского монастыря, основанное на подлинных исторических документах и описаниях очевидцев. Недостатком является то, что автор не указывает источник, откуда он приводит ту или иную цитату.

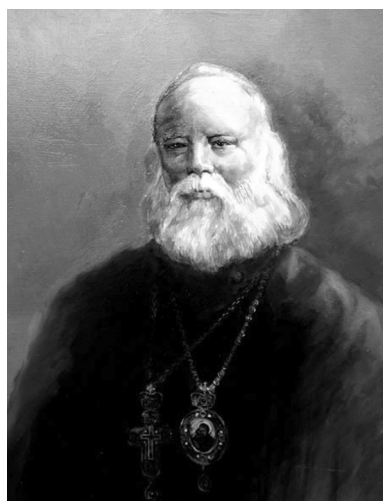
Краткая справка об Острогожском Дивногорском Успенском мо-

* Во избежание путаницы поясню, что речь идет о наземной церкви, входившей в архитектурный комплекс Дивногорского монастыря, расположенного в Малых Дивах. Пещерная церковь с таким же названием расположена в Больших Дивах. – С.К.

настыре опубликована в сведениях о монастырях Воронежской епархии за 1886 г. (Памятная книжка, 1887. С. 313).

Большой вклад в обобщение сведений о Дивногорском Свято-Успенском монастыре внес священнослужитель, педагог, доктор церковной истории, архиепископ Казанский и Свияжский **Дмитрий Иванович Самбикин** (1839-1908). В своих трудах он приводит не только все известные ему исторические свидетельства, но также церковные предания и народные легенды, связанные с различными периодами истории обители.

Он обобщил все имеющиеся сведения, напечатанные когда-либо в статьях, монографиях, а также привлек широкую источниковую базу. Его труды наполнены деталями: перечислены и описаны все постройки монастыря, вещи, хранящиеся в той или другой церкви, даже номера церковных указов и имя художника, расписавшего иконостас. В Прибавлении к Воронежским епархиальным Ведомостям за 1882 г. архимандрит Дмитрий (Самбикин) приводит обширное в большей степени художественное описание Дивногорского монастыря (Самбикин, 1882). В 1899 г. это сообщение издается в Острогожске отдельной небольшой книжечкой (Самбикин, 1899). Новые подробности в историю монастыря Д.И. Самбикин добавил при написании своей фундаментальной работы «Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии», вышедший четырьмя выпусками в Воронеже в 1884–1886 гг. Работа эта содержит сведения о 994 монастырских, приходских, кладбищенских и домовых храмах, причем это не простое перечисление церквей, а достаточно подробное их описание. Еще одно обобщение своих размышлений об истории Дивногорского монастыря и его церквей Дмитрий Самбикин приводит в составленном им «Хронологическом указателе церквей в Воронежской епархии», вышедшем в 1886 г. Все церкви и монастыри в нем перечислены по годам. При этом Дивногорский Успенский монастырь упоминается под 1586 г. как древнейший монастырь Воронежской епархии.

*Архиепископ Димитрий
(Самбикин) (1839–1908)*

В период, когда писались работы, связанные с историей Свято-Успенского Дивногорского монастыря, Д.И. Самбикин был архимандритом. Если говорить о его взгляде на историю Дивногорской обители, то первая особенность, которую следует подчеркнуть, это указание автора на подвижническую роль в основании монастыря:

«Монастырь сей основан не царями, или боярами, не богатством многих устроен: положено ему начало неизвестными для мира отшельниками, удалившимися от мирских соблазнов и превратностей в безвестные пустынные места, возлюбившими уединение, и молитву, и пощения, и бдения; по святости их жизни, величия их подвигов, усердная прибежность к Богу и Пресвятой Богородицы привлекли на них особенное благоволение Божие. Без золота и серебра, по собственными трудами устроили они для себя убежище в пещере, в местах диких и ненаселенных, – и отсюда как бы из малого семени возрос монастырь и устроилось многочисленное братство» (Самбикин, 1882. С. 511).

Точной даты основания монастыря архимандрит не называет, но также, как и архимандрит Макарий, сообщает имена первых подвижников Ксенофонта и Иоасафа. По его мнению, они жили в пещере, в которой в настоящее время находится церковь Рождества Иоанна Предтечи. Они же вырубили первую церковь в меловом столбе, где оставили принесенную ими из «некогда православной страны Сицилийской» через Киев икону Божией Матери (Самбикин, 1882. С. 513). Эти события могли, по мнению Д.И. Самбикина, происходить в XV веке, когда греки после падения Византийской империи вполне вероятно искали спасение на территории Подонья. Аргументом того, что старцы Ксенофонт и Иоасаф пришли в Дивногорье раньше возникновения г. Острогожска, для автора было то, что не только о них самих, но и об их преемниках (иеромонахах Макарии, Серафиме, архимандрите Николае) не сохранилось никаких ни письменных, ни даже устных преданий. В народной памяти сохранились только их имена (Самбикин, 1886б. С. 22). Примечательно то, что Димитрий пытается с исторической точки зрения обосновать предание о приходе иноков из Сицилии (Самбикин, 1886а. С. 188–189). Он напоминает читателю о том, что после взятия турками Константинополя в 1453 г. многие греки бежали из империи, в том числе в Италию. Так как там они свободно могли совершать богослужения, то с собой они принесли и святые мощи, и иконы. Поэтому Д.И. Самбикин предполагает, что и Сицилийская икона была византийского происхожде-

ния. На Русь она попала, когда Иван III женился на Софье Палеолог, которая воспитывалась при дворе римского папы Сикста IV. Как нам известно, венчание состоялось в 1472 г. Вместе с ней в Россию приехали греки, так как именно в этот период начались притеснения и гонения на православных греков, живших в Италии и на островах в Средиземном море. Архимандрит приводит факты переселения других подвижников. То что икону действительно принесли с Сицилии, Димитрий подтверждает и тем фактом, что празднование в ее честь установлено 5 февраля, именно в этот день на Сицилии празднуют день св. Агафьи – покровительницы острова.

Автор предполагает, что Дивногорский монастырь основывали трижды. Причем относительно изначального места основания монастыря Д.И. Самбикин в разных работах пишет по-разному. В Кратком Сведении, что первый раз обитель устроена в горе, где находится пещера Ксенофонта и Иоасафа. А в Хронологическом указателе церковью первым местом назван столб, где была обретена Чудотворная икона (Самбикин, 1886в. С. 3). Относительно второго тоже идут разночтения, т. к. если в первой работе речь идет о полугоре против церкви Рождества Иоанна Предтечи, *«в лесу, где лет пятнадцать назад открыт был меловой тайник, проведенный до самого Дона, близ нынешней Успенской церкви»*. Он был открыт, когда пытались расширить площадь под монастырь. При этом были обнаружены различные старинные предметы: истлевшие деревянные ложки, чашки, кадки и т. п. Если опираться на Хронологический указатель, второй раз монастырь был основан в самой церкви Рождества Иоанна Предтечи. Третий раз монастырь был основан уже на современном месте. Д.И. Самбикин цитирует сообщение Е.А. Болховитинова о дате основания монастыря, но, основываясь на монастырском предании о погребении епископа Павла и сотрудника его Василия на небольшом лесистом косогоре, предполагает, что это должно было произойти еще до заселения данной территории, то есть не раньше 1630 г. (Самбикин, 1882. С. 513–515). О епископе Павле также не сохранилось письменных свидетельств. По преданию Дивногорского монастыря его нетленное тело было обнаружено игуменом Меркурием, который решил устроить при Успенской церкви предел в честь св. Митрофана и при копании рвов под фундамент обнаружил нетленные мощи. Но по указу свыше гроб был закрыт и над ним устроен склеп (Самбикин, 1886б. С. 23).

К разным годам в разных работах архимандрит относит время ухода монахов в Курскую губернию. В Хронологическом указателе церкви Д.И. Самбикин говорит, что монахи еще до основания города Острогжска устроили Николаевский Миропольский монастырь (Самбикин, 1886в. С. 3), что не соответствует документальным свидетельствам. В Кратком сведении о Дивногорском монастыре приведено более точное, на наш взгляд, время. Ссылаясь на Историю Российской иерархии архимандрит Димитрий уточняет дату заупустения монастыря. По его мнению, монахи покинули обитель в 1666 г. из-за частых набегов крымских татар. Автор также предполагает, что причиной бегства могли стать не только татары, но и разбойничьи шайки Стеньки Разина. Если иеромонах Амвросий (составитель Истории Российской иерархии) сообщает, что из разбежавшихся монахов некоторые опять возвращаются к концу XVII века, то архимандрит Димитрий пишет, что Дивногорский монастырь был в запустении не более 8–10 лет.

Пересказывает Д.И. Самбикин сообщения, опубликованные в журнале «Русское слово», о разграблении монастыря шайками Пугачева, а из рассказов стариков сообщает о страхе, в котором держал местных жителей разбойничий атаман Кудеяр, останавливавшийся на Маяцком городище. *«Его шайка так была смела, что... не боялась торжествовать Светлое Воскресение Христово пушечными и ружейными выстрелами с высоты валов городища, при первом ударе колокола в монастыре».*

Подробно Д.И. Самбикин перечисляет имущество монастыря – мельницы, монастырский двор, подворье в Острогжске и отмечает «цветущее» состояние хозяйства. О закрытии и возобновлении монастыря автор помещает те же сведения, что и архимандрит Макарий, только чуть более подробно и эмоционально. В другой своей работе – Указателе храмовых празднеств в Воронежской епархии – архимандрит Димитрий даже цитирует полностью указ об упразднении монастырей, а также роспись имущества, взятого в Воронежскую архиерейскую ризницу и оставленного в приходских церквях (Самбикин, 1886б. С. 235-241).

Автор цитирует предание о Сицилийской иконе Божией Матери по проповеди 13 августа 1861 г. свидетеля событий Коротоякского священника Пармена Помигуева, произнесенной им в Коротоякском соборе. По ней со второй половины XVIII века по распоряже-

нию настоятеля икона стояла в меловом столбе в двух верстах от монастыря и привлекала к себе множество паломников. *«Но с 1800 годов, по какое-то непонятному охлаждению окрестных жителей, самое существование сей иконы пришло в забвение – и уже, когда сама Владычица благоволила явить дивный покров, пришло в извещение».* Подробно изложены события обретения иконы в 1831 году, а также в какое время икона пребывает в каком городе. Сообщает Самбикин и о многочисленности богомольцев в этих местах – до 20 000 человек (Самбикин, 1886б. С. 31). Подлинник иконы был написан на доске размером 1,5 x 1 аршин ($\approx 1 \times 0,7$ м) и покрыт серебряною ризою, а так как она была чтима по всей Воронежской губернии, то по свидетельству архимандрита Димитрия «в редком храме, особенно в малороссийских уездах не находится копия с этой иконы» (Самбикин, 1886а. С. 191, 194).

Сообщает архимандрит Димитрий и еще об одном любопытном факте. По указу Консистории от 31 марта 1862 г. записывать все чудеса и знамения Сицилийской иконы Божией Матери. Описывает автор и сами «благодатные врачевания» причем как записанные, так и сохранившиеся в устных преданиях монастырской братии.

Очень подробно архимандрит Димитрий описывает все церковные постройки. Любопытно, на наш взгляд, проследить под какими годами автор помещает ту или иную монастырскую церковь в Хронологическом указателе церковей Воронежской епархии. Сам монастырь и две пещерные церкви, как уже было сказано выше, Д.И. Самбикин относит к древнейшим и помещает под 1586 г. Церковь в честь Николая Чудотворца – 1642 г. Успенская церковь – 1658–1750, когда она была перестроена. При этом автор справедливо предполагает, что Успенская церковь должна была существовать и раньше, так как монастырь изначально носил имя Успенского. С 1750 по 1852 гг. она была каменной, а в 1885 г. построена новая по образцу греческой церкви св. Дмитрия Солунского в Петербурге. Д.И. Самбикин уточняет время, когда Владимирская церковь вновь стала монастырской. Это произошло после 1840 г., после того как в слободе Селявной была построена собственная приходская церковь. В 1860 г. за ветхостью Владимирская церковь разбирается, а на ее месте возводят более обширную в честь Сицилийской иконы Божией Матери.

Отдельное внимание хотелось бы уделить описанию пещерной церкви Рождества Иоанна Предтечи как наиболее примечательной.

По мнению Д.И. Самбикина, она могла быть древнейшим храмом в пределах Воронежской епархии того времени. В Хронологическом указателе церквей она указана под 1586 и 1846 гг., когда ее переосвятил архиепископ Антоний.

В цитируемой автором «Истории Российской иерархии» церковь Рождества Иоанна Предтечи была высотой до 5 аршин ($\approx 3,5$ м) и имела два меловые столба. С правой стороны храма располагался вход в пещеру длиной 60 сажен (≈ 128 м), а шириной 1,5 аршина (≈ 1 м). В противоположной стороне начата другая пещера длиной около 2 саженей (История российской иерархии, 1812. С. 32-33). Хочется сразу отметить, что информация, которую дает о Дивногорском монастыре архимандрит Амвросий, полностью повторяет сообщение Е.А. Болховитинова с незначительным добавлением деталей, например о высоте церкви. Также более подробно описаны три меловых столба над монастырем: в первом было вырублено несколько монашеских келий, во втором – колокольня, помещение в третьем столбе не поддается интерпретации. Основываясь, как и Е.А. Болховитинов на антиминос от Петра Могилы, автор «Истории Российской иерархии» называет 1640 г. как время основания монастыря. На наш взгляд, несомненно то, что архимандрит Амвросий пользовался трудом Болховитинова.

Современное же состояние пещерного храма архимандрит Димитрий описывал чуть иначе. Его сведения подтверждает и «Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах», которая сейчас хранится в архиве ИИМК (РА ИИМК Ф. Р III. Д. 1047. Л. 84–86). К ней, в частности, были приложены не только фотографии монастыря, но и его краткое описание, составленное Д.И. Самбикиным. Пещерная церковь Рождества Иоанна Предтечи имела прямой и просторный вход, длина вместе с алтарем – 18 аршин* (≈ 13 м), а ширина – 17 (≈ 12 м). Своды поддерживались четырьмя вытесанными столбами. Вверху церковь украшена позолоченными главой с крестом. С правой стороны храма располагался вход в пещеру длиной 23 сажени (≈ 49 м), и шириной 1,5 аршина. У входа в церковь погребены старцы Ксенофонт и Иоасаф. Пещера расширялась в течение последних 20 лет. Начатая еще в прошлом столетии пещера с левой стороны входа, была проведена вниз к монастырским строениям. Вход в нее запи-

* Аршин – старорусская единица измерения длины равная 0,7112 м.

рался железной решеткой. Конкретной даты основания церкви архимандрит не называет, лишь отмечает, что возможно при Ксенофонте и Иоасафе в церкви была часовня, а первое освящение церкви произошло в конце XVII века. К этому времени автор относит существование колокольни в другом меловом столбе близ пещерной церкви. Долгое время церковь находилась в запустении и лишь в 1817 г., еще до восстановления монастыря, архиепископ Епифаний разрешил освятить ее и совершать в ней богослужения. После обустройства в ней нового иконостаса, она была вновь освящена архиепископом Воронежским Антонием 28 июля 1846 г. Более подробное описание этой церкви Д.И. Самбикин дает в своей следующей книге, при этом значительно увеличились размеры церкви, приведенные в этом описании: длина – 40 аршин (≈ 28 м), а ширина – 17 (≈ 12 м) (Самбикин, 1886б. С. 28). Другие пещеры архимандрит Димитрий уже не описывает. Нет в Указателе сведений о пещерном ходе. Церковь была разделена столбами на три отделения. При этом алтарь отделялся природными столбами, и из основного помещения для входа в него проделано три «отверстия»: для царских врат и боковых дверей.

«Алтарь возвышен над церковью на несколько ступеней, изсеченных в меловой горе; горнее место представляет из себя вид седалища (кафедры) для архиерея. Вероятно, это имелось в виду на случай архиерейского служения в этом храме. Над горним местом на полуовальной каменной (меловой) доске осмиконечный крест с надписью... Престол высечен из камня, таковы же клиросы, они примыкают к пещерным стенам; вместимость клиросов необширна, не более как человек на 6–8. Алтарь довольно просторный, на левой стороне его высечена небольшая комната в виде пономарни».

Для более полного описания хочется добавить детали из Метрики, которые несколько отличаются от описания Д.И. Самбикина. В частности, по Метрике престол деревянный, а не каменный, как пишет архимандрит. Дугообразные своды пересекаются в центре основного помещения храма. В церкви с западной стороны было три окна: одно над входом, два по сторонам. Они узкие, вытянутые с полукруглым верхом, закрыты прямыми железными решетками (РА ИИМК. Ф. Р III. Д. 1047. Л. 89).

Д.И. Самбикин был, пожалуй, первым, кто столь подробно описал церковь Сицилийской иконы Божией Матери в Больших Дивах. По-

этому позволим себе целиком процитировать это описание (Самбин, 1886б. С. 28–31):

«Кроме пещерной Предтеч. церкви есть остатки и другой пещерной церкви – в одном из столпов – верстах в 2-х от монастыря на западе, по дороге к Острогожску. Вход в эту, уже оставленную пещерную церковь, с дороги от р. Дону, расчищен довольно удобный. Пред пещерным храмом – сделана площадка, с которой открывается прелестный вид на реки Сосну и Дон, серебристою лентою извивающиеся среди белого, обширного луга, далее – виднеются Коротояк (7в.) и Острогожск (21 в.). Ландшафт оканчивается горами над р. Доном – от Коротояка – вниз по течению реки, а по направлению к Острогожску – довольно возвышенною местностью... Площадка и боков. стенки, иссеченные в горе, при входе в пещеру представляют в себя природную церковную паперть. На одной стороне на стене написаны изображения пр. Феодосия Печер. и основателей монастыря Ксенофонта и Иоасафа (в монашеских одеждах и с довольно длинными бородами с проседью). Хотя лики эти уже полуистерты, но очевидно, позднейшего происхождения, а потому нельзя судить о степени сходства изображений с самими оригиналами; по противоположной стене таковые же изображения неизвестно каких трех лиц, так как подписи над ними стерты и нельзя их прочесть. Вероятно, между ними есть изображение преп. Антония Киевопечерского; на входных дверях с внутренней стороны лик святой великомученицы Варвары. Пещерная церковь по своей вместимости менее Предтеченского храма; алтарь в церкви отделяется каменными столбами с тремя пролетами для царских врат и боковых дверей. Иконостаса уже нет, но вместо него на столбах поставлены иконы Спасителя и Божией Матери. Престола и жертвенника нет; вероятно, приняты (в Предтеч. церкви тот и другой иссечены из самого же камня); не далеко от столбов предалтарных – устроены по обеим сторонам клиросы; позади храма пещеры – в роде коридора (довольно узкого, так что двум человекам в ряду нельзя проходить); коридор этот окружает пещерную церковь, и вход в пещеры начинается с правой стороны; над нижним коридором пещер устроен верхний пещерный ход и – выход из пещер (верхнего этажа) наружу дверью к реке Дону. В верхних пещерах видны следы человеческого жилья: несколько келий, имевших особое назначение; так показывают трапезную (не более как человек на 10–15), кухню, в которой видны остатки печи, а от печи проведена дымовая труба вверх к выходу,

комната, где будто спали пещерники и т.п.*. Пещерокопатели при копании пещер, вероятно, имели в виду Киевские пещеры. Так, в пещерном коридоре стены сделаны углубления в роде них, в длину от 2 до 3-х аршин, а в глубину $\frac{3}{4}$ аршина и более (подобно углублениям в Киевских пещерах, где почивают мощи св. угодников). В этих нишах на расстоянии от земли в 1,5 аршина сделаны небольшие карнизы, на коих ставятся иконы (обыкновенно по три иконы, из коих две по боковым стенам ниши, а третья вставляется в нарочито выделанный в стене четверугольник (от 3 до 5 вершков). На этих иконах большей частью изображения Пресвятой Богородицы (Казанской, Дивногорской, Владимирской и др.), Спасителя, великомученицы Варвары, святителей Митрофана, Николая Чудотворца и др. Над входными в пещеры дверями – довольно обширный четверугольник, выдолбленный в горной стене с деревянной рамою. Здесь прежде находилась икона Дивногорской, Сицилийской Божией Матери. Отсюда-то впервые вследствие видения г. Коломенской, в 1831 г. святая икона была взята с крестным ходом (во время холеры) в г. Коротояк. В настоящее время там поставлена небольшая икона Божией Матери; близ выходных из пещер дверей сбоку в горе высечены небольшие скамейки для отдыха. На площадке, недалеко от входа в пещерную церковь построено небольшой деревянный домик, в нем одиноко проживает монах, охраняющий пещеры; против пещерного храма внизу между горою и р. Сосною недалеко от дороги – выкопан колодец, против которого ближе к горе сделан деревянный навес, под навесом небольшая икона. Здесь проходящие богомольцы утоляют жажду свежую, холодную водою...» На этом столпе «видится фигура старика с бородой, в монашеской скуфейке, – отчетливо представляются в фигуре глаза, щеки и т.п., что кем-то над этою фигурою сделана надпись (вырезанная на столбе) «Авраамий». Вероятно, смотревший на эту человеческую фигуру, видел в ней большое сходство с каким-то старцем Авраамием...».

Высказывает архимандрит предположение и о том, в честь какого события была освящена эта пещерная церковь. По одной из версий она была в честь Владимирской иконы Божией Матери, по другой – в честь св. Николая. Но в период написания Указателя ее уже упразднили (Самбикин, 1886а. С. 195).

* Судя по этому описанию, второй ярус пещерной церкви в Больших Дивах был значительно обширней, нежели он сохранился до наших дней. В настоящее время там всего одна келья, кухня и трапезная. – С.К.

Упоминает автор и о существовании еще одной пещерной часовни, которая расположена на высоте 36 саженей к северу от монастыря. Но подход к этой пещере неудобен. Скорее всего речь идет о пещере «Ухо».

При перечислении настоятелей Дмитрий Самбикин допускает также небольшую ошибку. Он пишет, что в 1653 г. игуменом был Андроник, а с 1667 по 1673 г. настоятелем был игумен Гурий. Хотя сейчас опираясь на архивные сведения, мы можем с уверенностью сказать, что Гурий был первым игуменом Дивногорского монастыря. Д.И. Самбикин ссылается на список настоятелей Строева (Строев, 1877. С. 843). Но даже если принять эти сведения на веру, то это будет еще одним доказательством того, что в 70-х гг. XVII века не все монахи бежали из обители. Д.И. Самбикин первый пишет о том, что игумен Тихон за свои труды по благоустройству монастыря был возведен в сан архимандрита, хотя неясно точно в каком году это произошло, т. к. в одном из документов 1685 г. он назван архимандритом, а на кресте 1686 надпись об устройении его «при игумене Тихоне» (Самбикин, 1886б. С. 249).

Хотя член Воронежского губернского статистического комитета, журналист **Григорий Михайлович Веселовский** (1837–1896) не внес новых фактов или гипотез относительно истории монастыря, нельзя не отметить, что в двух своих работах он, основываясь на труды Е.А. Болховитинова и архимандрита Макария, приводит выжимку по истории обители. Она опубликована в книге об Острогожске, т. к. до 1828 г. обитель принадлежала Острогожскому уезду и позже была передана в Коротоякский уезд. Правда спор между двумя городами о принадлежности монастыря возникал со времени его основания. Единственное добавление у Григория Михайловича в указании современного ему количества братии сделано на основании сведений «Воронежских епархиальных ведомостей», по которым в 1866 г. в Дивногорском монастыре было 43 человека (Веселовский, 1876. С. 164). При этом в епархиальных ведомостях указывается и год основания монастыря – 1662 (Воронежская епархия в настоящем ее состоянии, 1866. С. 108). Правда, непонятно откуда взялась эта дата. В другом труде – очерке городов Воронежской губернии – совместно с краеведом, историком печати **Николаем Васильевичем Воскресенским** (1839–1904) было вновь переиздано сообщение о монастыре без внесения каких-либо правок или дополнений (Веселовский, 1876. С. 110–113).

При исследовании монастырской колонизации **Дмитрий Иванович Багaley** (1857-1932) дает достаточно подробное описание крупным монастырям, которые, по его мнению, играли важную роль в деле заселения и обороны края. К ним он относит и Дивногорский монастырь. При этом историк приводит обширные цитаты из работ предшественников, в частности из «Памятной книжки Воронежской губернии на 1863–1864 гг.», описания Г.П. Данилевского. Привлекает Д.И. Багaley и различные документы XVII-XVIII веков. Например, он приводит цитату из записной тетради певчих-дьяков, отправившихся в 1696 г. в Азов, и описание расположения Дивногорского монастыря в хроно-географическом описании Острогжского полка второй половины XVIII века.

*Дмитрий Иванович Багaley
(1857–1932)*

Д.И. Багaley подчеркивает военное стратегическое значение монастыря и отмечает, что подобно Святогорскому монастырю* «он находился за чертою и в первое время был передовым украинским поселением в степях». Автор приводит документальные свидетельства, что монастырь был укреплен: в 1714 г. на колокольне находились три железных и одна медная пушка.

Д.И. Багaley считает, что братия из-за частых нападений татар ушла из Дивногорья в 1671 г. и построила себе новый монастырь между Суджей и Миропольем у р. Псла на Девичьем городище. Для его обустройства в 1672 г. иеромонахи Феодосий, Лаврентий, Кесарий, Палева и старец Никодим просили дать ризы, богослужебные книги и т. п., то есть этот документ перечисляет нам поименно тех людей, которые бежали из Дивногорья. Д.И. Багaley, как и большинство исследователей, отмечает, что из Дивьих гор ушла вся братия, но, на наш взгляд, такое утверждение не совсем правильно. Как пишет автор, очень скоро некоторые монахи вернулись в Дивногорье и возобновили монастырь, но возвращаться в опасное место из уже

* Ныне **Святогорская Успенская Лавра** на правом берегу Северского Донца, близ города Изюм на Украине (Донецкая область).

обустроенной новой обители не имело смысла, да и всю церковную утварь братия могла привести с собой из старого монастыря, если бы организованно перемещалась на новое место.

Многие факты свидетельствуют о том, что игумен Тихон с несколькими монахами продолжал жить в Дивногорье. Так, 20 апреля 1673 г. татарский отряд численностью около 20 человек напал на обитель, но караульщики от них отстрелялись и в монастырь не пустили. Татары убили Дивногорского старца и пастуха, находившихся в тот момент в степи «...малого взяли в полон, и мелкую животину и стадо отогнали» (Цит: по Амелькин, 1995а. С. 146). В 1677 г. около 100 человек татар вновь напали на Дивногорскую обитель и увели оттуда двух лошадей. Тот факт, что монахи не пострадали, дал основание уже другому исследователю – В.Н. Тевяшову – предположить, что в этот момент иноков в монастыре не было (Тевяшов, 1902. С. 62). Но, возможно, как и пять лет назад, им просто удалось отсидеться за монастырскими стенами.

Из угодий, принадлежавших в 1696 г. Дивногорскому монастырю, Д.И. Багaley упоминает только рыбные ловли, находившиеся при впадении Богучара в Дон и сдававшиеся в оброк жителям Острогожска. В 1714 г. у монастыря уже было свое подворье в г. Острогожске и напололам с Острогожским Девичьим монастырем часовня. В слободе Селявной было 100 хат малороссиян, которые считались подданными монастыря.

Д.И. Багaley не соглашается с Е.А. Болховитиновым в обосновании даты основания монастыря. По его предположению антиминос, на который ссылается Евфимий Алексеевич, был принесен иноками с Заднепровской Украины. Там располагался приходской Николаевский храм. Придя на новые земли, переселенцы устроили предел в честь св. Николая в построенном ими храме. Тем, что антиминос был выдан на освещение храма на Украине, а не в Дивногорье, Д.И. Багaley объясняет и то, почему в монастырь, находящийся в пределах Русского государства, антиминос был выдан Киевским митрополитом. Датой основания монастыря Дмитрий Иванович считает 1650–1651 гг., что в целом ближе соответствует действительности.

Этнограф **Владимира Николаевича Майнова** (1845–1888) интересовало время не основания монастыря, а время создания его пещерных комплексов. По его предположению пещеры в Больших Дивах были построены именно жителями Маяцкого городища, а

не иноками. Он высказывает гипотезу, что в систему подземных ходов, расположенную под городищем, можно было попасть прямо с Маяцкого. В.Н. Майнов считал, что комплекс был создан либо половцами, либо русскими (Майнов, 1875. С. 68–69).

Леонид Борисович Вейнберг
(1849–1901)

Не обошел своим вниманием пещерные монастыри и секретарь Воронежского Губернского Статистического Комитета археолог и краевед **Леонид Борисович Вейнберг** (1849–1901). В 1891 г. вышла в свет его работа «Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии». Она написана после личного осмотра автором памятников, расположенных на Дивьих горах, в 1889 г. На страницах работы среди описываемых древностей фигурируют и пещерные памятники Дивногорского, Шатрищегорского и Белогорского монастырей. Особая ценность работы заключается в приложении к ней рисунков Е.Л. Маркова. Его описание скорее можно отнести к художественным (Вейнберг, 1891):

«В ущелье, на расширенной площадке набережной, живописно приютился Дивногорский монастырь, с трех сторон стиснутый нависшими над ним меловыми скалами».

Автор указывает на то, что многие пытались разгадать тайны этих мест, но зачастую эти описания были лишены научной основы. Леонид Борисович отмечает, что Н.М. Карамзин в своей работе спутал Донскую беседу* с Дивными горами. Очень критично автор подходит ко всем гипотезам, высказанным его предшественниками относительно причин образования меловых столбов-Див. По его мнению, меловые столбы рукотворны и представляют собой остатки стены, некогда окружавшей и защищавшей гору.

В своей более ранней работе, посвященной христианизации Укра-

* Донская беседа – упоминается в «Книге Большого Чертежа», выходы девонских известняков, образующие скалистые уступы, – геологический памятник на территории Липецкой области, расположенный у с. Каменка на правом берегу Дона.

ины, Л.Б. Вейнберг отмечал, что до XVI века христианского населения на этой территории не было, либо же к этому времени оно было полностью истреблено кочевниками (Вейнберг, 1889. С. 8) При этом он описывает картину религиозно-нравственного разврата, царившего в Придонском регионе в допетровскую эпоху, в том числе и в среде духовенства.

Остановимся на его гипотезе о времени создания пещерных памятников. По мнению Л.Б. Вейнберга, допускать, что пещеры Дивногорья «были вырыты монахами – было бы слишком наивно». Он считает, что такую тонкую работу не могли проделать 10–20 человек монахов, и ссылается на то, что когда за такую работу действительно брались иноки, то протяженность пещер была не более 2–4 (5–10 м) саженей, притом «топорной работы», и разрушавшейся достаточно быстро. Правда, непонятно, откуда у автора подобные сведения. В.В. Степкин в своей работе убедительно доказал, что пещеры могут быть выкопаны и гораздо быстрее* (Степкин, 2004г. С. 174). Другим аргументом в пользу существования пещер до монастыря Л.Б. Вейнберг называет то, что пещеры появились одновременно с монастырем в 1646 г., при этом длина их уже достигала 60 саженей. Во-первых, данных о такой протяженности пещер источники нам не сообщают. Во-вторых, первые челобитные русскому царю из Дивногорского монастыря приходят в 1658 г., а датой его основания называют 1653 г. За 5 лет вполне мог быть создан храмовый пещерный комплекс, хотя и отрицать возможность существования пещер ко времени прихода туда иноков также, на наш взгляд, не стоит.

Л.Б. Вейнберг называет Дивногорье «громadнейшим из исторических храмов Дона». Датой основания монастыря он считает 1638 г. – год поражения гетмана Остряницы, после чего началась волна переселения с Левобережной Украины в пределы Русского государства. Изначально монастырь располагался «за чертою», то есть за пределами укрепленной линии России. Он повторяет сведения о запустении монастыря в 1660–1670-х гг. Новых сведений о церковных постройках Л.Б. Вейнберг не сообщает.

Важную роль в изучении пещеростроительства на Дону сыграла **Воронежская Ученая Архивная Комиссия (ВУАК)**, основанная в 1900 г. Ее активными членами являлись Е.Л. Марков, В.Н. Тевяшов,

*Подробнее о расчете трудозатрат см. гл. 2 данной работы.

М.П. Трунов и др. Комиссия занималась упорядочением архивного дела, организовывала археологические раскопки и разведки, издавала свои «Труды». (Степкин, 2004б. С. 19). Но немаловажен и тот факт, что Комиссия, возможно, сыграла определенную роль и в защите меловых останцов-див от разрушения. Это мы видим из журнала заседания от 30 ноября 1901 г., на котором М.Д. Свербеев просил Воронежскую Ученую Архивную Комиссию ходатайствовать о запрете уничтожения див. Присутствовавший на заседании Комиссии начальник губернии П.А. Слепцов обещал принять меры к охране столбов. На этом же заседании Е.Л. Марков также отметил, что от сотрясения железной дороги разрушаются пещерные ходы, планы которых необходимо составить в ближайшее время. (Журналы..., 1902. С. XLVI).

*Евгений Львович Марков
(1835–1903)*

Нельзя назвать сочинение известного литератора **Евгения Львовича Маркова** (1835–1903), который совершал неоднократные поездки в Дивногорье и опубликовал свои впечатления в форме путевых заметок в 1891 г. (Марков, 2007), лишенным научной основы. При этом его описание, безусловно, пропитано эмоциями и изложено изысканным стилем. Лишь кратко, но живописно он пересказывает известную ему историю монастыря, опираясь на исследования Е.А. Болховитинова и других авторов. Цитирует писатель и Игнатия Смольянина, и записки путешественников конца XVII века, и дневник С.Г. Гмелина. Е.Л. Марков рассказывает о фантастическом предположении **Ивана Егоровича Забелина** (1820–1908), высказанном в его труде «История русской жизни», что «белые столпы», упоминаемые в путешествии митрополита Пимена, у устья Тихой Сосны, ничто иное, как «жертвенник Кесаря», находившийся, по уверению Птолемея на р. Дон, ниже «жертвенника Александра Македонского», который в свою очередь И.Е. Забелин соотносит со столбами Донской Беседы, ниже впадения в Дон р. Быстрой Сосны.

Важным фактом, отмеченным Е.Л. Марковым, является обработ-

Церковь Сицилийской иконы Божией Матери. Рисунок Е.Л. Маркова

ка человеком меловых столбов-див. Он пишет, что в одном из столбов видна «задняя сторона правильно вырубленной дымовой трубы», в другом – «как бы остатки искусственной стенки, дополнявшей наружную ограду жилья»; в третьем – «довольно ясные признаки расколовшейся оконной арки». На наш взгляд, справедливо предположение писателя о том, что это могли быть следы неудавшихся монашеских попыток устроить себе келейку в каменных складках столба. Допускал Евгений Львович и существование более обширной системы пещерных ходов, чем известно в настоящее время.

Описывает писатель и внешний современный ему вид пещерного храма в Больших Дивах. В то время верхний утес его был увенчан крестом, а на сглаженной передней поверхности этого нерукотворного здания высечены колонки и перемычки большого киота, на том самом месте, где была обретена главная святыня Дивногорского монастыря – Чудотворная Сицилийская икона Божией Матери. В конце XIX века в киот был помещен Список иконы. Чугунной решеткой было закрыто низкое окно. Дверь в храм была полукруглой. Сбоку от двери были красками написаны изображения угодников. Охранял церковь один из монахов, который волей-неволей совершал подвиг молчальника, в силу того, что ему просто не с кем было общаться. Очень наглядно описывает Е.Л. Марков быт старца:

«В мазанке невольного отшельника стоит аналой, висят иконы и лампадки, лежат церковные книги. В тенистом уголку прячутся

прикрытые лопухами два железные ведрышка с единственными наслаждениями, доступными в этой пустыне, – ключевой водою, принесенною из колодца горы, и спелыми вишнями из монастырского сада».

Впечатлило писателя и посещение пещерного храма: «Сырым пронизывающим воздухом погреба и удушливым запахом гашеной извести разом пахнуло на нас, и мы очутились с тонкими восковыми свечками в руках, вслед за черною фигурою инок, под темными сводами пещерного храма. Откуда-то из далекой глубины подземелий тянул резкий сквозняк, охватывающий лихорадочным ознобом вспотевшее от ходьбы тело. Трудно представить себе возможность постоянной жизни в этих меловых пещерах, где со всех сторон обдают вас какие-то насквозь пробирающие ревматические токи. А между тем, тут десятки лет кряду жили и молились люди». Именно благодаря описанию Маркова мы узнаем, что храм некогда был расписан: «Храм вырублен в скале довольно высокими сводами на массивных столбах из того же известняка, расписанных со всех четырех сторон так же, как и стены, полинявшими иконами, прямо по сырцу скалы. Убогое убранство храма ржавеет и тлеет неудержимо в этой вечно сырой атмосфере, насыщенной испарениями извести. Живопись съедается и тускнеет еще быстрее... Пещеры уходят далеко в глубину меловых толщ, то поднимаясь вверх, то опускаясь, и чем глубже спускаются, тем душнее становится в них; сырость сочится по стенам и сводам сквозь трещины и незримые поры известняка, будто слезы этой мрачной могилы. Деревянные доски дешевых крестьянских икон, расставленные благочестивою рукою богомольцев в разных впадинах и закоулках пещер, слезли и почернели от гнили, уничтожающей их в течение какого-нибудь десятка лет... Они одни сколько-нибудь разнообразят унылое однообразие этих длинных подземных коридоров из белого мела, точащих свои вечные слезы, и только кое-где по сводам по русскому обычаю нанесены кресты, накопченные свечою усердного богомольца, чтобы отогнать нечистую силу из этого царства тьмы».

Примечательно то, как интерпретирует автор историю запустевшего, на момент его путешествия храма. Во-первых, по его мнению, так как монастырская братия приходит крестным ходом в Большие Дивы на Успение, то и храм раньше должен был быть освящен в честь Успения Пресвятой Богородицы, что, безусловно, является лишь предположением. Основание церкви он связывает с именами первых пустынножителей Ксенофонта и Иоасафа, аргументируя свою точку

зрения тем, что именно они принесли в Дивногорье древнюю икону, которая была обретена как раз над входом в пещерный храм.

Живописно Е.Л. Марков характеризует и Малые Дивы: *«Три утеса-башни поднимаются на этих обрывах, ярко вырезаясь своими белыми обелисками на фоне синего неба и темной зелени леса. В этих меловых столбах, из которых один увенчан золотою главою и золотым крестом, – древнейшая подземная церковь обителю, опустевшие кельи и колокольня. Еще глубже в материк скалы идут пещеры. Издали этот природный храм, венчающий храмы рук человеческих, и составляет главную красоту и своеобразность древней придонской пустыньки».*

Автор отмечает отличную сохранность мелового храма, вокруг которого кольцом идут пещеры. С уверенностью Е.Л. Марков пишет о том, что под одним из столбов церковного свода есть каменная гробница схимонахов Ксенофонта и Иоасафа. Вспоминает он и монастырские сказания, ранее пересказанные Д.И. Самбикиным о том, что в первой половине XVII века в Дивногорских пещерах были уже другие трудники – епископ Павел, иеромонахи Макарий и Серафим, архимандрит Николай. В соответствии с общепринятой точкой зрения, описывает автор обретение Чудотворной Сицилийской иконы Божией Матери и чудеса, творимые ею. При этом он также довольно пространно рассуждает о возможности чуда как такового.

Исходя из вышесказанного нельзя не согласиться с В.В. Степкиным, что заметки Е.Л. Маркова не только высоко художественны, но и дают массу интересных научных фактов. Причем писатель не просто делает описание увиденного, а пытается, как исследователь, делать интерпретации, привлекая для этого широкий круг источников (Степкин, 2004б. С. 22).

Лишь кратко хотелось бы отметить работу активного члена всех воронежских дореволюционных краеведческих обществ **Степана Егоровича Зверева** (1861–1920). В 1896 г. на X археологическом съезде в Риге он прочитал доклад «Следы христианства на Дону в домонгольский период». В нем автор напрямую не касается истории Дивногорского монастыря, но его мысль о том, что христианство попало на Дон еще в первые века нашей эры, благодаря «торговым сношениям с Черноморскими греческими колониями», а затем распространилось в XI–XII веках «в связи с прочною колонизацией Придонского края русскими около этого времени», дала возможность ученым обо-

*Владимир Николаевич
Тевяшов (1840–1919)*

снова возможность существования православного монастыря в то далекое время.

Большой вклад в изучение архитектурных памятников Дивногорья внес член ВУАК, воронежский краевед **Владимир Николаевич Тевяшов** (1840–1919). Его работа в Московском архиве помогла выявить ряд документов по истории Острогжска и приписанного к нему монастыря. В 1902 г. в Трудах ВУАК увидела свет его работа по истории пещеростроительства в Острогжском уезде. По мнению В.В. Степкина, это было одним из первых серьезных исследований, в которых делалась попытка, проанализировав историю Шатрищегорского, Дивногорского и Бело-

горского пещерных монастырей, ответить на вопросы, связанные с хронологией этих памятников. Именно в раскрытии этой проблемы видит свою главную цель и сам автор. На основании письменных источников он убедительно доказывает, что до середины XVII века монастыря в Дивногорье быть не могло. По мнению В.Н. Тевяшова, православная обитель не могла возникнуть рядом с древним городищем, хотя кем и когда было построено городище, автор не знает. Он отмечает, что сменившие хазар половцы не щадили православных храмов при нападении на русские деревни, да и во время владычества татар особенно после принятия ими ислама в этой местности не могла сохраняться или возникнуть православная обитель. Когда же в эти земли стали регулярно заезжать православные русские служилые люди, то и они должны были бы знать о существовании в зоне их надзора христианских обителей, но в обстоятельном описании этой сторожевой службы ни разу не упоминают Дивногорский монастырь. Конные станицы и сторожи* осматривали татарские перелазы

* Сторожа – в Русском государстве XV–XVII веков – небольшие конные посты, высылавшиеся на засечные черты или впереди них. Сторожа несли службу с ранней весны до поздней осени, в наиболее вероятное время татарских набегов, образуя линию наблюдательных постов, связанных разъездами.

по течению рек Тихая Сосна и Дон уже с XVI века. Лишь с началом работ по сооружению Белгородской черты в 30–50-х гг. XVII века названия – Дивногорье и Маяцкое городище – начинают фигурировать на страницах исторических документов. Создание оборонительной черты требовало тщательного обследования района Тихой Сосны, которое проводилось дважды – в 1630 и 1636 гг. Упоминаний о существовании здесь в эти годы монастыря нет. Бояре Федор Вахромеев и Сухотин и подьячий Евсей Юрьев после поездки в Кальмиусскую сакму составили следующее описание Дивногорья: «А на устье реки Сосны, где река Сосна в Дон впала, на Крымской стороне гора меловая крута, а на горе дивы каменные» (Цит. по: Тевяшов, 1902. С. 55). В.Н. Тевяшов подчеркивает, что служилые люди не могли умолчать о существовании пещер, не говоря уже о монастыре, как не могли они умолчать об остатках монастыря хотя бы в виде развалин, если бы он существовал ранее. Нет Дивногорского монастыря среди арендаторов рыбных ловель и других оброчных мест, хотя близлежащие Сосенский, Богатский и Копанищенский ухожие* были на откупе у Воронежского Успенского и Боршевского монастырей. Нам аргументы Владимира Николаевича кажутся вполне убедительными.

Как известно, первоначально низовья Тихой Сосны входили в военную зону вновь выстроенного в 1647 г. Коротояка. У устья Сосны располагалась постоянная сторожка, где стояли понеделно по 20 полковых казаков, местность же у Дивных гор была включена в земельные угодья военных поселенцев города (Загоровский, 1966. С. 22). Пятидесятнику Мине Алтухову и коротояцким казакам были выделены сенные покосы от устья р. Тихой Сосны вверх по течению «меж гор и до Маяцкаго стариннаго городища, и от того городища от Больших Див вверх по реке по Сосне до лозового куста, до пушкарских сенных покосов» (Строенная книга, 1889. С. 1890). В Строенной книге этого города впервые упоминается о Маяцком городище. Но в довольно подробном описании окрестностей этого города, ни слова не говорится о существовании здесь какого-либо монастыря или пещерного храма.

В 40-е годы XVII века в Воронежском крае появляются первые группы украинских переселенцев или черкас. Русскому царю было

* Ухожеи (отхожие) – леса, пашенные места, сенокосы, места рыбной ловли и сбора меда, сдаваемые в аренду.

выгодно расселить их по южной границе и использовать в качестве сторожевой силы. В 1649 г., в связи с восстанием Богдана Хмельницкого правительство царя Алексея Михайловича, ожидавшее потока украинских беженцев, разработало план расселения по сто семей во вновь отстроенных на Белгородской черте городах Коротояке, Ольшанске и Урыве. На Маяцком городище также предполагалось создание крупного оборонительного пункта, в котором должны были быть поселены 500 черкасских семей с выделением им земли и различных угодий. План этот, однако, осуществлен не был. Да и необходимости в основании там заставы не было, так как в росписи перелазов через Тихую Сосну еще 1643 г. отмечалось, что татарских перелазов там нет и «не бывало николи» (Тевяшов, 1902. С. 55).

Еще одним аргументом в пользу существования монастыря с 1650-х гг. В.Н. Тевяшов называет как раз антиминос, который дал основание другим исследователям вести историю монастыря с 1640 г. Как уже было сказано выше, данный антиминос был выдан в Николаевский храм Киевским митрополитом Петром Могилою. Но если бы монастырь находился на месте своего нынешнего существования, то, как ранее было отмечено Д.И. Багалеем, он должен был находиться в зоне влияния московской патриархии до 1667 г. Поэтому антиминос 1640 г. был скорее всего выдан во временную церковь или часовню, в память о которой пришедшие иноки могли устроить придел в новом храме (Тевяшов, 1902. С. 58).

На наш взгляд, также нельзя не согласиться с мнением В.Н. Тевяшова, что толчком к основанию православного монастыря в Дивногорье послужило переселение в 1652 г. 1003 черкасских казаков под предводительством именовавшего себя полковником Ивана Николаевича Дзиньковского. Придя на русскую службу в августе того же года, их поселили в Острогожске. В Строенной книге нового Острогожского острога также не было сведений о монастыре под Дивами, хотя все пространство можно было «с той башни видеть вверх по реке Сосне... до Дивьих гор и до Коротояка и к Дону» (Тевяшов, 1902. С. 57).

С этого момента В.Н. Тевяшов считает существование Дивногорского монастыря непреложным фактом. По его мнению, в 1652 г. 80 человек корочанцев разных званий были посланы с землепашными орудиями к Дивьим горам для возведения там нового укрепления именно для защиты от набегов татар новой обители.

Дополнительным аргументом в пользу своей версии даты основания монастыря ученый приводит общеисторический факт основания большинства мужских и женских монастырей в Слободской Украине именно во время обострения гонений на православие от польской шляхты. Поэтому первыми иноками В.Н. Тевяшов считает монахов Густынского, Мгарского и Николаевского монастырей Киевской митрополии, бежавших оттуда в 1638 г. в Московское государство и ожидавших царского решения в Путивле. Через Путивль проходили черкасы И.Н. Дзиньковского. Часть находившихся там монахов могла переселиться к своим соотечественникам в Острогжск, хотя изначально они просили пожаловать их «вместе быть» (Воссоединение..., 1953. С. 229-230). Предположение В.Н. Тевяшова о приходе монахов из-за границы подтверждает и тот факт, что в документах они сами себя называют «иноземцами» (Никольский, 1904. С. 32-33). Сразу же исследователь отвечает на резонный вопрос, который может возникнуть в связи с более ранним основанием Святогорского монастыря. Во-первых, его основание он связывает со стратегическими целями и основанием в 1598 г. Царева-Борисова. В более ранних источниках есть указание на местность – Святые Горы (1526 г.), но нет свидетельств о существовании в этих местах обители. Во-вторых, местность, в которой был основан этот монастырь, была гораздо больше защищена естественными преградами лесами и горами, что, однако, не спасало от нападений татар даже в XVIII веке. Таким образом, основание Святогорской обители, по мнению Тевяшова, было скорее исключением.

Датой основания Дивногорского монастыря автор предлагает считать 1651–1652 гг. Ведь об этом в своих челобитных писали и сами монахи. Эта дата фигурирует в прошениях архимандрита Амвросия от 30 августа 1700 г. и 6 февраля 1701 г. о передаче братии сенных покосов на реке Сосне. За полвека не могли забыть такой важной вехи в жизни обители, как ее основание. На наш взгляд, вышеуказанных аргументов достаточно, чтобы вести историю Дивногорской обители с середины XVII века.

Пещерный комплекс в Малых Дивах, по мнению ученого, строился с 1650-х гг. до 1861 г. – времени отмены крепостного права. Пещерный храм, который в настоящее время назван в честь Рождества Иоанна Предтечи был освящен в 1693 г., о чем упоминалось выше. В.Н. Тевяшов предполагает, что это был новый храм. Но есть исто-

рические документы, свидетельствующие, что изначально храм был освящен в честь Успения Божией Матери. Из приведенного П.В. Никольским документа следует, что вначале в монастыре было две церкви: деревянная – «на берегу реки Дона во имя великого Чудотворца Николы» и пещерная – во имя Успения Пречистой Богородицы «выбита в камени в столбе у горы» (Никольский, 1904. С. 32). На наш взгляд, возможно, из-за природно-климатических особенностей служба в этой церкви в зимнее время была затруднительна, поэтому в 1657 г. ведется строительство новой наземной Успенской церкви, антиминс на освящение которой в 1658 г. выдал патриарх Никон. Именно она становится соборною. Существовали ли эти две церкви под своими первоначальными названиями одновременно или же, пещерная церковь была сразу переосвящена в честь Рождества Иоанна Предтечи, в связи с отсутствием документальных свидетельств сказать трудно.

В.Н. Тевяшов высказывает предположение о том, кто именно копал церковь. По его мнению, ее строительством занимались не только первые монахи, но и миряне, которые, не боясь разорения татар, продолжили строительство храма и в период предполагаемого запустения монастыря в 70-х гг. XVII века. Доказательством пещерного подвижничества простого народа автор приводит факт передачи в 1856 г. в ведение Дивногорского монастыря пещеры «ископанной» жителем слободы Лыски Михаилом Палеевым (Тевяшов, 1902. С. 73). Массовость обустройства культовых пещер ученый объясняет существованием крепостного права, от тяжелого гнета которого люди спасались в пещерной тиши. В.В. Степкин не соглашается с исследователем, доказывая, что с отменой крепостного права отнюдь не закончились духовные искания народа в мире подземелий и корни пещерного подвижничества следует искать в духовной сфере (Степкин, 2004ж. С. 179).

Относительно времени создания пещер в Больших Дивах В.Н. Тевяшов соглашается с В.Н. Майновым и допускает возможность использования подземных лабиринтов жителями Маяцкого городища. При этом еще не имея под рукой данных археологических изысканий, ученый на основании исторических фактов пытается доказать, что городище было создано русскими людьми до образования Древнерусского государства и принятия христианства.

Отвергает В.Н. Тевяшов возможность строительства пещер татарами, которые, по его мнению, могли обосноваться на Маяцком го-

родище в 1501 г. Тогда на правой стороне Дона укрепился последний хан Золотой Орды Ших-Ахмет, а хан крымской орды Менгли Гирей занял Маяцкое городище. Противники разошлись без боя, но исследователь высказал предположение, что обширное кладбище возле городища, которое точно не было славянским, могло принадлежать крымским воинам, умершим во время стоянки орды на мысу. Но за короткий промежуток времени, который татары провели на городище, они не могли успеть прокопать пещерные коридоры. Поэтому строительство пещер в Больших Дивах В.Н. Тевяшов относит ко времени функционирования Маяцкого городища, и этносом, создавшим их, называет русских людей (Тевяшов, 1902. С. 71). Сегодня, когда нам достоверно известно, что крепость была построена в качестве форпоста Хазарского каганата и заселена преимущественно аланским и болгарским этносами, то если предположить, что пещеры были выкопаны в тот период времени, их строили не славяне, а именно алано-болгары.

В этих рассуждениях автора о одновременности пещерных комплексов Больших и Малых Див также чувствуется некое противоречие. С одной стороны, он пишет, о том, что на развалины монастыря в Малых Дивах должны были обратить внимание служилые люди, объезжавшие эти места. Но с другой, не должны ли были служилые люди написать о существовании пещер в Больших Дивах, если они уже существовали, или также умолчать о существовании пещер в Малых Дивах, ведь это один район Тихой Сосны?

Далее в своей работе В.Н. Тевяшов перечисляет достаточно много точных фактов по истории Дивногорского Успенского монастыря. Единственный факт, с которым позволим себе не согласиться, – полное запустение обители в 70-х гг. XVII века. Аргументы в пользу того, что часть братии оставалась в монастыре были приведены нами выше.

Владимир Николаевич отмечает колонизаторскую функцию обители, привлекая к себе крестьян, поселившихся в слободе Селявной, роль укрепленного пункта в системе обороны русских земель и нравственную функцию по удовлетворению религиозной потребности населения. Таким образом, автор высоко оценивает роль Дивногорского монастыря в истории края.

Из важных вех, о которых хотелось бы упомянуть, отметим, что с 1667 г. Дивногорский монастырь состоял в ведении Белгородской

и Обоянской митрополии, а с 1696 г. перешел в управление Воронежской епархии. Подмечает В.Н. Тевяшов и одно историческое несоответствие. Достоверно известно, что в честь Рождества Иоанна Предтечи меловая церковь была освящена в 1693 г. Сведения об этом событии отражены в сохранившейся до 1917 г. надписи на высеченном кресте в арочной нише над горним местом. Освящение могло быть приурочено к посещению монастыря митрополитом Авраамием, который и освятил пещерный храм. Но так как митрополитом Авраамий был до 1692 г., то либо освящение состоялось годом ранее, либо его совершил следующий митрополит Игнатий (Тевяшов, 1902. С. 62). Здесь исследователь ошибся, т.к. Авраамий (Юхов) был митрополитом Белгородским и Обоянским до 6 августа 1702 г. (Строев, 1908. С. 633).

В.Н. Тевяшов пишет о закрытии монастыря в 1764 г. сразу после издания Духовных штатов. По всей видимости, монастырь действительно с этого времени находился на грани закрытия. Ведь как мы видели ранее, и на это же ссылается исследователь, при посещении монастыря С.Г. Гмелин в 1769 г. нашел лишь одного игумена, и пещерные постройки уже находились в полуразрушенном состоянии. Но окончательное упразднение Дивногорской обители произошло в 1786–1788 гг., а до этого он находился «за штатом» на правах малороссийских монастырей. Конечно, автор описывает и процесс восстановления монастыря, но на этом мы не будем подробно останавливаться. Добавлю лишь, что В.Н. Тевяшов особо отмечает деятельность по строительству монастырских построек после 1828 г. архимандрита Анфима.

Живописно описывает автор современное ему состояние Дивногорского монастыря:

«В последние пятьдесят лет самой кипучей деятельности монастыря по украшению себя новыми зданиями, взывающими к небу своими золотыми главами и крестами, среди лугового ландшафта, окаймленного меловыми горами и цепляющимися за них перелесками, прекратилась глухая подземная работа пещерокопателей, два века долбивших сердце горы железною киркою, в затхлой и сырой атмосфере меловых коридоров, лишенных дневного света.

Скромные безвестные труженики думали ли вы, производя вашу муравьиную работу, что вы создаете себе памятник, подобно вам скромный, который не уничтожат ни время, ни люди?»

Таким образом, В.Н. Тевяшов внес значительный вклад в анализ истории Дивногорской обители и на основании документальных свидетельств прояснил многие факты, касающиеся тех или иных событий, но и в его труде есть ответы далеко не на все вопросы по истории обители.

В конце XIX века пещерные памятники начинают привлекать внимание археологов. Вначале на заседании Воронежской Ученой Архивной Комиссии, а затем на XII археологическом съезде, состоявшемся в 1902 г., **Михаилом Павловичем Труновым** (1867–1942) был сделан доклад «К истории пещерных храмов Воронежской губернии» в отделении Церковных древностей, по поводу археологических изысканий недавно умершего археолога-любителя **Дмитрия Михайловича Струкова** (1827–1899), с архивами которого он ознакомился в Румянцевском музее в Москве. Последний посетил Дивногорье в 1897 г. и был намерен продолжить работу, но смерть прервала его изыскания. Надо отметить, что его интерпретации пещерных комплексов основаны на сопоставлении Дивногорья с другими памятниками пещерного зодчества Донского региона. Он обнаружил в них помещения, которые по своему устройству напоминали раннехристианские храмы. Этот факт позволил ему выдвинуть предположение, что первые пещеры появились в нашем регионе еще в первые века нашей эры.

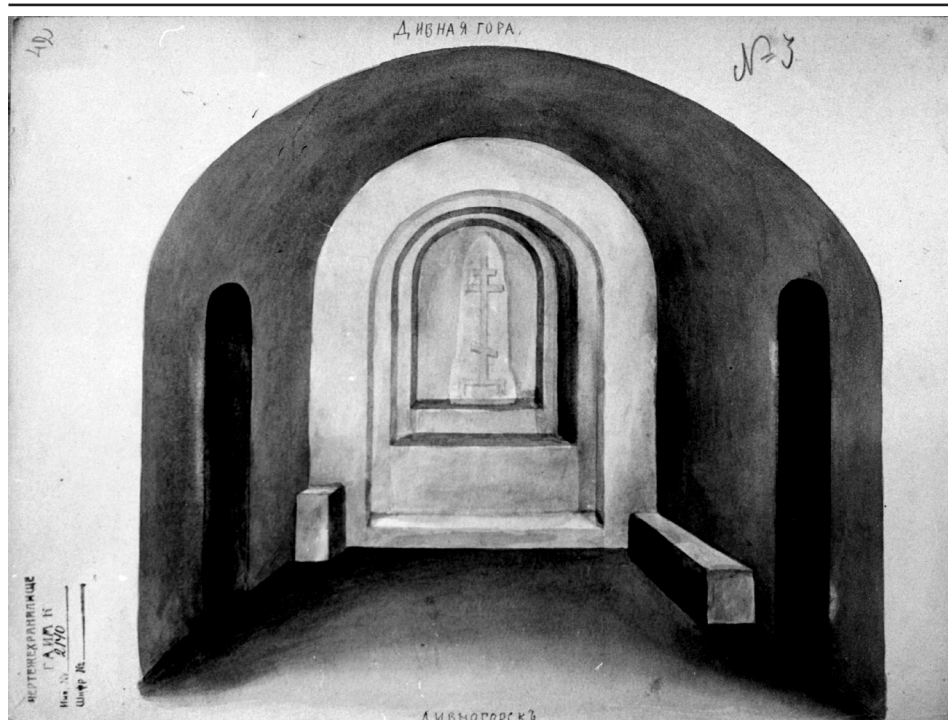
Осматривая пещеры Дивногорского монастыря, Д.М. Струков обратил внимание на то, что большая часть пещер покрыта «окаменелой плесенью», давшей сине-зеленый цвет, который, по его мнению, указывал на глубокую древность. Тип пещер напомнил ему не только пещерные храмы Крыма, но даже подземные ходы и храмы христианских катакомб. Особенно остановила на себе внимание исследователя одна комната в пещерах Малых Див – в виде неправильного квадрата, суживающегося к востоку. Здесь, в передней части комнаты, находится небольшая, весьма узкая ниша, подобная тем, как думал Струков, которые в катакомбах были местом погребения мучеников, и на которых совершалась литургия. По правую и левую стороны от этой ниши в восточной стене высечены престол и жертвенник на расстоянии от пола в 18 вершков (79,2 см). Это и был, по мнению Струкова, древнейший храм в Дивах, основание которого он относит к первым векам христианства. Как указывает В.В. Степкин, это помещение нельзя соотнести ни с одной из сохранившихся на сегодняшний день пещер Дивногорья (Степкин, 2004з. С. 152–153).

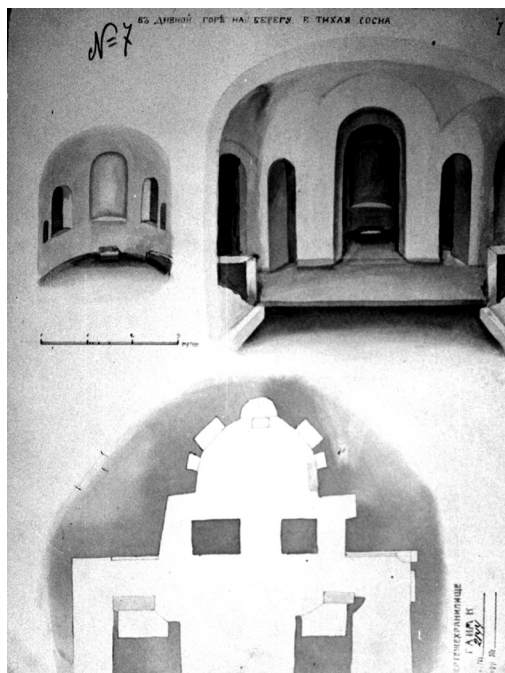
Церковь Сицилийской иконы Божией Матери. Рис. Д.М. Струкова
(РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Рис. 6)

Вид на Большие Дивы. Рис. Д.М. Струкова
(РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Рис. 5)

Вид на алтарную часть пещерного храма в Малых Дивах.
Рис. Д.М. Струкова (РА ИИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Рис. 3)

Вид на алтарную часть пещерного храма в Больших Дивах и ее чертеж.
Рис. Д.М. Струкова (РА ИИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Рис. 7)

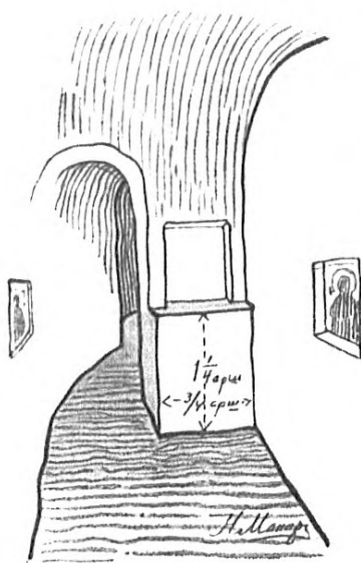
*Николай Емельянович
Макаренко (1877–1938)*

По утверждению П.В. Никольского, смелое предположение Д.М. Струкова не нашло себе поддержки среди местных археологов. А когда тот же доклад был предложен для XII археологического съезда в Харькове, то даже не был одобрен к прочтению на заседаниях, очевидно потому, что научность сообщения здесь была подвергнута еще большему сомнению (Никольский, 1998. С. 70–71).

При этом нельзя не отметить ценность художественных зарисовок Дмитрия Михайловича, будучи прекрасным художником, он начертил отдельные фрагменты интерьера Дивногорских пещер, а также нарисовал современное

ему состояние Больших Див (РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121).

В 1907–1909 гг. археологом **Николаем Емельяновичем Макаренко** (1877–1938) обследуется Дивногорская группа пещер. Эти исследования он вел параллельно с раскопками Маяцкого городища, и результаты их опубликованы в Известиях Императорской Археологической Комиссии. Некоторые его описания также можно отнести к художественным. Например, так автор описывает одну из пещер, расположенных в меловом склоне (Макаренко, 1911. С. 43). «Тропинка, направляющаяся к пещере, приводит к маленькой площадке у самого отверстия, вид отсюда великолепен, но сердце сжимается от такой высоты и столь крутого наклона. Кажется, сделай лишний шаг, лишнее движение, и гибель неминуема».

*Ниши в галерее пещерного
храма в Больших Дивах.
Опубликовано Н.Е. Макаренко
(1911, рис. 52, с. 46)*

Второй этаж пещерного храма в Больших Дивах. На фото супруга Н.Е. Макаренко – Анастасия Сергеевна. Опубликовано Н.Е. Макаренко (1911, рис. 53, с. 47)

отнесся к сходству пещер в Малых Дивах с Киевопечерскими (Плужников, 1985. С. 103): «Здесь нет многочисленных боковых отводов от главной артерии, какие наблюдаются в киевских пещерах... По своей высоте, по технике отделки (следы острого орудия на стенах) Дивногорские пещеры отличаются от пещер киевских и черниговских, но они весьма близки пещерам, вырубленным также в меловой горе близ Каменно-Бродского монастыря Царицынского уезда Саратовской губернии; там они лишь длиннее». Сходные с Дивногорьем Макаренко также считает Бакоцкие пещеры в Ущицком уезде Подольской губернии, Святогорские пещеры в Изюмском уезде Харьковской губернии, Чудновские пещеры в Житомирском уезде Волынской губернии.

Как археолог Н.Е. Макаренко отмечает различные архитектурные детали в интерьере пещер, например, заплечики в больших нишах. Стенки в пещерах носят следы обработки острым орудием в виде лопаточек. Ученый не считает возможным определить время создания пещер в силу скудности источников и возможности создания неко-

Ценными являются его фотографии и зарисовки подземных сооружений. Некоторые из изображений, выполненных Н.Е. Макаренко, можно достаточно легко идентифицировать с дошедшими до нашего дня участками пещер. Так, на его рисунках достаточно четко видны стасидии пещерного комплекса в Больших Дивах. Другие изображения наоборот, нельзя связать с существующими ныне. По-видимому, эти участки в настоящее время либо засыпаны, либо разрушены (Степкин, 2004в. С. 21). При этом автор проводит параллели с другими известными в России и на Украине пещерными комплексами. Сравнивая пещеры Больших и Малых Див с Киевопечерскими, археолог отмечает меньшую высоту последних. Как отметил В.И. Плужников, Н.Е. Макаренко один из немногих, критически

торых пещер в XIX веке, т. к. примеры этому имеются, например в Белогорье.

Интерес представляет описание второго яруса церкви Сицилийской иконы Божией Матери. Вот каким видел его Н.Е. Макаренко: *«Вход в пещеру у городища заканчивается любопытным массивным сооружением: средний высокий сводчатый коридор имеет боковые четырехгранные столбы с арочными проходами между ними в стороны в боковые камеры».*

В отличие от Н.Е. Макаренко, известный археолог **Александр Андреевич Спицын** (1858–1931), обследовав пещеры в Больших Дивах, делает попытку их датировки и определения культурной принадлежности. При этом, в отличие от Д.М. Струкова, он строил свои предположения не на типологических особенностях планировки подземелий, а на непосредственной близости к ним Маяцкого городища. По его мнению, *«ничего не препятствует признать Маяцкие пещеры предположительно Аланскими, как и другие донские, а с ними и донецкие».* В Маяцком городище А.А. Спицын видел «остатки монастыря с церковью», созданного аланами. По его мнению, опирающемуся на письменные источники, с христианством «аланы-сарматы» должны были познакомиться еще в IV веке, а в X веке их крещение произошло уже в массовой форме. Соответственно Дивногорские пещеры автор датировал временем функционирования Маяцкого городища (VIII–X века) (Спицын, 1909. С. 76-78). Как замечает В.В. Степкин, исследователь И. Стратонов согласился с датировкой памятника А.А. Спицына, но не согласился с его определением культурной принадлежности памятника. По мнению И. Стратонова, пещеры были созданы славянскими племенами. Это предположение близко к мнению В.Н. Тевяшова (Степкин, 2004б. С. 22). Как мы видели раньше, говорил о связи пещер с Маяцким городищем и В.Н. Майнов.

Особо следует выделить деятельность **Воронежского Церковно-Археологического Комитета**, выпускавшего научное иллюстрированное издание «Воронежская Старина», выходящее с 1901 г. Именно на ее страницах публикуются документы, связанные с историей Дивногорской обители. В 1902 г. в первом выпуске сборника его первый редактор и первый председатель Совета краевед **Александр Матвеевич Правдин** (1846–1907) публикует акты Дивногорского Успенского монастыря. Это подборка грамот и «выписей» на владения обители XVIII века и описание монастыря перед его закрытием в 1788 г. В

пятом выпуске этого же сборника уже другой исследователь **Павел Васильевич Никольский** (1870–после 1915) публикует документы из Московских архивов по истории Дивногорского монастыря. Всего им опубликовано более 50 документов, раскрывающих разные аспекты истории обители.

Работа по публикации документов являлась, безусловно, важной и необходимой, но не менее значимой была исследовательская работа Павла Васильевича. Он посвятил довольно много времени исследованию как церковной истории в целом, так различным пещерным монастырям в частности. Дивногорский монастырь фигурирует в нескольких его работах. Он даже публикует снимки М.П. Трунова с чертежей Д.М. Струкова с видами на алтарь в пещерных храмах в Малых и Больших Дивах. Им написана монография по истории обители, отличающаяся большой объективностью и широким привлечением источников. Вышла в свет она в 1904 г., и в наше время была переиздана в Каменке в 1998 г. В 1910 г. на страницах «Воронежской старины» выходит его обобщающая работа, посвященная пещеростроительству в XIX веке.

П.В. Никольский был первым исследователем, структурировавшим все данные, известные по истории Дивногорского монастыря. Он первый составил библиографический список печатных трудов, посвященных истории обители (Никольский, 1998. С. 63). В его список вошло 13 публикаций, к сожалению, не все из них проанализированы в данной работе. Но нам кажется правильным перечислить их здесь. Это исследования: Зверинского «Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем», заметка Дивногорский монастырь в 39 номере Воронежской губернской иллюстрированной недели за 1875 г. и «Материалы для истории монастырей Воронежской губернии», опубликованные в 1863 г. в 44 номере Воронежских губернских ведомостей.

*Павел Васильевич
Никольский (1870–после 1915)*

Как пишет сам автор, разработка сырых, архивных материалов привнесла в историю Дивногорья немало нового. Особую ценность для нас играет изучение Павлом Васильевичем несохранившегося до наших дней архива самого монастыря. Исследователь указывает на его бедность, так как там содержатся документы, начиная лишь с дел Коротоякского Вознесенского монастыря конца XVIII века. Это объясняется тем, что восстановление Дивногорского монастыря в 1828 г. было в сущности только перемещением с одного места на другое. Монастырский архив содержит очень много общих указов Воронежской духовной Консистории, приходно-расходные книги монастыря и ведомости о личном составе братии. Гораздо более ценную информацию можно почерпнуть из донесений и челобитных, поступавших непосредственно от братии, и указов царей на эти ходатайства. Такие грамоты были найдены П.В. Никольским, например, в Главном архиве Министерства юстиции в Москве*.

Труд Павла Васильевича Никольского подводит своеобразную черту в истории изучения Дивногорского монастыря. Он обобщает и анализирует все вышедшие к этому моменту работы, и, опираясь как на них, так и на данные источников, составляет обширное описание всей истории обители. На наш взгляд, его работа является ключевой в ряду дореволюционных исследований. Она состоит из шести глав, каждая из которых раскрывает определенный исторический период в судьбе монастыря от основания обители в середине XVII века до подробного описания современного ему состояния. Отдельная глава посвящена чудесам, творимым Сицилийской иконой Божией Матери. Сведения о них взяты автором у Д.И. Самбикина. В приложениях и примечаниях автор рассказывает о своей работе с источниками и затрагивает вопрос о происхождении меловых столбов-див и пещер Дивногорья.

П.В. Никольский придерживался точки зрения, что обитель возникла в Дивногорье не ранее середины XVII века параллельно со строительством новых городов Белгородской черты. Предание о Ксенофонте и Иоасафе исследователь не комментирует, а основателями считает иноков-малороссиян. При этом он подтверждает свои мысли выдержками из источников.

Причину создания храма в меловом кряже автор объясняет единственным возможным местом для монастыря, так как весенний раз-

* МАМЮ – сегодня Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

лив Дона достигал самого уступа горы. Павел Васильевич предполагает, что монахи могли просто расширить уже имеющиеся в горе пещеры. При этом он не исключает и то, что первыми создателями пещер были именно иноки, которые пришли из Приднепровья, полного рассказами о святых киевских пещерах. *«От пещерной церкви идет на протяжении 56 сажен коридор, весьма неровно, то поднимаясь, то опускаясь, и выходит наружу недалеко от церкви. Из этого коридора идет разветвление к берегу р. Дона. В конце главного пещерного хода, или лучше – вначале другого входа, сохранились помещения для жилья – келии».* Автор предполагает, что тип пещерных храмов мог быть заимствован Дивногорскими пещерокопателями. Они могли подражать не только катакомбам первых веков, но и знаменитым Киевским пещерам. А так как монастырь был основан выходцами из Приднепровья, то их близость к Киеву и знание традиций обустройства пещер может быть доказательством преемственности пещерных памятников Дона.

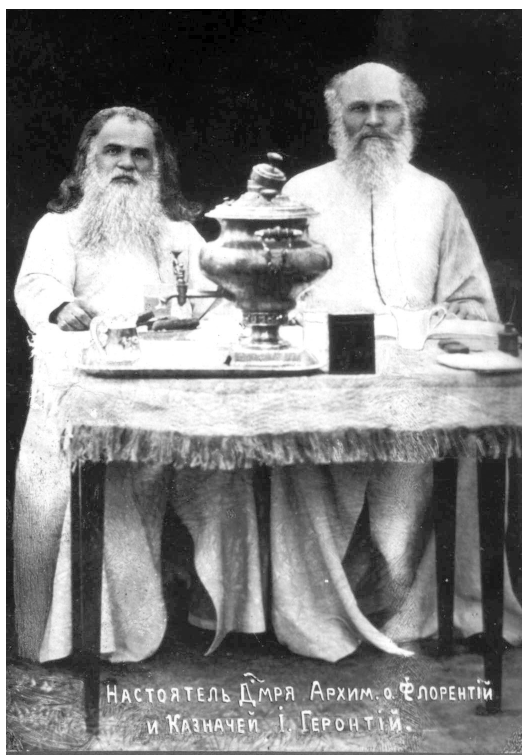
Описывает П.В. Никольский процесс строительства наземных построек и трудности, которые возникали у братии в связи с близостью татарских перелазов и необходимостью искать средства для существования. Автор считает, что не все монахи покинули монастырь в конце 60-х гг. XVII века, а во главе братии в то время стоял игумен Тихон. Затрагивая вопрос об отношении монахов к разинцам, исследователь логично предполагает, что если бы братия выступила на стороне мятежников, их бы ждала неминуемая кара, тем не менее, никаких наказаний не последовало. В то же время если учесть, что покровитель обители Н. Дзиньковский примкнул к группе Фрола Разина, то однозначно сказать о том, что творилось в умах монахов, автор не решается.

Подробно П.В. Никольский рассматривает экономическую историю монастыря, отмечая, в частности, что вначале настоятели старались заполучить мельницы, приносящие чистый доход, а не земельные угодья, которые требовали рабочих рук, отсутствующих у монастыря.

Исследователь замечает, что до включения в состав Воронежской епархии удаленный от епархиального управления Дивногорский монастырь жил почти самостоятельно, не подлежа строгому надзору патриархов и митрополитов. Отмечает П.В. Никольский и высокий статус монастыря среди других придонских обителей как в экономи-

ческом, так и в иерархическом отношении. Его настоятели носили титул игуменов и архимандритов, тогда как в других придонских монастырях они были чаще всего только иеромонахами-строителями (Никольский, 1998. С. 17). Подробно ученый рассказывает о деятельности всех известных ему епископов, а также об истории Коротоякского Вознесенского монастыря, куда перешла братия из Дивногорья в 1788 г., и который был весь перенесен на место Дивногорского монастыря в 1828 г. Автор также приводит ведомость о численном составе монастыря: в 1700 г. – 15 монахов в 1730–1740-е гг. – 10 (из них 1 настоятель, 3 иеромонаха, 1 иеродьякон и 5 монахов, бельцов не было), в 1750-е – 9 (настоятель, 4 иеромонаха, 4 монаха); на 1763 г. – 4 (настоятель, один монах и 2 иеродиакона) (Никольский, 1908. С. 132). Никольский объясняет это указами о запретах пострижения в монахи. Правда, в приведенном им списке монастырей на 1764 г. в Дивногорском монастыре числятся: настоятель, 2 казначая, один иеродиакон и 3 монаха – всего 7 человек. В 1780 г. в монастыре был 1 игумен, 1 казначей, 2 иеромонаха, однако общее число стоит 5, а не 4.

Описывает П.В. Никольский и трудности, которые возникали в первые годы после восстановления монастыря. Например, автор отмечает, что братия не хотела уходить в уединенное место из города, и какое-то время продолжало существовать два монастыря под управлением одного настоятеля. Из-за конфликтов с братией часто менялись настоятели. С 1828 по 1860 г. в монастыре сменилось восемь на-

Последний настоятель Дивногорского монастыря в начале XX в. архимандрит о. Флорентий и казначей и. Геронтий

стоятелей, из которых шесть управляли монастырем по 1, по 2, по 3 года. Автор раскрывает их деятельность, причем останавливаясь не всегда на самых образцовых. Он рассказывает об архимандрите Лазаре Богословском. (Никольский, 1908. С. 108). При нем Дивногорский монастырь отказывался платить одну двадцатую часть своих хлебных доходов на содержание учрежденной в 1745 г. семинарии. Мотивировала же братия это отсутствием в монастыре хлебных запасов (Никольский, 1908. С. 124). Один из иеромонахов Меркурий все же задержался в должности настоятеля двенадцать с половиной лет, а на завершении своего жизненного пути даже принял схиму*. Он же ископал для себя пустопорожнюю пещеру с левой стороны от входа в церковь (Никольский, 1998. С. 34). Сообщает исследователь и такой интересный факт, как приписка Дивногорского монастыря к Толшевскому в 1837 г.

Для нас не менее значительным, чем анализ исторических фактов, собранных П.В. Никольским, является описание современного ему состояния Дивногорья. Именно он сообщает нам о том, что восхищавшая в прежние века белизна меловых склонов сейчас несколько померкла *«как бы закоптились и замшились»*. Но более страшным явился факт разрушения див в целях обеспечения безопасности построенной железной дороги.

В деталях он описывает монастырские постройки, ризницу, библиотеку, подворья в Коротояке и Острогжске и, конечно, пещерные сооружения, включая Шатрище. Так как в этой работе мы касаемся архитектурных памятников Дивногорского монастыря, то представляется логичным, поместить здесь описание и наземных церковных построек начала XX века.

Соборная церковь во имя Успения Божией Матери была каменной, однопрестольной, крестообразной. Строили ее с 1880 по 1886 г. В куполе было 16 окон. С северной и южной стороны приделаны каменные галереи с одной дверью и 2 окнами. Выход на паперти покрыт чугунными плитами. Кроме галерейных, в церкви три внутренних деревянных двери. В алтаре с северной стороны выходная дверь (Никольский, 1998. С. 51).

Для исследователей будет интересно и его описание главной свя-

* Схима, высшая степень монашества, заменяет древнее отшельничество. Посвященные в схиму – схимонахи (или схимники) – дают обеты выполнения более суровых монашеских правил.

тыни – Чудотворной Сицилийской иконы Божией Матери: «Чудотворная икона имеет пять четвертей в вышину и один аршин в ширину. На ней Богоматерь изображена стоящею на троне и держащею в левой руке пальмовую ветвь; на коленях Ее Предвечный Младенец, также держащий в левой руке ветвь. По сторонам Богоматери изображено по три херувима и у подножия два коленопроклоненных ангела». Икона стояла в трапезной части соборного храма, с правой стороны арки, в деревянном киоте. Как сама древняя икона так и копии с нее были покрыты сребропозлащенными ризами. Таких риз было 5. «Первая риза имеет следующие украшения: в короне алмазный цветок, по середине сапфир, на голове бриллиантовая звезда, на шее бриллианты; рассыпанные четырехугольником, в середине – сапфир... При архимандрите Флорентии эта риза украшена новыми драгоценностями, пожертвованными от разных лиц: на короне крестик из 5 бриллиантов, два рубина (дублеты) и две звезды, в каждой по одному

Список Сицилийской иконы Божией Матери, переданный в музей-заповедник «Дивногорье» протоиереем Александром Долгушевым

Список Сицилийской иконы Божией Матери, отреставрированный художником-реставратором Воронежского областного художественного музея им. И.Н. Крамского О.А. Рябчиковой. Находится в пещерном храме в Больших Дивах

бриллианту в середине и семи алмазов по бокам. Венец Богоматери убран жемчугом, бриллиантами и дублетами рубина и жемчуга. На венчике Богомладенца крест из жемчуга с четырьмя бриллиантами, укрепленными в золотой оправе. Ризы Богоматери и Богомладенца украшены жемчугом, тремя бриллиантами, одним алмазом и одним рубином». Это богатое убранство иконы еще раз подчеркивает процветание Дивногорского монастыря в начале XX века.

Кроме этого в обители находилась трапезная церковь, построенная в 1860 г. и в 1863 г. освященная во имя Чудотворной Сицилийской иконы Божией Матери. Она занимала лишь 28,5 из 60,5 м корпуса и была отгорожена глухой стеной. В ней также располагалась братская трапезная, кухня, буфет, помещение для певчих и две братских кельи. На крыше, над тем местом, где стоит иконостас, сооружен фонарь, с позолоченною на нем главою, на которой водружен золоченый крест (Никольский, 1998. С. 53).

Каменная колокольня была высотой 41,4 м. Под ней располагались святые ворота. Двухэтажный настоятельский корпус был к западу от главной церкви. Направо от колокольни – братский корпус для старшей братии. Другой братский корпус был двухэтажным. В нем располагались 32 кельи. Вправо от арки, что под колокольнею, вне монастырской ограды, 3-этажная гостиница для богомольцев (в длину 50 м). На восточной стороне монастырского двора, рядом с кладовой, деревянный флигель с 4 комнатами, где помещалась церковно-приходская школа.

*Пещерный храм во имя Рождества св. Иоанна Предтечи в Малых Дивах.
Начало XX века*

Рассмотрим подробнее его описание пещерных памятников. Он сообщает размеры церкви Рождества Иоанна Предтечи выбитой в меловой горе. Площадь ее 11 x 11 аршин или 7,8 x 7,8 м. Свод поддерживали 4 меловых столба. В алтаре объемом 4,2 x 2,6 м на горнем месте высечен большой меловой крест, не сохранившийся до наших дней с надписью об освящении храма:

«Освятися жертвенник Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа во храме Рождества Св. Иоанна Предтечи, при державе великих государей и великих князей Иоанна Алексевиича и Петра Алексевиича всяя России, по благословению Великого Господина преосвященного Авраамия митрополита Белогородского и Обоянского лета 7202 г., а от Рождества Христова 1693-го индикта 1-го месяца Ноября 7 дня, на память тридесять мученик. М. Л. Р. Б».

В алтаре был расположен дубовый престол, который до 1832 г. был каменный. Из-за постоянной влажности престол был накрыт только срачицею*. Остальное облачение приносилось сюда из монастыря каждый раз на время богослужения. Жертвенник был высечен из меловой скалы, но для удобства для богослужений к нему ставили дополнительно небольшой столик. Икон в алтаре не было, а иконостас был однарусным с четырьмя иконами: с правой стороны – Спасителя, Рождества Иоанна Предтечи, с левой стороны – Бо-

Ст. Лиски.—Лiski, № 1.
Вершина главной пещеры
Дивногорского монастыря.

Главка над пещерным храмом во имя Рождества св. Иоанна Предтечи в Малых Дивах. Открытка начала XX века

* Срачица (сорочка) – нижний покров престола из простой белой материи. Выполнена в виде креста, концы которого ниспадают по сторонам престола и жертвенника. Знаменует собою плащаницу, в которую было обернуто Тело Спасителя при положении во гроб.

жией Матери и Николая Чудотворца. Отмечает П.В. Никольский и то, что над иконостасом была написана Тайная Вечеря. Следы этого изображения читались реставраторами в конце XX века.

Подробно автор перечисляет и все иконы храма:

«Кроме того, в других местах пещерой церкви находятся на столбах иконы: Божией Матери «Всех скорбящих радость», Боголюбская икона Божией Матери, св. Митрофана Воронежского, Спасителя в темнице, икона св. Макария, Марсалия, Меркурия и в воздухе над ними – Спасителя и Божией Матери; икона Иоанна Предтечи и муч. Параскевы, Екатерины, Варвары и в воздухе над ними изображение Бога Отца. При входе в церковь с правой стороны на угловом простенке икона св. Иоанна Богослова».

Входы в пещеры расположены справа и слева в притворе. Автор сообщает, что с давних времен протяженность этих ходов была около 50 м, а между 1854 и 1857 гг. пещеры были удлинены еще приблизительно на 120 м. Жилые кельи в пещерах в конце XIX века были не заняты. Длина пещер с левой стороны – около 16 м. Упоминает П.В. Никольский и о пещерном ходе до монастыря длиной 157 м, который был закрыт из-за обвалов.

Пещерный храм в Больших Дивах выглядел иначе. В начале XX века вход в пещерную церковь Сицилийской иконы Божией Матери открывала арка, с двумя дверями – железную решетчатую снаружи и деревянную изнутри. Объемы пещерного храма в Больших Дивах, по описаниям П.В. Никольского, были больше чем в церкви в Малых Дивах. Они были 18,4 x 13,5 м и своды поддерживало 11 разных колонн. Протяженность пещерного хода составляла приблизительно 96,5 м. Пещерный рукав длиной около 26 м с 27 ступенями располагался с северной стороны. Помещения в этой части пещер П.В. Никольский называет кельями.

Объем алтаря был 5 x 6,2 м. Облачение на престол и жертвенник, равно как и богослужебные принадлежности приносились в храм из монастыря. Видимо к освящению храма в 1903 г. сделали новый двухъярусный иконостас. Он был покрыт белым лаком, резьба и колонны вызолочены.

Перед храмом находилась деревянная колокольня на 4-х столбах, крытая железом, с 4 колоколами.

Именно из исследования П.В. Никольского мы узнаем, что пещерный храм, который сегодня носит название «Ухо», был построен в

Вид на пещерный храм Сицилийской иконы Божией Матери в Больших Дивах с деревянной колокольней и сторожкой на площадке перед ним.

Открытка начала XX века

период с 1851 по 1856 гг. крестьянами Петром Курбатовым и Никифором Шатовым. И после осмотра их духовным следователем священником П. Устиновским пещеры были переданы под надзор Дивногорского монастыря. В тот период пещеры представляли собой полукружие, в центре которого была церковь. От нее также шел еще один пещерный ход (Никольский, 1910. С. 153–154).

Благодаря исследованию П.В. Никольского, представление об истории Дивногорского Успенского монастыря было во многом уточнено и дополнено, а его описание современного состояния обители дает человеку XXI века возможность представить облик пещерных и наземных храмов начала XX века.

Христианские пещерные памятники привлекали к себе внимание исследователей из духовного сословия. В начале XX века продолжил изыскания митрополита Евгения, архимандрита Макария и архимандрита Димитрия **Александр Стефанович Кременецкий** (1842 или 1843–1918), который, начав свой путь с простого священника, закончил его уже в сане архимандрита известного воронежского Митрофановского монастыря. Его книга «Успенский Дивногорский монастырь, находящийся в Воронежской губернии, и его святыня

Сицилийская Чудотворная икона Божией Матери», вышла в свет в Воронеже в 1912 г., а в 1999 г. ее переиздали в Москве (Кременецкий, 1999).

Важным фактом, который сообщает нам А.С. Кременецкий, является разрушение большинства меловых столбов–див «на половину и более» при строительстве Харьковско-Балашовской железной дороги. Об этом автор пишет, с сожалением указывая, что *«с разрушением и повреждением меловых столбов Дивногорский монастырь много потерял в своей дивной красоте и величии; но при всем том он и теперь не напрасно носит свое название: он и теперь, особенно кто в первый раз видит его, производит сильное впечатление...»*.

А.С. Кременецкий противоречит сам себе, вначале не соглашаясь с авторами, связывавшими пещерные памятники с Маяцким городищем, а затем допуская хазарское происхождение пещер. Он пробует доказать другую точку зрения, также уже высказывавшуюся ранее о связи Дивногорских памятников с Киевом. Автор ссылается на сопоставимость архитектурных элементов, таких как узкие и низкие коридоры и места для богослужений, высеченные в глубине пещер. Последняя деталь была необходима для того чтобы христиане могли укрываться от враждебных взоров. Необходимость христианам скрываться на Руси существовала только в первые века принятия православия. Здесь хочется обратить внимание на то, что в современных исследованиях уход христиан в пещеры относят скорее к традиции, нежели к необходимости прятаться. Нельзя согласиться с предположением автора о том, что если бы пещеры были построены в XVI–XVII веках, то они бы носили отпечаток свободы пещеростроительства. Здесь возникает резонный вопрос о том, что в эти века территория Дивногорья не была защищена от нападений татар. И возможно с этой целью пещеры строили более закрытыми. Время же строительства пещерных храмов в Больших и Малых Дивах Кременецкий относит к XVII и XIX векам. Ксенофонта и Иоасафа автор считает выходцами из Сицилии, подвизавшимися некоторое время в Киеве. Он называет их ближайшими последователями Антония и Феодосия Печерских и допускает, что они могли приспособить хазарские пещеры для молитв. Автор не соглашается с Д.И. Самбикиным относительно национальной принадлежности первых иноков. Он вполне допускает, что они по национальности были русскими. В качестве доказательства А.С. Кременецкий ссылается на то, что после

неудачной войны Михаила Пафлагонского (1030–1041) за освобождения о. Сицилии от мусульман часть русских воинов, находившихся в войске византийского императора, остались на острове. Но после установления в конце XI века власти католиков, начавших притеснения православных, русские воины, коими могли быть Ксенофонт и Иоасаф, спасая от поругания православные святыни, вернулись на родину (Кременецкий, 1999. С. 5-6). После возвращения они могли впечатлиться подвижнической деятельностью Антония и Феодосия Печерских, а затем местом своего духовного подвига избрать Дивы. Священник даже допускает, что иноки были из Воронежского края, который в то время был притоном вольных людей, и вербовка дружины для войны в Сицилии именно здесь представляла самый удобный пункт.

В связи с этим говоря об основании монастыря в 1653 г. А.С. Кременецкий предлагает считать этот год датой восстановления обители. Тот факт, что пещерная церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи была освящена лишь в 1693 г., то есть через 35 лет после того как появилась наземная церковь Успения Пресвятой Богородицы, автор объясняет неблагоприятными обстоятельствами жизни братии. Этой же мысли придерживается и В.В. Степкин, по мнению которого, пещерная церковь была заброшена в 1670–1680 гг. – периоде постоянных нападений на монастырь татарских отрядов (Степкин, 2004д. С. 54).

В целом А.С. Кременецкий пересказывает уже известную историю Дивногорской обители, добавляя в нее эмоциональность. Например, он сожалеет о том, что когда в 1828 г. уже не осталось в живых прежних иноков-трудников Дивногорского монастыря: *«А как бы они те старцы, возрадовались, как бы торжествовали, услышав весть о возвращении в свою обетованную землю, в свою любимую, тихую пустынь»*. Подробно рассказывает автор о настоятелях обители, приводя факты их биографии и стараясь объяснить те или иные их деяния.

В описании церковных построек А.С. Кременецкий лишь немного дополняет более ранних авторов. Например, он отмечает, что церковь Успения Пресвятой Богородицы *«занимает центральное место в монастыре»*. Автор указывает на высокое качество кирпича и прочность постройки. Окна были проделаны в куполе, по образцу древних церквей. Такое освещение, по мнению исследователя, *«не*

*Вид на церковь Успения Пресвятой Богородицы в Малых Дивах.
Открытка начала XX века*

*Крестный ход с Чудотворной Сицилийской иконой Божией Матери.
Вид на Большие Дивы. Открытка начала XX века*

портит живописи, лики не искажаются светом, и благоприятно влияет на молящихся: не режет глаз, не развлекает и располагает к сосредоточенности, к молитвенному настроению».

Описание церкви в честь Рождества Иоанна Предтечи полностью совпадает с описанием П.В. Никольского. Важно, что А.С. Кременецкий отмечает, что иконы в новом иконостасе в пещерном храме Сицилийской иконы Божией Матери за короткий промежуток времени были испорчены сыростью. Он же ссылаясь на то, что митрополит Евгений (Болховитинов) не упоминает о пещерах в Больших Дивах, предполагает, что этих пещер в 1800 г. либо не существовало, либо они были в таком запустении, что не обратили на себя внимание знаменитого исследователя Воронежской старины (Кременецкий, 1999. С. 18).

А.С. Кременецкий был первым, кто собрал воедино все имеющиеся сведения относительно Сицилийской иконы Божией Матери. Ссылаясь на «Крестный календарь» А. Гатцука на 1911–1912 гг. и «Жизнь Пресвят. Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии», изданных в 1860 г., священник явление иконы относит к 1092 г. Именно в этот год она появилась в России. Это событие, как и основание монастыря, исследователь связывает с пребыванием русских воинов в дружине Михаила Пафлагонского. Появление ее на Сицилии А.С. Кременецкий приписывает второй половине IX до XI века, основываясь на том, что икона написана в строго византийском православном стиле. Автор допускает, что почитать ее могли и на Сицилии, иначе он не видит смысла проделывать столь далекий и тяжелый путь. Он уверен, что ее почитание началось на Руси также задолго до 1831 г. На меловой столб икону могли поместить сами монахи, во-первых с целью укрыть икону на недоступной для похищения высоте, а во-вторых, по желанию Самой Царицы Небесной (Кременецкий, 1999. С. 26). Перечисляет в подробностях автор и многочисленные чудеса, творимые иконой, но особенно ценно для нас опубликованные им прошения и письма о желании принять в разные места Чудотворную икону, которые ему передал настоятель Дивногорского монастыря, во время его визита в январе 1912 г. в обитель.

Его описание отличается от того, которое дал П.В. Никольский. В частности, Богоматерь и Богомладенец держат в руках, не пальмовые ветви, а лилии с 6 белыми цветами. Наверху Богоматери изображен Святой Дух. Интерпретирует А.С. Кременецкий и изображение

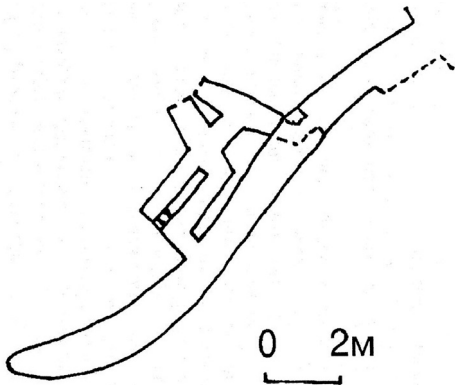
лилий. *«Они говорят «Мы чисты, мы белы, как первый снег; будьте же и вы чисты и светлы душою. Мы растем просто, открыто; будьте же и вы просты, откровенны и невинны сердцем. Мы всегда обращаем свои чашечки к солнцу; обращайтесь и вы свои взоры туда, где обитает Солнце правды Бог, источник духовного света!»*. Неточности и разногласия в описании иконы А.С. Кременецкий объясняет незнанием подлинных фактов авторами ее описывавшими. Кроме П.В. Никольского и Д.И. Самбикина неверно описал Сицилийскую икону Божией Матери Е. Поселянин в книге «Богоматерь», изданной в 1909 г. У него Богоматерь изображена сидящею на троне без ветвей, а Богомладенец благословляет обеими руками; вокруг Богоматери только 4 ангела. В «Житиях Святых», составленных Архиепископом Филаретом, говорится, что подлинная икона находится в Москве. Эта же мысль повторяется в месяцеслове, изданном в Симбирске в 1880 г. Но А.С. Кременецкий с уверенностью заявляет, что в Дивногорском монастыре находилась подлинная икона, а не Список.

Работа Александра Стефановича Кременецкого подводит черту в истории исследования Дивногорского монастыря в XIX – начале XX века. В это время изучением христианских комплексов Дивногорья занимались в основном представители духовного сословия, а также краеведы и археологи. Будучи одним из крупнейших монастырей Воронежской епархии, он привлекал к себе внимание различных авторов. Их трудами был собран большой массив источников, проанализированы различные факты истории обители и, что особенно ценно, описано современное им состояние наземных и пещерных памятников Дивногорья. Это имеет особую ценность, так как только благодаря дореволюционным описаниям сегодня мы можем реконструировать вид тех памятников, которые в сложный период антирелигиозной политики в XX веке подверглись серьезным разрушениям.

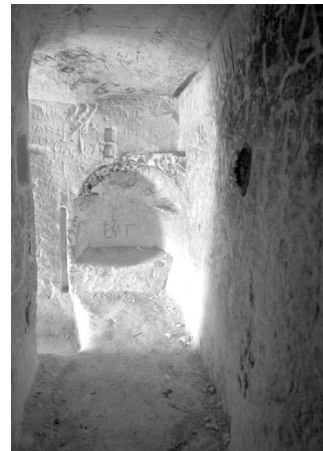
Г Л А В А 2

Возобновление интереса к культовым памятникам Дивногорья. Современный этап в их изучении (70-е годы XX века – начало XXI в.)

В качестве предисловия к этой главе, хотелось бы вкратце описать современное состояние архитектурных памятников, расположенных на территории музея-заповедника «Дивногорье», и привести схемы пещерных комплексов, чтобы дать представление об их структуре. Эти планы были составлены только в XX веке, поэтому они помещены именно в этой главе. Сегодня у памятников разная степень сохранности. Пещера «Каземат» легкодоступна и в связи с этим разрушается не только природой, но и человеком. Вход в пещеру «Ухо» или Дивногорскую-3 расположен на крутом склоне, поэтому попасть туда могут только любители экстремального туризма. В пещерном храме во имя Рождества Иоанна Предтечи комплекс реставрационных работ не завершен. Для сохранения памятника его восстановление необходимо возобновить в ближайшее время. Полностью отреставрирована пещерная церковь Сицилийской иконы Божией Матери в Больших Дивах.

*Схема культовой пещеры «Каземат»,
составленная В.В. Степкиным*

*Интерьер культовой пещеры
«Каземат»*

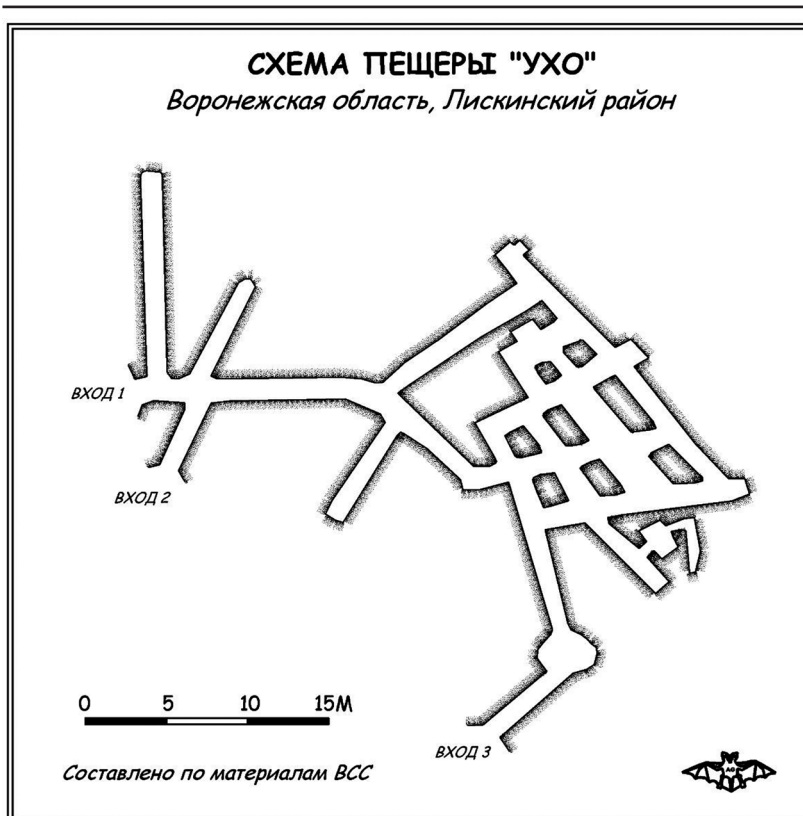
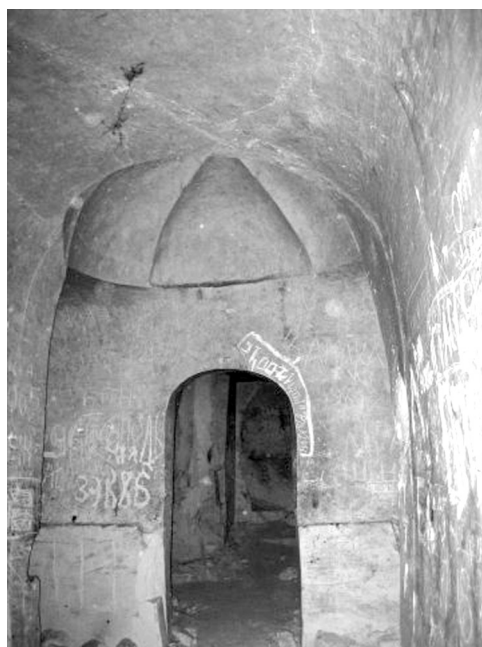

Схема культовой пещеры «Ухо»,
 составленная Воронежской
 Спелеосекцией

Интерьер культовой
 пещеры «Ухо»

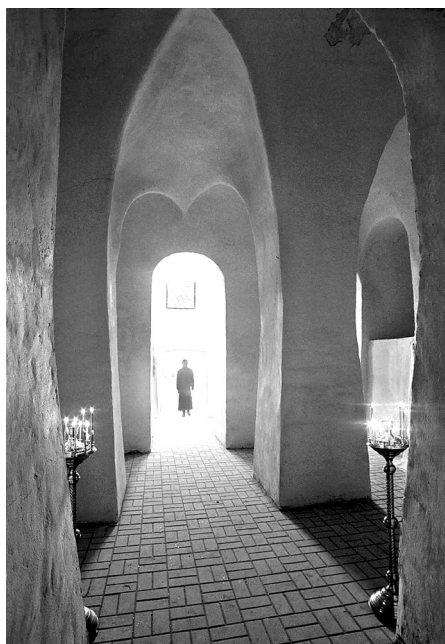
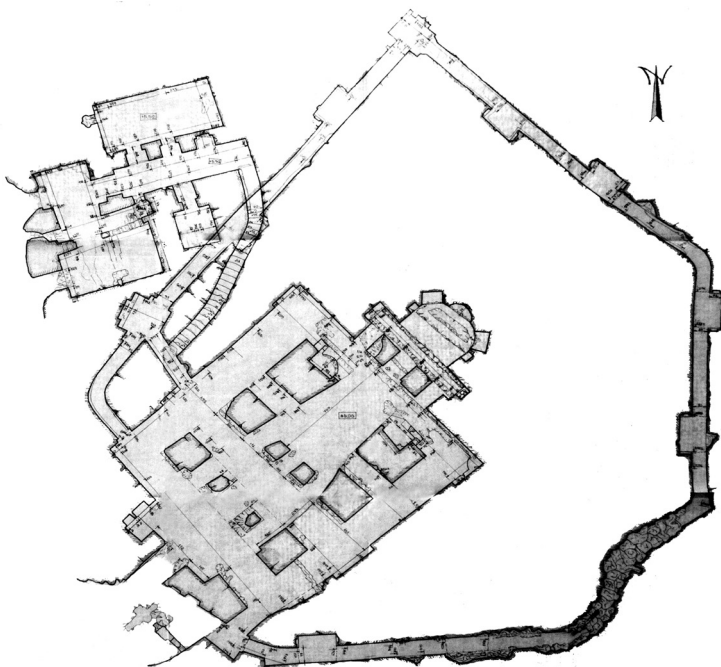

Схема пещерного храма во имя Рождества св. Иоанна Предтечи в Малых Дивах, составленная Воронежской Спелеосекцией

Современный интерьер пещерного храма во имя Рождества св. Иоанна Предтечи в Малых Дивах. Фото с. Смирнова

План пещерного храма Сицилийской иконы Божией Матери в Больших Дивах, составленный Е. Квашиной накануне реставрационных работ

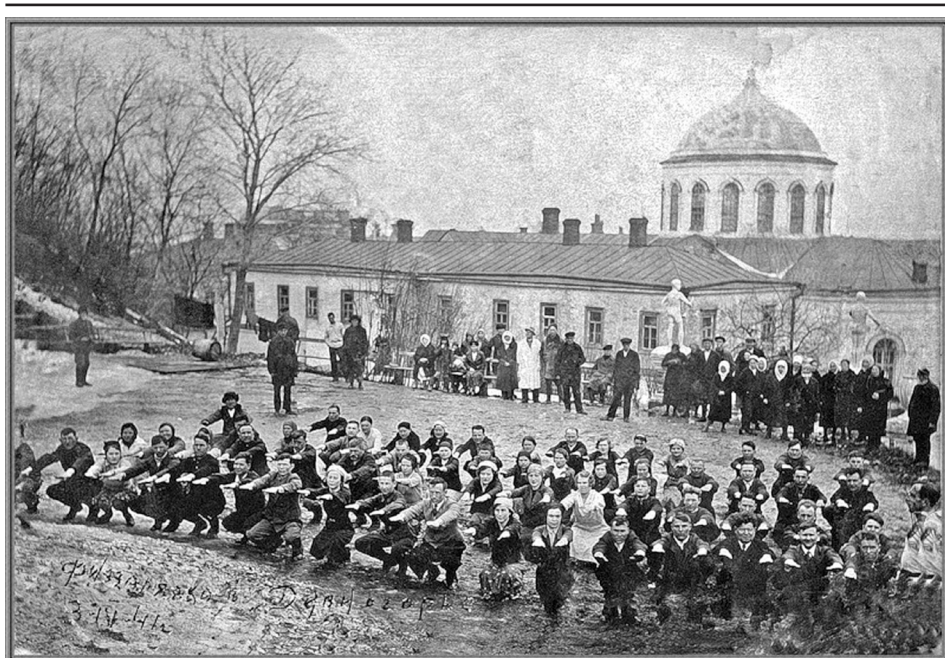

*Современный интерьер пещерного храма
Сицилийской иконы Божией Матери в Больших Дивах*

Революция 1917 г. стала переломным этапом в истории всех аспектов жизни Российского государства. Положение религии и церкви в Советской стране было установлено декретом СНК РСФСР от 20 января (2 февраля) 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви. Это в свою очередь привело к закрытию монастырей, в том числе и Дивногорского, и прекращению каких-либо изысканий, связанных с историей церкви. Более чем на 60 лет история архитектурных комплексов Дивногорья выпала из поля зрения ученых. Связано это было как с идеологическими предпосылками, так и, по справедливому замечанию Т.А. Бобровского, с «ошибочным мнением насчет малой информативности пещер при огромном риске и трудоемкости их исследований». В это время существовало два закона, оказавших влияние на отношение к пещерным памятникам, которые жестко регламентировали любительское «хождение под землю». Известный закон 1949 г. «О недрах» и предшествовавший ему указ от 1947 г. «О запрещении несанкционированного посещения подземных полостей и рудников, шахт, пещер и каменоломен». Одновременно из архивов изымались – засекречивались или уничтожались – все найденные «краеоведами из МГБ» записи и упоминания о подземных ходах и разработках камня. В 1960-е г. эти запрещающие, законы перестали применять (Цит. по: Степкин, 2004б. С. 24).

Но прежде чем перейти к истории изучения пещерных комплексов Дивногорья хотелось бы очень кратко остановиться и на судьбе Дивногорского монастыря. Некоторое время после революции монастырь продолжал существовать. Его судьбу можно проследить по страницам острогожской газеты «Наша жизнь». После революции в сентябре 1922 г. местные советы решили закрыть Дивногорский монастырь. Храмы с церковной утварью были сданы по договору группе верующих граждан Песко-Харьковского товарищества и Дивногорской трудовой артели. Все монастырское имущество передано в распоряжение Укоммунотдела* (Ликвидация Дивногорского монастыря..., 1922). 18 мая 1924 г. в монастыре был открыт дом отдыха для рабочих. На страницах газет читаем: *«У подошвы меловой кручи, увенчанной причудливыми пирамидами-obeliskами, уже тысячи лет нависающими над равниной Дона – невиданное зрелище: «тихая обитель» б. Дивно-*

* В августе 1920 г. были организованы отделы коммунального хозяйства уездных исполнительных комитетов Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, руководившие хозяйственной жизнью уезда.

*Дом отдыха «Дивногорье», апрель 1941г.
Из личного архива Татьяны Машошиной*

Большие Дивы в конце 40-х гг. XX века

горского монастыря кишмя-кишит народом, дерзко вьется на одной из вышек монастыря красный флаг, и гремят звуки «Интернационала». В речах руководства уже явственно слышится антирелигиозная агитация: «То здание, ту обстановку, которая служила в течение многих лет орудием духовного угнетения трудящихся, мы обратили на пользу пролетариата, они, рабочие, будут пользоваться теми благами, которыми пользовались тунеядцы-монахи» («Дом отдыха»..., 1924).

Территория Дивногорья пережила оккупацию во время Великой Отечественной войны. Трагичным оказался и 1943 г., когда по свидетельству местного жителя Шинкарева Николая Нифодиевича (1927 г.р.) уже советские войска взрывали часть меловых столбов-див для укрепления насыпи нижележащей железной дороги. По его словам церковь уцелела лишь чудом, благодаря защите местных старожил, которых впоследствии судили за религиозность. В 1963 г. в Малых Дивах был открыт санаторий для лечения больных туберкулезом костей, а Большие остались бесхозными.

С 60-х гг. XX века начинает активно развиваться спелеотуризм. В частности, когда ленинградские студенты Наталья и Эдуард Гольяновы в 1967 г. попали в Воронеж по распределению, они организовали в городе первую спелеосекцию*. Кроме них в исследованиях пещер ведущую роль играли также С.В. Никольский и В.И. Сукочев, которые начинают поиск и обследование пещерных памятников Донского региона. Правда, искусственные пещеры Дона обследовались ими больше в плане подготовки к спускам в крупные естественные подземные полости районов Крыма и Кавказа (Степкин, 2004б. С. 25). Спелеологами было исследовано 28 пещер и составлено 25 схематических планов этих памятников. Не обошли своим вниманием они и Дивногорскую группу памятников. Руководитель секции **Эдуард Викторович Гольянов** в 1983 г. опубликовал краткую статью с описанием наиболее известных пещер. Это была первая публикация после долгого молчания. Им очень кратко описаны все четыре комплекса, которые сейчас расположены на территории музея-заповедника «Дивногорье».

Эдуард Викторович необычно интерпретирует начальную историю монастыря в Малых Дивах, сообщая, что в 1652 г. в ней юти-

* Воронежская Спелеосекция возникла в 1969 г. при Городском клубе туристов и относится к одной из старейших в России.

лись два монаха, прибывшие вместе с полком черниговских солдат на строительство Белгородской защитной черты (Гольянов, 1983. С. 68). Но за эту неточность автора не стоит винить, ведь главной его задачей было описать пещерный комплекс, а не выяснить его историю. При этом спелеолог с уверенностью сообщает, что это древнейшая пещера области. Интересны размеры пещеры, указанные автором – 250 м. Как специалист Э.В. Гольянов отмечает, что в настоящее время часть пещер засыпана. На это, по его мнению, указывают тупик обвального происхождения и резкое поднятие, а потом спуск одного из холмов, сделанных как бы для обхода нижней галереи, не обнаруженных автором.

Временем создания пещерного храма в Больших Дивах автор называет середину XIX века, а создателями считает крепостных крестьян из соседнего села Селявное, образцом для которых была церковь в Малых Дивах. Видимо, здесь исследователь спутал историю двух пещер, так как пещеры в Больших Дивах известны с 1831 г., а в середине XIX века был создан пещерный комплекс, ныне носящий название «Ухо». При описании храма он отмечает высоту сводов в 5–6 м, кольцевой ход и ответвления с нишами и комнатами-кельями. Не могла на себя не обратить внимание и бесхозность памятника. Автор пишет, что церковь, *«как и большинство подобных подземных сооружений, сильно замусорена, закопчена и «украшена» многочисленными надписями»*.

Какой-то конкретной информации о пещере «Ухо» автор не приводит, сообщая, что имена ее создателей неизвестны, а оба входа в нее расположены на обрывах. Принципиальных отличий от других подземных сооружений Э.В. Гольянов не видит. Пещера «Каземат» расположена над «Ухом» на краю обрыва и представляет собой несколько десятков метров узких, низких, изломанных лазов, выходящих смотровой щелью на пойму Дона. Возможность прекрасного обзора за большой территорией поймы Дона из этой пещеры предопределила и ее современное название.

Спелеологи принимали активное участие в первом этапе реставрационно-укрепительных работ в пещерном храме Сицилийской иконы Божией Матери. Кроме Э.В. Гольянова и С.В. Никольского хочется вспомнить имена **Михаила Рофмана, Александра Козлова, Олега Ичаловского и Любови Лавлинской**. По воспоминаниям **Сергея Владимировича Никольского** серьезным разрушениям храм

Тренировки альпинистов на скальном массиве в Больших Дивах в середине 80-х гг. XX века. Фото из личного архива Юрия Линдермана

подвергся в 1983 г.* и так простоял до 1987 г., когда инициативная группа во главе с М.И. Лыловой взялась за его восстановление (Орлова, 2010). Группой спелеотуристов под руководством Э.В. Гольянова в июне-августе 1987 г. были проведены обмеры столба-дивы, в котором расположен пещерный храм, установлена опора для поддержания скального массива, который также закрепили металлическим тросом. На начальном этапе инициативной группе оказали помощь и альпинисты, использовавшие в 1980-х гг. массив Больших Див в качестве тренировочной площадки. И хотя, в том числе и этими работами, фундамент для музея-заповедника был заложен, некоторые еще не верили в реальность затеи:

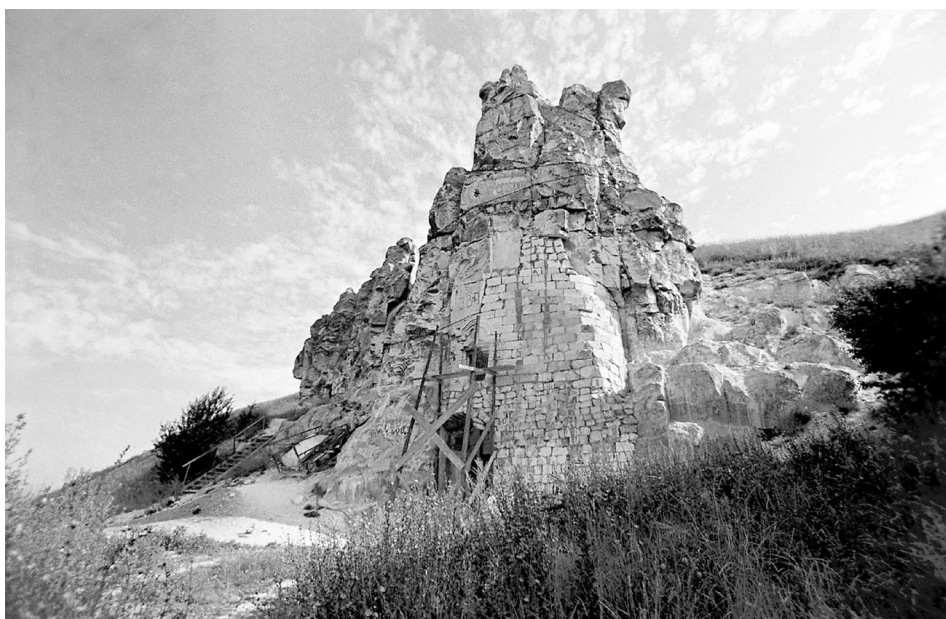
«– Далеко от Воронежа. Кто туда будет ездить?.. Организовать музей? Тогда разнесут все пещеры в пух и прах!..» (Попов, 1987).

Но еще раньше, чем спелеологи, памятниками Дивногорья заинтересовался Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат Министерства культуры СССР (ВПНРК). На обследование архитектурных комплексов Дивногорья в 1977 г. приезжала

* В середине 1980-х гг. группа молодых людей из г. Острогожска подрубила опору мелового столба, что привело к обрушению центрального фасада храма и гибели человека. Точную дату этого происшествия необходимо уточнить. - С.К.

Укрепление центрального фасада пещерной церкви Сицилийской иконы Божией Матери конец 80-х гг. XX века. Фото из личного архива Сергея Никольского

Реставрация пещерного храма Сицилийской иконы Божией Матери конец 80-х гг. XX века

старший архитектор ВПНРК **Лора Борисовна Усятинская**. Ею были составлены паспорта на памятники архитектуры. В том числе и пещерные храмы, которые не эксплуатировались. Важными источниками являются материалы фотофиксации памятников, хотя качество фотографий очень низкое.

В паспорте пещерной церкви Пресвятой Богородицы* приводится выписка из «Указателя храмовых празднеств в Воронежской епархии», изданного в 1887 г. Исходя из современного состояния памятника, Л.Б. Усятинская отмечает, что в самом конце XIX или в начале XX века помещение церкви было значительно расширено и реконструировано. В результате чего церковь стала по площади больше пещерной церкви в честь Рождества Иоанна Предтечи. Временем создания пещерного храма Л.Б. Усятинская считает XVII, XIX-XX века.

Как архитектор, автор указывает на монументальность и значительность сооружения, в котором прослеживается тесная взаимосвязь всех его частей. К 1977 г. росписи уже были утрачены, а стены, столбы и своды были значительно повреждены сколами, выбоинами, надписями и царапинами. Перед церковью была небольшая расчищенная прямоугольная площадка, к которой вела тропинка. В тот период она напоминала паперть с навесом, так как передний (центральный) столб, поддерживающий навес, еще был цел. Не был утрачен и полуцилиндрический сандрик** над нишей для иконы (Усятинская, 1977в).

Прочитую описание интерьера храма: *«Церковь в плане – квадрат (7×7м), с выступающей апсидой алтаря, композиционно относится к типу двучастных построек: четырехстолпная трапезная, храмовая часть и две боковых обходных галереи. Алтарь отделяется от основного объема церкви алтарной преградой, расчлененной тремя проходами, из которых два боковых ведут в ризницу и жертвенник, имеющих форму прямоугольников; вытянутых по оси Север–Юг. Непосредственно в стене апсиды вырублены пять симметрично расположенных ниш для икон.*

Все части церкви: притвор, трапезная, храмовая часть, алтарь, боковые галереи, соединяются между собой арочными проемами и перекрыты коробовыми сводами. Высота храмовой части достигает 7–8 метров, боковых галерей 4–5 м. В нескольких местах в стенах,

* Так в 1977 г. называли церковь Сицилийской иконы Божией Матери.

** Сандрик – декоративный архитектурный элемент в виде небольшого карниза.

при входе, на алтарной части вырублены ниши для постановки свеч и икон».

Интерес представляет описание второго этажа пещеры в Больших Дивах. От узкого коридора, если ориентироваться от входной двери, справа автор указывает на наличие двух помещений кухни, а за ней трапезной. Сегодня мы можем видеть лишь одну комнату, где сохранился желоб дымохода. Непонятно, какое помещение Л.Б. Усятинская имела в виду, говоря о трапезной. Ведь далее она описывает две сохранившиеся на сегодняшний момент кельи – меньшую (2 x 2 м) и большую (3 x 7 м). В последнюю, из коридора вели три узкие прохода (Усятинская, 1977г).

Из паспорта на пещерную церковь в честь Рождества Святого Иоанна Предтечи мы также можем узнать об утратах храма на 1977 г. К этому времени уже было срублено 2 опорных столба, стены и своды изуродованы надписями, сколами и срубками, а входы в церковь были засыпаны более чем на половину. Площадка перед храмом заросла травой и полевыми цветами. Естественно глава храма не сохранилась, как и крест на горнем месте вместе с самим горним местом.

Дает автор и краткое описание храма, который представляет собой вытянутый прямоугольник (20 x 8 м). Высота сводов 7–8 м. По объемно-пространственному решению Л.Б. Усятинская относит церковь к типу трехнефных храмов. *«Церковь перекрыта системой крестовых и коробовых сводов: храмовая часть, центральная часть и южный боковой отсек перекрыты крестовыми сводами, остальные части завершаются коробовыми сводами... Высокое, просторное помещение церкви с мощными, как бы разветвляющимися кверху столбами, массивной алтарной преградой и боковыми отсеками производит впечатление торжественного и величественного сооружения»* (Усятинская, 1977а).

Л.Б. Усятинская предположила, что келья в Малых Дивах более позднего происхождения, чем сама церковь, хотя началом ее строительства она считает также XVII век, только его конец, а окончательный вид келья приобрела в конце XIX века. Здесь также было много повреждений, на восточной и западной стенах читались три прямоугольных ниши. Освещалась келья двумя окнами, а через арочные проходы можно было пройти в узкий коридор, который разветвляясь, вел в церковь Рождества Иоанна Предтечи и к Дону. В 1977 г. оба эти прохода были завалены и непроходимы. В нишах находились

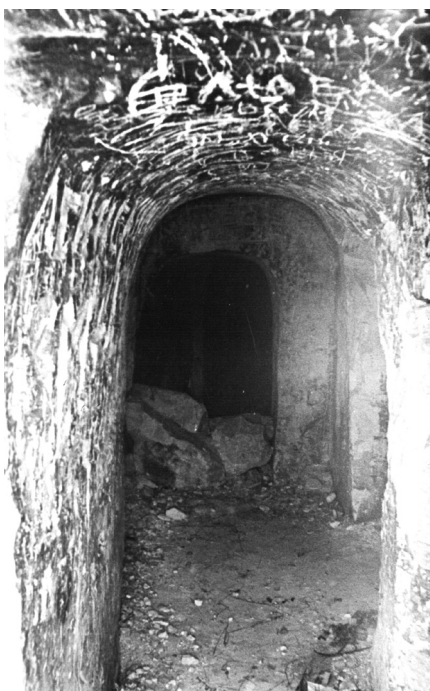
*Санаторий Дивногорье
(монастырский дворик) 1977 г.
Фото Л.Б. Усятинской*

*Уцелевшая часть колокольни
Дивногорского монастыря.
1977 г. Фото Л.Б. Усятинской*

*Вход в келью пещерного храма
в Малых Дивах. 1977 г.
Фото Л.Б. Усятинской*

*Восточный вход в обходную галерею
пещерного храма в Малых Дивах.
1977 г. Фото Л.Б. Усятинской*

спальные места, а в южной закопченной стене выдолблен желоб для дымохода (Усятинская, 1977б).

Можно проследить общие выводы, к которым приходит автор. По ее мнению, общее техническое состояние келий и пещерного храма Сицилийской иконы Божией Матери среднее и лишь местами плохое, а вот состояние пещерного храма Рождества Иоанна Предтечи уже аварийное и лишь в кельях плохое.

Следующим этапом изучения пещерных комплексов Дивногорья можно назвать появление к ним интереса у географов, но их в первую очередь интересовали необычные ландшафты, нежели архитектурные памятники. В 1973 г. выходит статья **Владимира Ивановича Федотова** «Донское Дивногорье» (Федотов, 1973), а в 1976 г. (переиздана в 1981 г.) заметка «Дивногорье». В настоящее время Владимир Иванович доктор географических наук, профессор кафедры природопользования и декан факультета географии, геоэкологии и туризма

Воронежского госуниверситета. Не будем вдаваться в физико-географические особенности меловых пород, в которых вырублены храмы. Для нас важна его идея о том, что при строительстве пещер человек использовал естественные пустоты и трещины. Донские пещеры он считал неотъемлемым элементом в системе обороны южной границы Русского государства – частью Белгородской черты. Также важно то, что Владимир Иванович в своей статье призывает общество охраны памятников истории и культуры Воронежской области взять эти памятники под свою опеку, считая, что в сочетании с чарующими ландшафтами пещерные лабиринты могли бы стать объектами организованного туризма (Федотов, 1973). Его призыв воплотился лишь отчасти. Памятники Дивногорья действительно в настоящее время привлекают к себе достаточно большой туристический поток, но, к сожалению, в Воронежской области еще очень много пещер и пещерок с уникальной архитектурой, которые, увы, нуждаются в защите и реставрации.

Сразу хотелось бы рассказать и о других работах географов, связанных с описанием пещерных комплексов. Это исследования известного русского географа, доктора географических наук, заслуженного деятеля науки РФ **Федора Николаевича Милькова** (1918–1996), **Владимира Борисовича Михно** доктора географических наук, профессора кафедры физической географии и оптимизации ландшафта Воронежского госуниверситета и **Александра Васильевича Бережного**, кандидата географических наук, в настоящее время профессора Воронежского института высоких технологий. Их описания пещер сводятся к цитированию сведений из дореволюционных изданий и простому описанию современного состояния памятников, что вполне объяснимо, ведь пещерные комплексы не были объектом их исследования (Бережной, 1994. С. 81-82; Мильков, 1995).

Как мы видим, архитектурные комплексы Дивногорья привлекают внимание не только исследователей гуманитарного профиля. Это связано прежде всего с расположением их в природных комплексах, и таким образом памятники, созданные человеком, вписываются и создают единый комплекс с памятниками природы. В связи с этим, хотелось бы также отметить исследования, проводимые кафедрой инженерной геологии Российского государственного геологоразведочного университета им. С. Орджоникидзе* под руководством

* Дано современное название университета.

кандидата геолого-минералогических наук **Ольги Евгеньевны Вязковой**, которые планомерно велись ею в первую очередь на архитектурных памятниках Дивногорья с начала 90-х гг. XX века и по настоящее время (Вязкова, 1993, 2011). Ею были изучены инженерно-геологические условия создания и сохранения памятников пещерной архитектуры. На основании исследований составлены отчеты, которые хранятся в музее-заповеднике «Дивногорье». Автор приходит к выводу, что разрушение памятников Дивногорья происходит по природным причинам, активизированным человеческой деятельностью. Например, началом интенсивного разрушения скального массива Малых Див можно считать момент, когда был создан ровный фасад. Его выравнивание привело к активизации выветривания, осыпания и т.п. Поэтому для приостановки этих процессов необходимо создать искусственные защитные стенки. В отчете 2011 г. О.Е. Вязкова отметила, что для предотвращения обрушения свода церкви необходимо принять меры по сохранению мощности кровли. Кроме этого автор указала несколько аварийных участков в галерее крестного хода. В храме в Больших Дивах опасные процессы разрушения памятника, благодаря комплексу противоаварийных мер, удалось остановить (Вязкова, 2011. С. 6).

Но, вернемся немного назад. На наш взгляд, первой работой, которая действительно свидетельствовала о возрождении интереса к архитектурным памятникам Дивногорья, стала статья **Владимира Ивановича Плужникова** в настоящее время кандидата искусствоведения заведующего Центром документации наследия Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. Весной 1962 г. Владимир Иванович обмерял пещерные церкви в Малых и Больших Дивах, а также пещерную церковь в Шатрище. Результаты его исследования были опубликованы значительно позже – в 1985 г. При высокой степени научности его работы, нельзя не отметить и хороший литературный язык автора и художественность отдельных описаний.

«Над компактной группой невысоких построек, среди которых не слишком выделяются храм с восьмериком над основным объемом и двухъярусная колокольня, поднимаются белоснежные скалы с меловыми напыльями. На фоне синего неба они подобны кучевым облакам, одно из которых оказывается неровным обелиском над входом в храм, другое – колокольней в меловом столпе, третье – часовней. Скальный

монастырь кажется воздушным замком над земной твердью. Эта иллюзия, несомненно, учитывалась, когда наружным объемам скальных построек придавали ассиметричную форму, хотя материал довольно легко допускает геометрическую правильность в обработке». Так автор описывает вид монастыря, размещенный в 1864 г. в Памятной книжке Воронежской губернии (Плужников, 1985. С. 93-94).

Автор подчеркивает, что пещерный интерьер всегда воспринимается иначе, чем в интерьер наземных сооружений: *«Для того, кто в одиночку идет по коридору, темнота впереди рассеивается лишь на небольшое расстояние, а сзади тут же смыкается. Идущий как бы несет вместе с собой изменчивый фрагмент пространства, доступный зрению. В храмах, трапезных и кельях, где светильники стоят неподвижно, пространство лишено такой изменчивости, однако движения пламени и неравномерность его горения придают большую подвижность теням, то преувеличивая фактурные неровности, то смягчая четкость граней на свежевырубленных участках, то смазывая и без того нерезкий стык поверхностей, поврежденных осыпью».*

Планировка подземных коридоров отличается внезапностью как в поворотах, так и в спусках и подъемах. Эта «непредугадываемость планировки» создает ощущение изоляции и отрыва от остального мира. Отмечает В.И. Плужников и то, что создатели пещер использовали возможности меловой породы, превращая сеть естественных пустот в связанную систему ходов. Кратко автор пересказывает историю Дивногорского монастыря, но остановимся прежде всего на архитектурных особенностях, которые он описывает в деталях. Не пересказывая его работу, отметим только изменения в облике пещер, которые ранее не отмечались. В конце XVIII века дуга коридора еще не была замкнута, хотя уже был начат ход от северной стены храма. Опираясь на данные о размерах пещер, В.И. Плужников предполагает, что самый древний участок ходов – два длинных отрезка, соединенных под тупым углом, находящиеся к югу от церкви и связанные с более поздней шестигранной подземной часовней. Следующий, самый регулярный участок коридора включающий соединения под прямым углом небольших прямолинейных отрезков, мог быть вырублен в третьей четверти XVIII века, когда монастырем велось активное наземное строительство. Отдельные работы в подземельях Малых Див, например на северном участке, по мнению ученого, могли продолжаться до середины XIX века. Видимо к этому времени от-

носится оформление двух часовен в духе классицизма (Плужников, 1985. С. 102, 105). В целом по его описанию можно восстановить много деталей интерьера.

По мнению В.И. Плужникова, пещерный комплекс в Больших Дивах сложно привязать к какой-либо известной дате. Кроме полукруглых ниш, которыми прорезан ход вокруг церкви все свидетельствует о более позднем создании этого храма, нежели храма в Малых Дивах. Возможно, здесь пытались обобщить образ комплекса в Малых Дивах, не повторяя планировочной угловатости и неорганичности в соединении компонентов. Окончательное архитектурное оформление пещер в Больших Дивах исследователь также относит к середине XIX века. Сравнивая церковь Сицилийской иконы Божией Матери с храмом во имя Рождества Иоанна Предтечи, автор также детально описывает архитектуру комплекса. Именно он высказывает гипотезу об использовании ходов вокруг храмов в качестве крестного хода.

Дает автор характеристику и пещере у с. Селявного, но т. к. лично он памятник не обследовал, то приведенные им факты заимствованы из предшествующих работ.

Ценным в исследовании Владимира Ивановича было не только архитектурное описание памятников, но и выявление эмоционально-художественной составляющей при их строительстве. Он подчеркивает, что прямых аналогий пещерным комплексам не только Дивногорья, но и всего Среднего Подонья не известно. Не видит автор очевидного сходства с Киевскими пещерами, но отмечает, что архитектурные формы храма в Малых Дивах созвучны не столько московскому зодчеству XVII века, сколько украинскому, для которого характерно наличие расширенного нартекса* и подобие крестовых сводов. Но смутные воспоминания о киевских пещерах пещерокопатели южнорусской зоны пытались воплотить в иных строительных технологиях, неизменно уклоняясь от прототипа. При этом автор отмечает большую гармоничность Дивногорских подземелий, нежели чем в Киево-Печерской лавре, Псково-Печерском монастыре, Уплисцихе** или Вардзии***. В дивногорских пещерах композиционно противопоставлены и вместе с тем взаимно увязаны участки с разной смыс-

* Нартекс, нарфик – притвор, входное помещение, примыкавшее обычно к западной стороне христианских храмов.

** Уплисцихе (досл. Божья Крепость) – древний пещерный город, один из первых городов на территории Грузии.

*** Вардзиа – пещерный монастырский комплекс XII–XIII веков на юге Грузии.

ловой функцией. То, что пещерные ходы во многом асимметричны, В.И. Плужников объясняет не только зависимостью от технических условий, но и ориентацией на монахов с их аскетическими запросами. Отмечает он и ориентацию пещерных храмов на принципы наземной архитектуры (Плужников, 1985. С. 114).

Строгость художественной отделки отражала мощь каменной массы, внутри которой человек создал среду обитания и придал ей определенную эмоциональную окраску, а *«колышущееся пламя свечей придавало даже несложным наличникам большую динамическую выразительность»*. Таким образом, В.И. Плужников первым отмечает не случайность выбранного стиля построения и украшения меловых храмов Дивногорья.

Важна для понимания духовного смысла существования пещерных монастырей статья **Татьяны Петровой** «Пещерные монастыри как явление русской духовной культуры», но в ней, хотя и приведены фотографии пещерных храмов Дивногорья, нет какого-либо их описания. Статья имеет обобщающий характер без привязки к конкретным памятникам (Петрова, 1993).

Спасительным рубежом для сохранения пещерных памятников этой территории стало образование здесь в 1988 г. на базе памятников Дивногорья, филиала Воронежского областного краеведческого музея. С 1989 г. были начаты плановые работы по укреплению и реставрации храмов, которые проводились горными инженерами из Эстонии под руководством **Зорислава Константиновича Дьяченко** (Институт горного дела им. А.А. Скочинского). На базе памятников Дивногорья была разработана специальная методика реставрации пещерных меловых церквей, поскольку до этого на территории Российской Федерации аналогичных работ не проводилось.

В 1989 г. проектным институтом по реставрации памятников истории и культуры «Спецпроектреставрация» был разработан проект схемы развития музея-заповедника «Дивногорье». Одной из составных частей этого проекта была историческая записка, которую подготовили под руководством главного специалиста **А.Б. Тренина** **В.Л. Берлин** и **И.В. Яковлев**. Историческая записка состоит из трех частей – в первой дана история памятников Дивногорья, подготовленная И.В. Яковлевым, во второй части опубликованы исторические документы XVII–XIX веков, а третья – материалы фотофиксации. Небольшая выдержка из этой работы была опубликована Н.С. Су-

поницкой в Краеведческом альманахе, который издает Лискинский муниципальный историко-краеведческий музей (К 20-летию музея-заповедника, 2011).

История Дивногорья в работе И.В. Яковлева прослежена начиная с IX века. Характеристика археологическим памятникам дана кратко, но очень скрупулезно проанализированы источники на предмет упоминания в них Дивногорских древностей. Естественно, опираясь на документальные сведения, автор не сомневается в дате основания монастыря, называя 1653 г. История монастыря разбита им на периоды. В первый – почти до конца XVII века – монастырь находился на передовой линии обороны южных границ Русского государства, являясь своеобразным форпостом укреплений Белгородской черты. Второй период – XVIII век – превращение монастыря в крупного феодала-вотчинника, владевшего значительными земельными угодьями и различными промыслами, обогащавшегося за счет торговли и эксплуатации крепостных крестьян. С 1828 г. начинается следующий, последний, почти столетний период его исторического существования – бурная строительная деятельность, в результате которой и сложился окончательно монастырский ансамбль, сохранившийся до наших дней, правда, в крайне обезображенном и разоренном состоянии. Если продолжить периодизацию автора, то с 1997 г. начался современный этап существования Дивногорского Свято-Успенского монастыря, хотя также справедливо будет вести отсчет с 1988 г. Автором подобраны документы, отражающие экономическую историю монастыря, а также историю архитектурных памятников Дивногорья. В записке подробно описано как выглядела та или иная церковь и когда она была перестроена.

В частности, в середине XIX века была расширена прибрежная часть территории монастыря в южном направлении, за счет срытия юго-западного и юго-восточного склонов косогулов, окружавших монастырь. Она была увеличена до 128 м в длину (по оси запад–восток) и до 90 м в ширину (по оси север–юг). О том, какие именно постройки были возведены в XIX веке, уже сообщалось ранее.

Автор высказывает свою точку зрения на время построения пещерного храма в честь Рождества Иоанна Предтечи. Отмечая отсутствие документальных свидетельств копания пещер Ксенофонтом и Иоасафом и ссылаясь на документ об основании Дивногорского монастыря, в котором ни слова не сказано о пещерной церкви, а пишет-

ся лишь о поставлении вновь церкви, келий и ограды, И.В. Яковлев предполагает, что первоначально в монастыре была только одна церковь, церковь Николая Чудотворца на берегу Дона, а в промежутке между 1658 и 1663 гг. было завершено строительство второй церкви, Успения, в скале (Яковлев, 1989. С. 21). Но, насколько нам известно, в 1658 г. был дан антиминос на освещение уже наземного Успенского храма. Из документов, цитируемых автором, интересен рапорт игумена монастыря Иова епископу Воронежскому и Елецкому Тихону, в котором тот в частности сообщает о наличии в храме иконостаса, писанного на листовом железе. Отмечает исследователь и то, что в документах до закрытия монастыря от 1781 г. и после его возобновления в 1828 г. фигурирует различная длина пещер. Разница составляет 17 саженей или 36 м. Из этого напрашивается вывод, что за то время пока монастырь был закрыт пещеры были расширены. На основе другого чуть более позднего документа автор приходит к заключению, что за прошедшие десять лет с момента возобновления монастыря длина пещерного хода увеличилась еще на 25 саженей (53 м), и была начата другая пещерная галерея с другой стороны церкви. Все это свидетельство того, что мода на пещерокопательство охватила в эти годы не только окрестных жителей, но и обитателей монастыря. И в качестве доказательства своей точки зрения приводит пример с настоятелем монастыря Меркурием. Причем на этом работы по удлинению пещер не были завершены. Поэтому И.В. Яковлев, так же как и В.И. Плужников, считает, что в целом сохранившийся до сегодняшнего дня архитектурный облик церкви Рождества Иоанна Предтечи с пещерными кельями и ходами, был окончательно оформлен к 40–50-м гг. XIX века. Косвенным фактом этого, автор также называет, выполненное в модной в те годы архитектурной практике, псевдоготическое архитектурное убранство помещений.

Что касается истории церкви Сицилийской иконы Божией Матери, то исходя из отсутствия каких-либо документальных свидетельств, автор делает предположение, что ее создателем был, как и создателем другой монастырской часовни, *«искусный резчик пещер поселянин слободы Лыски Михаил Полеев»*. Но нам сложно предположить необходимость и реальность одному человеку строить два храма, да и Дмитрий Самбикин, на которого ссылается автор, не связывал эти сооружения.

Исследование И.В. Яковлева было написано для музея-заповед-

ника «Дивногорье» и не получило широкого распространения в научном мире, тем не менее стоит отметить его последовательное описание в том числе и архитектурных памятников Дивногорья, которое опирается на документальные источники. Его работа, безусловно, имеет большую ценность для обобщения сведений об истории монастыря.

Хочется отметить еще одну записку, сохранившуюся в архиве музея-заповедника (Квашина. С. 1–4). К сожалению, авторство на ней не указано, но вполне возможно, что составлена она была накануне проведения реставрационных работ архитектором **Еленой Квашиной**. В записке дается анализ архитектурной истории пещерных храмов Дивногорья. В качестве примера взят пещерный храм Сицилийской иконы Божией Матери. Автор сразу подчеркивает сложность заданной темы, т. к. специальных исследований до этого не проводилось. Материал, в котором выкопаны пещеры, отличается от пород, в которых созданы более-менее изученные рукотворные пещеры. Еще одной особенностью мела, отмеченной автором, является легкая устранимость следов прежней обработки, что усложняет датировку. Каких-либо изображений пещерного храма до середины XIX века не сохранилось.

Исследователь соглашается с мыслью В.И. Плужникова о длительном периоде складывания окончательного облика храма, поэтому автор пытается изучить комплекс по частям, устанавливая последовательность сооружения каждой из них и отмечая следы ремонтно-восстановительных работ. Для этого анализировалось нарушение планировочной структуры, высота и оформление сводов и арок, уровни пола. К сожалению, к заметке не приложено никакой схемы, поэтому не всегда понятно с какой современной частью храма можно соотнести описания автора. Исходя из этого, автор приходит к выводу, что вначале был сооружен «Малый храм», включавший в себя пространство нартекса и экзонартекса* центрального нефа. Рядом с ним были вырыты кельи, которые по лестнице соединялись с северной часовней. Следующим этапом было сооружение «Большого храма» и северной галереи, южная галерея была сооружена позже, т. к. в них отличается количество киотов для икон в стасидиях и канавкой, проходящей по центральной части пола в северной части. Последним был выкопан коридор, соединявший храм, лестницу и северную

* Экзонартекс – внешний притвор.

часовню, которая была расширена и приобрела своды с нервюрами*. Последние сближают храм в Больших Дивах с пещерным храмом Малых Див, в котором также есть часовня с нервюрами. Строительные этапы храма во имя Рождества Иоанна Предтечи не рассматриваются специально, но автор отмечает, что на одновременность сооружения указывают: наличие двух входов, разный уровень окон, разный уровень входов в пристройки и галереи храма, закладка коридора в столбе и разная высота сводов галереи.

В заключении автор указывает на необходимость более подробного изучения строительных этапов. К сожалению, эта проблема до сих пор не разрешена.

В 90-х гг. XX века появляются архитектурно-исторические описания Дивногорских пещер. Авторским коллективом в лице краеведа и архитектора **Ларисы Валерьевны Кригер**, архитектора **Т.Н. Панкратовой** и искусствоведа **Владимира Ивановича Плужникова** памятники Дивногорья были описаны в «Материалах свода памятников истории и культуры Российской Федерации». Они вновь высказывают предположение, что пещеры в Дивногорье появились раньше монастыря, и именно они привлекли сюда иноков с Украины, находивших в этих местах сходство с Киево-Печерской Лаврой. В остальном же их интерпретация истории монастыря соответствует мнениям до-революционных авторов. Архитектурный анализ памятника сделан, видимо, В.И. Плужниковым и повторяет его статью. Каждая часть пещерных сооружений описана отдельно, что более удобно для понимания. Итак, если подвести небольшой итог, то пещерный комплекс в Малых Дивах состоит из помещения непосредственно церкви, огибающего ее коридора, двух часовен в его северо-восточной и южной частях, кельи и ведущего к Дону коридора.

Колокольня, которая вырублена в одной из Див, ни в одном известном нам описании не предстает целой и действующей, но тем не менее во всех источниках и исследованиях ее именуют именно колокольней. При ее характеристике авторы обращают внимание не только на арки звона, но и на небольшую келью в основании с коробовым сводом.

В части, посвященной пещерной церкви Сицилийской иконы Божией Матери, не совсем верно приведены данные об освящениях храма. Относительно его первоначального названия источники ни-

* Нервюра – арка из тесаных клинчатых камней, укрепляющая ребра свода.

чего не сообщают кроме предположений, поэтому утверждать однозначно, что это был храм Владимирской Божией Матери нельзя. Известно, что в 1862 г. в Малых Дивах была переосвящена в честь Сицилийской иконы Божией Матери, наземная новая каменная церковь, построенная на месте старой деревянной Владимирской.

Из описания наземных построек монастыря складывается целостное впечатление о них как о едином архитектурном ансамбле. Основная композиционная ось в нем ориентирована по линии север–юг. На ней расположены Надвратная колокольня, главный храм во имя Успения

Божией Матери и пещерная церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи. Западную зону (у парадного въезда в монастырь) с юга ограничивали служебные корпуса и протяженный двухэтажный гостиничный корпус, а с севера – небольшой монастырский сад, из которого открывался вид на окружающий ландшафт. Монастырский двор – прямоугольный в плане, с северо-запада был ограничен Г-образным корпусом келий. Над входной аркой западного крыла возвышалась двухъярусная колокольня с высоким шпилем. Над восточной частью северного крыла келий поднимался небольшой четверик* с купольной кровлей и главкой, акцентирующий ядро расположенной здесь церкви Сицилийской иконы Божией Матери. Главная Успенская церковь располагалась в центре и была построена в форме креста, боковые ветви которого, как и алтарная апсида, были полукруглыми. Парадный двор замыкался кладовыми и флигелем церковно-приходской школы. С востока располагался хозяйственный двор, огра-

*Руины древней колокольни,
вырубленной в меловом столбе в
Малых Дивах*

* Четверик – в русском и украинском зодчестве (деревянном и каменном) четырехугольное в плане сооружение или его составная часть.

ниченный несколькими одно- и двухэтажными хозяйственными постройками.

Авторы зафиксировали утраты XX века: гостиничный комплекс, верхний ярус надвратной колокольни, восточная часть Успенской церкви, ядро трапезной церкви Сицилийской иконы Божией Матери, часть служебных корпусов и келий, главка с церкви Рождества Иоанна Предтечи. Наземные сооружения подверглись перепланировке, но лаконичный декор их фасадов не изменился (Кригер, 1993. С. 49-50). Фиксируется и состояние наземных храмов на 1993 г. с сохранившимися архитектурными деталями.

С середины 90-х гг. XX века у историков вновь появляется интерес к судьбе Дивногорского монастыря. **Андрей Олегович Амелькин** (1961–2007) совсем недолго проработал в музее-заповеднике «Дивногорье», когда тот еще был филиалом Воронежского областного краеведческого музея. У него вышло несколько публикаций, посвященных истории Дивногорской обители, в которых, в частности, был поднят вопрос о времени основания монастыря (Амелькин, 1995а; 1995б; 1996). Уже название одной из его статей «Древнейший монастырь Воронежского края» отражает точку зрения автора. По его мнению, монастырь в Дивногорье основан в XIII–XIV веках. Свое предположение он строит на существовании в этот период особого района – Червленого Яра*, населенного православными людьми «полоняниками», которые обосновывались в этой области в частности для обслуживания татарских переправ через р. Дон. Располагались небольшие поселки в непривычных топографических условиях: не имея права занимать удобные для обороны места, но одновременно стремясь укрыться от случайных нападений, жители Червленого Яра строили свои дома в устьях оврагов, возле пойменных лесов. Возможно, в этом районе существовали и православные монастыри. И, по мнению А.О. Амелькина, один из таких монастырей существовал именно в Дивногорье. Этот вывод он делает, опираясь на мини-

* Червленный Яр – территория вдоль берегов Дона от устья р. Воронеж до устья р. Хопра и далее по р. Хопру. В этом районе обнаружены почти 50 поселений XIII–XV веков, занятые русским населением. Червленный Яр являлся составной частью ордынских земель, имел особый статус в системе русской православной церкви. Подробнее см.: Шенников А.А. Червленный Яр: Исследование по истории и географии Среднего Подонья. Л., 1987; Цыбин М.В. Древнерусские памятники второй половины XIII–XIV вв. в Среднем Подонье // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской Лесостепи. Воронеж, 1987, с. 36–51.

атюру Лицевого летописного свода, на которой художник XVI века проиллюстрировал «Хождение митрополита Пимена», нарисовал 5 столбов (башнеобразных жилищ монахов-пустынников) с узкими дверьми, над одной из которых изображен киот для иконы. Но и Андрей Олегович отмечает, что в самом сказании о хождении Пимена, нет ни слова об обители (Амелькин, 1995а. С. 138). На наш взгляд, важно не забывать и о том факте, что проиллюстрировано издание было через два века после составления описания. И хотя А.О. Амелькин допускает возможность того, что художник сам видел эти места, нам это предположение кажется маловероятным. На сегодняшний день, когда нет реальных доказательств подтверждения или опровержения факта использования пещер ранее середины XVII века, все предположения остаются лишь гипотезами, которые, однако, имеют право на существование.

А.О. Амеликиным также дана очень подробная архитектурная характеристика пещерных памятников Малых и Больших Див с выделением этапов строительства отдельных частей. В целом это является продолжением исследования Е. Квашиной. Из интересных фактов отметим предположение ученого о том, что пещерный ход, ведущий к наземным постройкам монастыря в Малых Дивах, имел карстовое происхождение (Амелькин, 1996. С. 212). Автор считает, что в 1693 г. были проведены масштабные работы в подземном храме: вырублено алтарное помещение с огромным меловым крестом над горным местом и, очевидно, основное помещение храма. О более древних постройках свидетельствуют небольшие заложенные участки окон и коридора в нартексе. *«Обходная галерея также сооружалась в несколько этапов. Первоначально она доходила до крайней юго-восточной точки комплекса подземных сооружений. Предшествующая ей верхняя площадка, очевидно, раньше тянулась до самого конца этого отрезка галереи, а не обрывалась лестницей, ведущей вниз. В противном случае невозможно объяснить постепенное повышение потолков за ныне сохранившейся верхней площадкой».*

Автор опровергает мнение В.И. Плужникова относительно строительства колокольни в 90-х гг. XVII века. А.О. Амелькин отнес ее к остаткам древнего монастыря, существовавшего до прихода в этот район малороссийских иноков и изображенного на миниатюре Лицевого летописного свода (Амелькин, 1996. С. 214). Описание периодов строительства различных частей пещерного храма Сицилийской

иконы Божией Матери в целом совпадает с методической запиской, составленной для музея-заповедника «Дивногорье» и проанализированной ранее. При этом, автор несколько удревляет возраст пещер, относя их к XIV–XIX векам, но считая, что в основном облик пещер в Малых и Больших Дивах сложился к XVII, а не к XIX веку. Важно также, что, исходя их архитектурных особенностей комплекса в Больших Дивах (крестово-купольный тип храма, распространившийся к IX века), А.О. Амелькин исключает его связь с Маяцким городищем (Амелькин, 1996. С. 216).

В целом А.О. Амелькиным была проведена важная обобщающая работа, актуализирующая дореволюционные исследования по истории обители и кратко, но емко раскрывающая основные вехи существования монастыря.

Попытка обобщить известные сведения по истории Дивногорья в XVII веке также была предпринята в статье С.К. Кондратьевой. Благодаря работе с архивными материалами удалось выяснить год, когда сгорел первый деревянный храм во имя Николая Чудотворца (Кондратьева, 2010).

Со второй половины 90-х гг. XX века планомерно начинает изучать донские пещеры **Виталий Викторович Степкин**, который в 2005 г. защищает диссертацию по теме «Пещеростроительство в лесостепном Подонье: VIII–XX вв.». Это, безусловно, явилось важной вехой в истории изучения пещерных памятников Донского региона в целом и Дивногорья в частности. В настоящее время автор работает учителем истории в МОУ Павловская СОШ с углубленным изучением отдельных предметов и продолжает активно разрабатывать заданную тему. Итоги его исследования были частично опубликованы в четвертом выпуске серии «Спелестологические исследования», посвященном культовым пещерам Среднего Дона. И хотя его исследования не были направлены конкретно на пещерные комплексы Дивногорья, автор не мог обойти их стороной. Именно ему принадлежит современный историографический обзор литературы, посвященной культовым пещерам Дона, к которым относится Дивногорье (Степкин, 2004б).

Если рассмотреть выводы, к которым приходит автор, то В.В. Степкин не исключает существование пещерных комплексов в XIII–XIV веках, развивая идею А.О. Амелькина. Он уверен, что художник Лицевого летописного свода знал о существовании пещер в меловых столбах и поэтому изобразил их в своей миниатюре. Игна-

тий Смольянин же не упомянул об этом, т. к. пещеры не привлекли его внимания. Виталий Викторович уверен, что факт упоминания о пещерах не говорит, о том, что их там не было. Те, кто описывал эту территорию позже, также не обращали внимания на пещерные памятники, т. к. они могли быть незначительны, заброшены или просто не входили в задачу их исследования (Степкин, 2004д. С. 52). Учитывая короткий период строительства известный из документальных источников, небольшое количество работающих, В.В. Степкин предполагает, что насельники Дивногорского монастыря лишь реконструировали пещерный храм. Еще одним доказательством в пользу более раннего строительства пещер автор приводит сведения П. Гордона, которому настоятель монастыря рассказал о существовании древнего монастыря, основание которого предание приписывало императору Андронику. Под развалинами древней обители, по мнению В.В. Степкина, понималась уже разрушенная колокольня, высеченная в меловом останце, а все пять византийских императоров с именем Андроник правили в период с XII по XIV века. Исследователь предполагает, что это мог быть Андроник I Комнин (1183–1185), который, будучи еще царевичем, бывал в России. Но просуществовал монастырь недолго, был разрушен в 1237 г. войсками татаро-монгол. (Степкин, 2004в. С. 162). Память же об этом святом месте сохранилась в народной памяти. Хотя В.В. Степкин не исключает возможности более позднего возникновения монастыря на территории Червленого Яра, не видит других причин кроме святости места для выбора его украинскими иноками в середине XVII века. Трудно найти другое объяснение их поступку, учитывая неблагоприятное в военно-политическом отношении расположение монастыря, подвергающегося неоднократным нападением со стороны татар. С другой стороны учеными не раз подчеркивался факт существования монастыря как дополнительного пункта обороны русской территории. Возможно, покровителю монастыря И.Н. Дзиньковскому было выгодно его существование именно у устья р. Тихой Сосны, на которой стоит г. Острогжск.

Пещерный комплекс в Больших Дивах, по мнению В.В. Степкина, также был основан в XII–XV веках. Косвенным доказательством этого является отсутствие письменных свидетельств о его строительстве в XVII веке, а по архитектурным особенностям не может быть соотнесен с более поздними памятниками. Именно в это время сюда была принесена Сицилийская икона Божией Матери. Ученый отмечает,

что время обнаружения иконы, совпадает со временем обнаружения пещер, поэтому первоначально она находилась в этих засыпанных пещерах. Но здесь автор сразу сам себе задает вопрос, как икона столь продолжительное время могла храниться во влажном климате пещер. Объяснение этому можно искать лишь в области божественного волеизъявления, недоступного человеческому разуму. От себя отметим лишь, что дореволюционные ученые указывали на очень плохую сохранность икон в пещерных храмах. Так, видимо, сделанный к освящению пещерной церкви Сицилийской иконы Божией Матери в 1903 г. иконостас ко времени визита в храм А.С. Кременецкого сильно обветшал, а ведь прошло менее 10 лет. В.С. Степкин говорит, что если отказаться от мысли, что Сицилийская икона была принесена Ксенофонтом и Иоасафом, то нужно признать, что в Большие Дивы ее принес неизвестный незадолго до «обретения» иконы.

Ссылаясь на В.И. Плужникова, автор в качестве аргумента древности монастыря также приводит наличие ниш-стасидий в галерее крестного хода. Они могли возникнуть только при условии существования большого православного монастыря достаточно продолжительный период, чтобы в нем могли воспитаться православные аскеты, которые после своей кончины, как наиболее прославленные в своем житие, были положены в стасидии для поклонения (Степкин, 2004д. С. 61). Но опять таки, фактических свидетельств захоронений в этих нишах на сегодняшний момент не обнаружено.

Достаточно подробно останавливается В.В. Степкин на связи колодца, якобы существовавшего в западном углу Маяцкой крепости, с пещерным храмом в Больших Дивах. По его мнению, он мог как свидетельствовать о строительстве пещер аланами, если принять колодец за один из ходов, так и быть возведенным в более позднее время, например в XII–XV веках и служить вентиляционной шахтой для несквозных пещер.

В работе В.В. Степкина впервые собраны воедино сведения о культовой пещере «Ухо» (Степкин, 2001). Этот памятник расположен в 1 км к западу от с. Селявное Лискинского района Воронежской области. Автор отмечает, что В.И. Плужниковым, лично не осматривавшим пещеру, даны неверные описания ее архитектурных особенностей. Ценным являются описания этого памятника, сделанные исследователем на основе обследования пещеры в 1999 г. На тот момент в пещеру можно было попасть только через два входа, третий

был засыпан. Его обследования в целом подтвердили предыдущее описание этого комплекса П.В. Никольским. Лабиринты памятника имеют в основном коробовый свод и лишь на отдельных участках встречены крестово-купольные своды. Важная деталь, отмеченная В.В. Степкиным, – изображение двух церковных колоколен на стене одного из коридоров, у одной из которых не сохранилась верхняя часть. Он вполне справедливо предполагает, что резчик мог вырезать как особо почитаемые им церкви, так и чисто абстрактные. Интересно также описание небольшой комнаты (1,7 x 2,1 м) на стене которой вырезан четырехконечный крест, не имеющий аналогий в других пещерных памятниках Дона. Именно в этой комнате мог проживать П. Курбатов (Степкин, 2004д, С. 64–66). Таким образом, только в этом пещерном комплексе Дивногорья меловые своды сохранили древние граффити.

Пещера «Каземат» представляет собой систему сложных и узких ходов. Она не велика по размеру. На то, что это в какой-то период времени была монашеская келья, указывает наличие киотов для икон и ниши, выполнявшей функцию полки (Степкин, 2004д, С. 67). Благодаря чертежам и описаниям В.В. Степкина, мы можем судить о прежней конфигурации памятника, т. к. в настоящее время вход в нее расширен туристами.

Для понимания истории культовых пещерных комплексов Дивногорья не менее важными являются и обобщающие работы В.В. Степкина, посвященные в частности реконструкции процесса организации производства при строительстве пещер или социально-психологическим и религиозно-мифологическим мотивам в устройстве и оформлении пещерных памятников Придонья (Степкин, 2004г; 2004ж; 2004е). Им проанализирована история появления и развития пещеростроительства в Донском регионе (Степкин, 2004в). Автор выделил четыре этапа. Наиболее ранний этап В.В. Степкин связывает с языческими культами и ссылается на связи слова Дива с *deus* – словом, которым во многих языках называли божественных существ, отмеченное еще Е.Л. Марковым. Следующий этап относится к XII–XIV векам и связан с распространением здесь христианства не только из Крыма, но и из центральных областей Древнерусского государства. Третий этап пещеростроительства был связан с освоением земель русскими людьми и возведением Белгородской оборонительной черты. Новый всплеск пещерокопательства связан с XIX веком, когда велось стро-

ительство новых и расчистка старых пещерных комплексов преимущественно выходцами из низшего сословия. Отмечает автор и тяжелые последствия антирелигиозной политики XX века, приведшей к стиранию из памяти людей святости пещерных обитателей.

Интересен результат подсчета трудозатрат при строительстве пещерных комплексов. Для расчета он брал известные факты по строительству пещеры «Ухо», расположенной на территории музея-заповедника «Дивногорье», близ села Селявного. Известно, что в 1851 г. ее начал строить Петр Курбатов, которому через некоторое время начал помогать Никифор Шатов. За 5 лет работы они выработали около 480 м³ мела. В.В. Степкин подсчитал, что если Петр работал 300 дней в год по 8 часов в день, то каждый день он вырабатывал 0,04 м³ мела и за 5 лет спокойно завершил работу. При этом его помощник мог заниматься только отделочными работами (Степкин, 2004г. С. 174). Из этого видно, что на сооружение подземного комплекса уходило гораздо больше времени, чем на строительство наземного, да и условия проживания в нем были намного суровее. В связи с этим автор поднимает следующий актуальный вопрос о причинах столь активного пещеростроительства. Ответ исследователь находит в социально-психологических мотивах. Кроме традиций пещерожительства, уходящих корнями в пещерные святыни Палестинской земли, к духовному подвигу копания пещер простых людей в XIX веке приводило убеждение в богоугодности такого труда (Степкин, 2004ж. С. 181–182). Кроме того, автор пытается с религиозно-мифологической точки зрения интерпретировать расположение на вершинах див куполов с крестами. По мнению автора, это символ стремящейся в небо души человека и крест, венчающий диву, говорит о такой возможности, связывая между собой как бы два мира (Степкин, 2004е. С. 189).

Таким образом, Виталий Викторович на сегодняшний день единственный автор, давший характеристику и лично исследовавший все четыре культовых пещерных памятника, расположенных в настоящее время на территории музея-заповедника «Дивногорье». Его исследование отличает разносторонний подход к проблеме функционирования пещерных комплексов. При изучении конкретных вопросов автор старается рассмотреть существующие точки зрения. В том числе благодаря его работам пещерные памятники Донского региона в целом и Дивногорья в частности являются наиболее хорошо изученными в России.

В начале XXI века выходят статьи **Юрия Юрьевича Шевченко**, в которых рассматриваются типы христианских подземных сооружений Евразии и истоки традиции сооружения пещерных христианских монастырей Донского региона (Шевченко, 2004). Юрий Юрьевич включил описания пещерных храмов Больших и Малых Див в свое фундаментальное исследование христианских пещерных памятников (Шевченко, 2006. С. 593–596). Он приводит аналогии другим пещерным памятникам. Например, по его мнению, внутреннее оформление апсиды подземного храма Иоанна Предтечи выполнено как наружная апсида в базилике св. Николая в Мирах Ликейских VIII века. Он предполагает, что «братский корпус», то есть кельи, могли быть местом жилья для полутора десятков иноков. Помещение, интерпретируемое большинством авторов как часовня, Ю.Ю. Шевченко называет отдельной кельей настоятеля. Высказывает автор предположение, что престолом в пещерном храме в Больших Дивах была центральная ниша-столп в алтарной апсиде. Основываясь на планиметрии алтарного пространства, Ю.Ю. Шевченко соглашается с теми исследователями, которые синхронизировали построение храма в Больших Дивах со временем существования Маяцкого городища. В работах ученого заложен очень важный принцип поиска аналогий различным архитектурным деталям пещерных комплексов в пещерных храмах не только России, но и мира. Но насколько такие аналогии допустимы и насколько выводы, сделанные на их основе, будут соответствовать реальности, на наш взгляд, сегодня сказать сложно. В работе Ю.Ю. Шевченко были поставлены более глобальные задачи, нежели детальный разбор пещерных памятников Дивногорья, которые лишь один из неотъемлемых элементов в ряду сотен подземных комплексов.

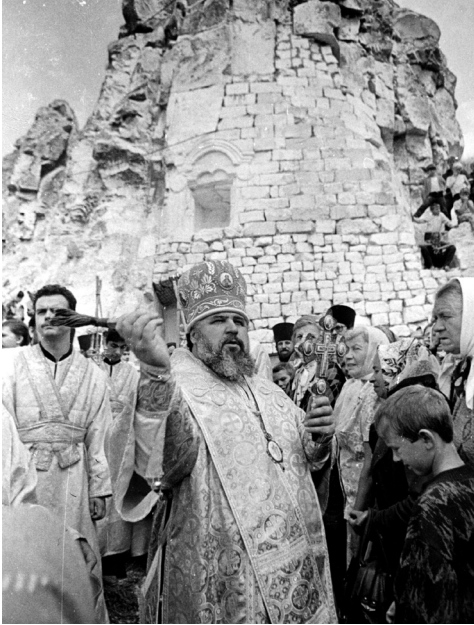
Лично исследовал пещерные комплексы Дивногорья член русского географического общества молодой исследователь из Санкт-Петербурга **Илья Алексеевич Агапов**. Он, как и большинство современных авторов, не исключает возможность возникновения пещер ранее XVII века и даже пишет о существовании как в Больших, так и в Малых Дивах языческих святилищ, размещенных в естественных или вырубленных гротах, которые впоследствии были перестроены отшельниками и монахами (Агапов, 2004. С. 202). Дивногорский монастырь он причисляет к крупнейшим по протяженности пещерным монастырям России, в его классификации он стоит на 4 месте, по-

сле Калачеевских пещер, Белогорского монастыря, и пещерного монастыря при Свято-Троицком Скановом монастыре*. Интересен его подсчет суммарной протяженности пещерных комплексов Дивногорья, по которому длина пещер составляла 604 м. В эту цифру вошли 284 м ходов в Малых Дивах, 2 м руин древней колокольни, комплекс в Больших Дивах общей протяженностью 132 м, 150 м пещеры «Ухо» и 36 м пещеры «Каземат» (Агапов, 2010. С. 219).

В 2009 г. вышла монография Юлии Владимировны Полевой по истории пещерного подвижничества в Нижнем Поволжье и Подонье (Полева, 2009). Автор использовала имеющиеся данные по пещерным комплексам Дивногорья для анализа культурно-семантического аспекта почитания пещерных памятников Поволжья и Подонья.

В конце XX века вновь возрождаются православные обители. 28 августа 1991 г. отреставрированный пещерный храм Сицилийской иконы Божией Матери заново освятил митрополит Воронежский и Липецкий Мефодий (Немцов). С этого времени возобновляется интерес священнослужителей к истории Дивногорского монастыря. Собирательская работа велась протоиереем Александром Долгушевым, иеромонахом Дионисием Тарасовым. К сожалению, их изыскания лишь отчасти были обнародованы. Так, хотя в заметке опубликованной А. Долгушевым речь идет о Костомаровской обители, пересказывает автор и предание о Ксенофонте и Иоасафе, которых он называет греческими монахами, приплывшими из Сицилии на ладье к берегу Тихой Сосны (Долгушев, 1995. С. 67). В этот период переиздаются и исследования дореволюционных авторов. В 1998 г. в Каменке издан труд П.В. Никольского, а в 1999 г. в Москве выходит брошюра А.С. Кременецкого. К сожалению, нам не удалось выяснить, кто занимался изданием последнего, т. к. очень интересное примечание дано по поводу судьбы Чудотворной Сицилийской иконы Божией Матери. Автор отмечает, что икона не была уничтожена в годы Советской власти, а хранилась у жительницы одного из сел, которая передала древнюю икону в церковь (Кременецкий, 1999. С. 56). Но о какой именно церкви идет речь, к сожалению, не сказано. Сегодня

* **Калачеевская пещера** – расположена на восточном склоне мелового холма, на правом берегу р. Толучеевка в центре г. Калач (Воронежская область). О существовании здесь монастыря документальных свидетельств нет. **Воскресенский Белогорский мужской монастырь** находится недалеко от г. Павловска на правом берегу р. Дон (Воронежская область). **Троице-Сканов монастырь** расположен в Пензенской области.

Освящение пещерной церкви Сицилийской иконы Божией Матери 28 августа 1991 г. митрополитом Воронежским и Липецким Мефодием

сохранилось несколько списков иконы конца XIX века, которые хранятся в храмах Воронежской области: Дивногорском Свято-Успенском мужском монастыре, пещерной церкви в Больших Дивах, в Каменке, Россоши, Залужном и др.

Много небольших заметок появляется о Дивногорском монастыре в справочных епархиальных изданиях (Свято-Успенский Дивногорский монастырь, 2010). Нельзя пройти мимо очень серьезного, отлично структурированного научного труда игумена Митрофана Шкурина для многотомного издания «Православная энциклопедия». В 2006 г. в XIV томе выходит его описание Дивногорского мона-

стыря (Шкурин, 2006). Помимо последовательного изложения истории обители игумен пишет о современном ее состоянии. В ответ на обращение митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия (Немцова) 28 мая 1997 г. комплекс Дивногорского монастыря был передан Воронежской епархии, 25 декабря того же года решением Священного Синода РПЦ в монастыре возобновилась монашеская жизнь. 25 октября 1998 г. указом управляющего епархией первым заместителем стал игумен (с 2005 архимандрит) Парфений (Шалатонов). С 30 декабря 2009 г. заместителем монастыря стал игумен Максим (Лапыгин).

С середины 90-х гг. XX века выходит много популяризирующих заметок в журналах и газетах. Подчас в них высказываются фантастические идеи, касающиеся истории архитектурных памятников Дивногорья. Но есть также немало любопытных изданий. Красота природы и архитектурных комплексов Дивногорья также привлекают фотографов, издающих красочные фотоальбомы (Смирнов, 2007; Кулаков, 2010).

Современный вид Дивногорского Свято-Успенского мужского монастыря

*Современный вид храма
Сицилийской иконы Божией
Матери в Больших Дивах*

Хотелось бы рассказать еще об одной исследовательской работе, проведенной в музее-заповеднике «Дивногорье» в рамках реализации проекта-победителя VII грантового конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире», проводимого Благотворительным фондом В. Потанина. Проект назывался «Лики меловых храмов – реальные и мультимедийные», и в его рамках были созданы видеоблоки для новой мультимедийной экспозиции в пещерном храме Сицилийской иконы Божией Матери. Одной из целей проекта также стало возобновление интереса власти, ученых, церкви и общества для объединения усилий направленных на изучение и сохранение этих уникальных памятников историко-культурного наследия. Проект был благословлен митрополитом Воронежским и Борисоглебским Сергием, и в ходе работы над ним велись постоянные консультации с представителями епархии. Отбирались архивные фотографии, помощь оказали и просто любители Дивногорья, которые делились семейными фотоархивами. Некоторые из них опубликованы в данной работе.

Использование компьютерных технологий позволило расширить рамки традиционной экскурсии, внося под старинные своды элементы будущего. Визуальные образы, проецируемые непосредственно на меловую стену в притворе, знакомят с многообразием меловых пещерных храмов Воронежской области в контексте общемировой истории строительства христианских пещерных сооружений. В ней также представлены архивные материалы, наглядно раскрывающие страницы истории самой церкви.

Итак, если говорить об основных направлениях в истории изучения архитектурных памятников Дивногорья, то со второй половины в XX века комплексы Дивногорья привлекают внимание широкого круга специалистов. Исследователями XX–XXI веков сделан детальный анализ архитектурных особенностей интерьеров, составлены схемы памятников. К общей тенденции можно отнести стремление удревнить время создания пещер.

Таким образом, на сегодняшний день существует достаточно много трудов, раскрывающих историю Дивногорского монастыря. Имеющиеся работы по истории Дивногорской обители являются далеко не полными. На наш взгляд, уже сложилась потребность объединить все имеющиеся сведения для составления подробного обобщающего труда по истории памятников Дивногорья. В то же время ряд проблем еще не поднимался учеными или требует уточнения. Ждет своего ис-

следователя история данной местности в XX веке, открыт вопрос о времени создания пещерных комплексов, неизвестна судьба, постигшая братию и святыни монастыря, после его закрытия. Наверняка архивы хранят еще немало документов, проливающих свет на эти и другие проблемы. Привлечение ученых смежных специальностей, в частности археологов, поможет открыть новые аспекты истории этих памятников.

РАЗДЕЛ 2

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ДИВНОГОРЬЯ

Г Л А В А 3

Начальный этап в изучении археологических памятников Дивногорья (1890–1910 гг.)

В предыдущем разделе нашей книги уже было указано на обстоятельства появления в конце XIV века в письменных источниках первых сведений о Дивногорье, привлечшем к себе внимание благодаря великолепным памятникам природы – дивам. Археологические древности этой местности обратили на себя внимание несколько позже и поначалу использовались в весьма прозаических целях – в качестве надежных ориентиров. Самый ранний из известных нам документов, в котором упомянут один из археологических памятников Дивногорья, – это «Строенная книга города Коротояка», датируемая 1647 г. В это время местность у Дивных гор была включена в земельные угодья военных поселенцев этого города: «...даны им сенные покосы ... меж гор по Див гор и до Маяцкаго стариннаго городища, и от того городища от Больших Див вверх по реке... до пушкарских сенных покосов...» (Строенная книга, 1889. С. 1890). Именно это название надежно закрепилось за средневековой крепостью, дав впоследствии имя и одной из археологических культур.

Вплоть до 1890 г. мы располагаем только лирическими описаниями Маяцкого городища и его окрестностей, оставленными посетителями этих живописных мест.

К примеру, как уже было указано, проездом в середине XIX века в Дивногорье побывал известный отечественный писатель **Григорий Петрович Данилевский**. Наряду с восхищенным, полным романтизма описанием здешней природы и местных церквей, в его очерке, посвященном Дивногорью, содержится не менее яркая и образная характеристика увиденного им городища.

Из очерка Г.П. Данилевского «Дивногорск»:

«...А вот, за перелеском, выше столбов и выше монастыря, – развалины городища, земляные, размытые укрепления, холмы и бастионы, наугольники и бойницы!

Это дозорный пункт над окрестностью, видимою отсюда верст

на пятьдесят кругом, других веков и другой образованности: это городище времен Скифских, времен Геродота, переселения народов и близкого водружения животворящего креста Апостолом Андреем, над холмами Киевскими, над купелью будущей отчизны Русских!

И в виду этих живых скрижалей, над которыми вьются тени Сарматов и Аттилы, диких Ордынцев и Бориса Годунова, и не менее грозных Османов Азова, на берегу Дона, между тростников и прибрежных порослей, у перевоза на пароме, чернеют соломенные курени рыбаков...» (Г.Д., 1853. С. 10 – 11).

Нет надобности подвергать это описание научному анализу, оно трогает сердце, интересно и важно для нас как литературное свидетельство очевидца, побывавшего на памятнике в середине XIX века.

Для местных же жителей долгое время площадь памятника была доходным местом: за выкопанные здесь старинные вещицы можно было выручить денег на местной ярмарке. Подтверждением справедливости этого высказывания может служить свидетельство авторитетного очевидца – известного воронежского литератора и краеведа **Евгения Львовича Маркова**, побывавшего в Дивногорье и опубликовавшего затем путевой очерк «Поездка в Дивногорье» (Марков, 1891).

Из путевого очерка Е.Л. Маркова «Поездка в Дивногорье»:

Над самым столпцем Больших Див виден довольно еще высокий земляной вал; он правильным четырехугольником охватывает небольшую полянку величиною около десятины, покрытую давно осевшими и уже полураскопанными курганами.

Это древнее Маяцкое городище.

«Нас поджидал здесь местный урядник с сотским, которым было поручено показать нам недавно раскопанную любопытную могилу.

– А эти курганы давно копали? – спросил я сотского, пожилого умно смотревшего мужика.

Сотский безнадежно махнул рукою:

– Да тут, почитай, уж и копать нечего! С коих пор народ сюда ударился! Несколькo, может, годов; я еще махоньким был, все тут было, копались. Чего-чего только отсюда не волокли, из курганов этих самых...

– Что ж такое находили?

– Да всякую всячину!.. И ножи железные, и деньги, сережки раз-

ные... Мало ли чего!.. Только, должно, не нашей российской работы, с нашим не сходственно.

– А купить у кого-нибудь можно? Осталось еще что-нибудь?

– Кто его знает... Что-то не в примету. Оставляй, кто ж будет? На какой ему ляд? Мещанам больше Крутояцким (уездный город Коротомяк Воронежской губернии. – Е.З.) сбывают, когда базар... Нет-нет, ан копеечек пятьдесят гляди и наберет... А ему-то оно не покупное, за что ни продал – все барыши! – благоразумно рассудил сотский...» (Марков, 2007. С. 181).

С такого рода кладоискательскими работами связаны и первые из известных находок с Маяцкого городища. По сохранившимся архивным документам и публикациям очевидцев мы можем проследить хронику этих событий, относящихся к 1889–1890 гг., достаточно детально.

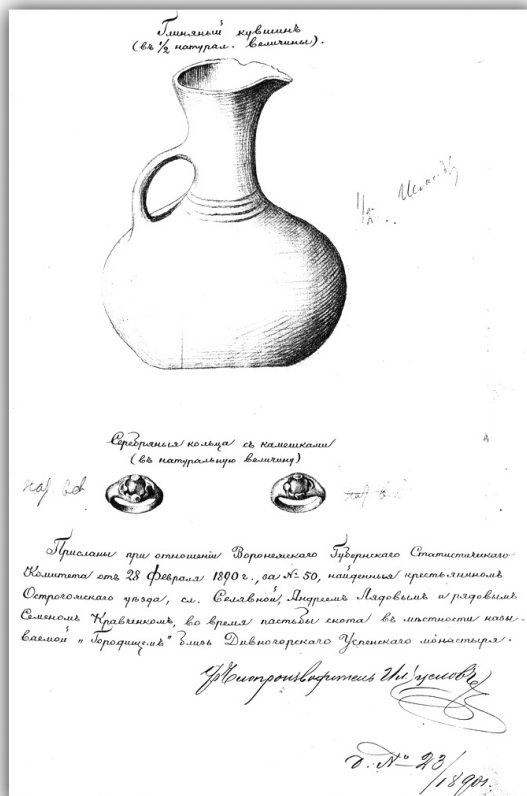
Место находок – могила сажень в ста (примерно 213 м) от Маяцкого городища – стала объектом внимания местных жителей после того, как туда провалилась корова из деревенского стада. Е.Л. Марков в уже упоминавшемся очерке сообщает подробности этого события.

Из путевого очерка Е.Л. Маркова «Поездка в Дивногорье»:

«Прежде, чем молва о ней дошла до слуха местной полиции, Селявинские мужики, уже давно набившие руку на самовольных раскопках Маяцкого городища, разумеется, сейчас же бросились добывать в ней клады. По рассказам мужиков, напавших на эту могилу, и по рассказам сотского, видевшего их находки, в могиле были найдены довольно характерные вещи. В сундуке вместе с костями оказались три перстня с камнями вроде кошачьего глаза, а рядом с сундуком стоял «кугелян» (круглый кувшин), по-видимому, пустой, ибо внутри он был совершенно чист. С другой стороны сундука была найдена в деревянном истлевшем футляре обернутая в кусок аксамита или бархата большая медаль, вершка $3\frac{1}{2}$ в диаметре (примерно 15,5 см), из какой-то золотистой массы, которая сейчас же сломалась пополам, с беловатым взломом, в грубых мужицких руках. На медали этой, по словам сотского, был изображен «змей с крыльями». (Марков, 2007. С. 183–184)

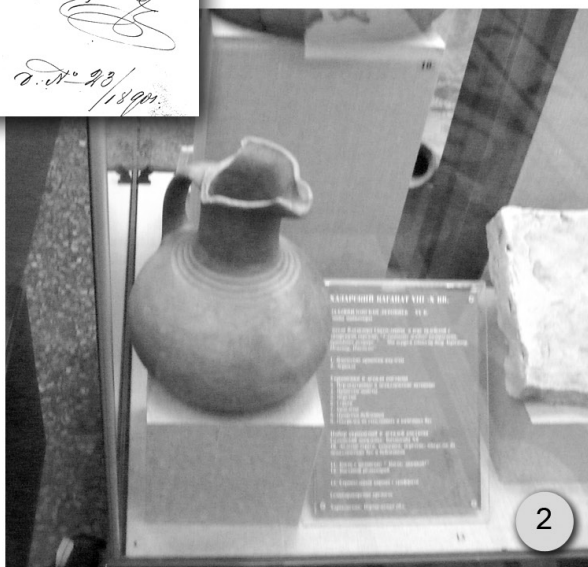
В Острогужское полицейское управление из упомянутых Е.Л. Марковым вещей были доставлены кувшин и два серебряных кольца с камешками, которые согласно существовавшей практи-

ке были препровождены вместе с соответствующим рапортом (от 7 февраля 1890 г. № 266) в Воронежский Губернский Статистический Комитет. Находки вместе с сопроводительным отношением от имени Воронежского губернатора – председателя местного статистического комитета (от 28 февраля 1890 г. № 50) были посланы в Император-

1

Первые находки с
 Маяцкого горodiща:
 1 – прорисовки вещей с
 пояснениями (РА ИИМК.
 Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 3);
 2 – фото кувшина из
 экспозиции ГИМ (январь
 2010 г.)

скую Археологическую Комиссию (ИАК). В сопроводительном документе названы находчики, и также содержится описание места и обстоятельств находок, как мы можем судить, несколько отличающееся от приведенного выше.

Из отношения Воронежского губернатора в Императорскую Археологическую Комиссию:

«Крестьянином сл. Селявной Лисянской волости Андреем Алексеевым Лядовым и запасным рядовым Семеном Денисовым Кравченком во время пастьбы скота найдены глиняный кувшин и два серебряных кольца с камешками в местности называемой «Городищем» близ Дивногорского Успенского монастыря в провалье, раскопанном Кравченком и Лядовым. Провалье это образовалось на вершине меловой горы, на правом берегу реки Тихой Сосны, при слиянии ее с рекою Доном, – окружено валом, представляющим как бы разрушенную стену. В отверстие провалья свободно пролезает человек. Опустившись в отверстие на глубину около двух аршин (примерно 1,4 м) можно видеть пещеру в виде коридора, длиною около пяти аршин (примерно 3,5 м); здесь именно в полусгнившем и разрушившемся ящике в виде гроба, Кравченком и Лядовым найдены упомянутые выше вещи.

О чем сообщая, покорнейше прошу Императорскую Археологическую Комиссию буде ей угодно будет поручить исследование одному из членов Статистического Воронежского Комитета, выслать на расходы 200 руб., так как Комитет необходимых для этого средств не имеет» (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 1 об.).

По рассмотрении данного документа Императорской Археологической Комиссией было принято следующее решение:

– рисунки находок с соответствующей информацией опубликовать в очередном томе «Отчетов ИАК» (Отчет ИАК, 1893. С. 117, рис. 67, 68);

– сами вещи передать на хранение в Императорский Российский исторический музей (о направлении отношения от 26 июля 1891 г. № 782, об их получении – от 13 августа 1891 г. № 504 (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 10–11)); ныне они выставлены в археологической экспозиции Государственного исторического музея;

– находчикам выдать вознаграждение в размере 5 руб. (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 7–9.);

– на имя члена-секретаря Воронежского Статистического Комитета Л.Б. Вейнберга выслать «Открытый лист на право производства

раскопок» (№ 508 от 18 мая 1890 г.), в том числе и в Острогужском уезде, в местности называемой «Городищем» (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 5), но в финансировании отказать ввиду отсутствия свободных средств (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 4).

Располагая «Открытым листом», не подкрепленным финансами, **Леонид Борисович Вейнберг** все же выехал на место находок и даже провел там, по его словам «предварительные раскопки», но об их результатах он нигде не сообщает. Сохранившаяся информация о посещении Л.Б. Вейнбергом Дивногорья отличается противоречивостью и не позволяет однозначно утверждать, были ли произведены им какие-либо раскопки, или же он только осмотрел данный памятник.

Возвращая в Императорскую Археологическую Комиссию «Открытый лист» (как того требовали правила), Л.Б. Вейнберг не приложил к нему отчета о проведенных работах, а ограничился лишь сопроводительным письмом и посылкой экземпляра вышедшей в том же году его книги «Очерки замечательнейших древностей». В письме, датированном 13 февраля 1891 г., он в частности сообщал, что *«...закончил предварительное исследование западной части Воронежской губернии, а именно течения р. Дон и Воронеж в историко-археологическом отношении и предполагаю провести исследования в восточной части, в том числе и на Дивьих горах (выделено мною. – Е.З.). На это мне требуется пособие в 350–400 руб., причем желательно в самом непродолжительном времени, так чтобы можно было начать раскопку до полевых работ и осмотреть местности, пока они не покрылись густой растительностью...»* (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 12).

В то же время в его «Очерках» в разделе, посвященном Дивногорью, мы читаем: *«**Мои предварительные раскопки на Дивьих горах истекшим летом показали** (выделено мною. – Е.З.) мне, с какими затруднениями сопряжены подобные работы в меловой почве. Вся остальная поверхность Дивьих гор, судя по многочисленным незначительным впадинам, представляет собою древнее кладбище. По крайней мере, **при раскопках истекшего лета**, произведенных по случаю обнаруженной через провал земли могилы, **оказалось**, что такие же могилы встречаются там на глубине 3–4 аршин (примерно 2–2,8 м) без видимых извне признаков, кроме упомянутых впадин в поверхности почвы»* (Вейнберг, 1891. С. 50).

Вполне понятно, что Императорская Археологическая Комис-

сия затребовала отчет о проведенных работах по выданному листу как обязательное условие для получения последующего разрешения (Уведомление от 7 марта 1891 г. № 214) (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 15). Такого же содержания уведомление было направлено и в адрес Воронежского губернатора (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 16).

В ответ на это требование 11 марта 1891 г. Л.Б. Вейнбергом был отправлен в ИАК машинописный отчет «Придонские исторические памятники Воронежской губернии» (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 19–30). Отчет состоит из девяти разделов, отражающих фактически все проведенные к этому времени работы Л.Б. Вейнберга по обследованию губернии. В восьмой раздел включена и информация о Маяцком городище, но нет упоминания о проведенных им лично исследованиях (к таковым можно отнести лишь замеры некоторых параметров памятника, содержащиеся в отчете).

Из отчета Л.Б. Вейнберга «Придонские исторические памятники Воронежской губернии»:

«Особенного внимания ученых заслуживает «Маяцкое городище», находящееся на вершине, в юго-восточном углу Дивьих гор. Это прекрасно сохранившийся памятник очень давнего времени, судя по тому, что писцовая книга г. Коротояка XVII века называет это городище «Старым». Городище представляет правильный четырехугольник, в северо-западном углу которого находится колодезь, засыпанный лет сорок тому назад монахами Дивногорского монастыря, как мне объяснили, потому что в этот колодезь провалился монастырский бык, который исчез бесследно. Валы имеют в длину по 40 саж. (примерно 85 м), а ширина колодца равнялась 4 арш. (примерно 2,8 м) в обе стороны. Уничтоженный колодезь этот – большая потеря для науки, ибо находясь на высоте до 100 саж. (примерно 213 м) над уровнем р. Тихой Сосны, протекающей невдалеке по долине, этот колодезь едва ли мог служить для добывания воды, он, думается мне, должен был иметь иное назначение. Дива или каменные столбы тянутся здесь хотя и с промежутками, но в столь правильной линии вокруг склона Дивьих гор, что напоминают развалины древней каменной стены. Вся же остальная поверхность вершины Дивьих гор представляется громадным кладбищем, судя по многочисленным бугоркам наподобие могил. В прошлом году один из этих бугорков поддался под тяжестью коровы, отделившейся от пасшегося здесь стада; образовался провал, в котором на глубине 1–2 саж. (примерно 0,7–1,4 м) оказался квадратной

формы склеп; в нем деревянный ящик, а в последнем женский костяк в сидячем положении с перстнями на пальцах, с кувшином в изголовье и по правой руке костяка футляр, в котором находилось массивное серебряное зеркало с изображением драконов. Зеркало похищено кем-то из крестьян села Селявного, а остальные предметы были своевременно отправлены в Императорскую Археологическую Комиссию, за исключением ткани, в которую одет был костяк, коричневого цвета, средней толщины холст, совершенно истлевший, распадавшийся от прикосновения рук. Народные предания считают почему-то эту местность «Жидовским кладбищем». (РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. Л. 28–29).

В приведенном фрагменте отчета заслуживает внимания еще одна немаловажная деталь, зафиксированная Л.Б. Вейнбергом – народная память пронесла через века информацию, связанную с этнической атрибуцией памятника.

Это все известные нам к настоящему времени сведения об исследовании Л.Б. Вейнбергом Маяцкого городища, сохранившиеся в его документах и публикациях.

В заключение анализа обстоятельств первых известных в науке находок с Маяцкого городища отметим, что вместе с Л.Б. Вейнбергом в 1890 г. в Дивногорье был, как уже говорилось, Е.Л. Марков. Приведу еще несколько отрывков из его путевого очерка, имеющих отношение к нашей теме (цитирую с некоторыми сокращениями).

Из путевого очерка Е.Л. Маркова «Поездка в Дивногорье»:

«...Воспользовавшись случайною встречей с одним знакомым мне любителем археологии, ... отправился с ним вдвоем осматривать пресловутые Дива...

В заднем углу окопа мы наткнулись на какую-то яму, по-видимому, не очень давно засыпанную... Прежде колодезь сухой был. Глубок – меры нет!... Да бык монастырский в него провалился, с тех пор и засыпали... Делалось очевидным, что мнимый колодезь был ничто иное как тайник, которым старинные обитатели Маяцкого городища спускались к реке, а может быть, и в подземелья свои.

Могила, которую нам показал урядник, саженьх в ста от Маяцкого городища. Все поле по пути к ней и все поле вокруг нее на большое пространство, везде, где только я шел, покрыто чуть не сплошь мелкими черепками самой разнообразной глиняной посуды: красной, желтой, серой, белой, черной, хорошо выжженной и иногда разукрашенной

бесхитростными узорами. Но курганов не видно; даже над раскопанною могилою – никакого следа кургана. Скорее можно заметить над нею некоторое углубление почвы. Таких углублений, как бы от осадки земли над пустотою, виднеется по полю очень много; иногда они тянутся правильными рядами, как дома вдоль улицы. Нет сомнения, что мы попираем почву какого-то глубоко древнего, многолюдного сельбища, и по всей вероятности эти углубления при раскопке оказались бы рядами могил.

Раскопанная могила довольно оригинального вида: в нее ведет боковой спуск, через который явилась возможность очистить маленький круглый склепик с плоским потолком из крепкой известковой почвы от набившейся в него земли и мусора. Вместо кладов посредине склепика оказался полуистлевший дубовый ящик, гораздо короче и выше обыкновенных гробов... В ящике были кости чрезвычайно сухие и тонкие, потемневшие как кофе. Вероятно, труп был посажен в этот ящик в согнутом положении, как это часто встречается в древних могилах.

Мы могли осмотреть только уцелевшую часть костей и зубов, совсем еще крепких, обломки как уголь черного и как уголь хрупкого дуба, да кусочки, словно испепелившейся бурой материи, вроде грубой саржи. Все остальное улетучилось неведомо куда...

...Недаром древнее городище, венчающее эту угловую гору, называется Маяцким. Это, действительно, самое подходящее место для «маяка», дозорной вышки, с которой, в случае приближения с какой бы то ни было стороны вражьих ратей, так удобно было подавать за десятки верст сигнальные знаки, зажигая приготовленные заранее костры... Немудрено поэтому, что просторное темя этой горы представляет из себя одно сплошное городище и, по всей вероятности, один сплошной могильник... Валы и сторожи Московского царства, несомненно, были здесь только позднейшими наследниками древнейших укреплений и сельбищ разных исчезнувших теперь народностей. Хазары и половцы – владыки Дона вплоть до нашествия татар – не могли не иметь своих поселений на таком «причинном месте» великой реки, так что среди попираемого теперь нами неведомого праха, неведомых насыпей, неведомых черепков не может не быть остатков хазарского и половецкого племени, последовательно владевших друг за другом берегами Дона. Но, конечно, и эти уже вполне исторические народы селились здесь на разрушенных гнездах каких-нибудь еще более

древних обитателей Дона, которых история рисует в туманной полутьме отрывочными и сбивчивыми намеками, путая их под шаткими названиями то скифов, то роксолан, то аримаспов, то сарматов, а ничего определенного не зная о них...

Я твердо уверен, что и в Больших Дивах, и в теперешнем Дивногорском монастыре, и в соседнем ему Шатрище – во всей этой исторической горе, полной древних христианских святынь, древних могил, древних городищ – некогда существовали весьма важные языческие святыни, несомненные следы которых сохранились до нас и в пещерах, ископанных неведомою рукою, неведомо когда, с их тайниками и колодезями, и в утесах-истуканах, носящих знаменательное имя Див».

К сказанному остается только добавить, что уже в мае 1891 г. Л.Б. Вейнберг ушел в отставку и переехал в Санкт-Петербург для работы в «Правительственном вестнике». Больше к археологическим изысканиям на территории Воронежской губернии он не возвращался.

Прежде чем перейти к освещению следующего эпизода в истории исследования Маяцкого комплекса, добавим, что касается судьбы зеркала(?) из этого захоронения, то жители Селявного спустя несколько лет рассказали, что нашедшему его «хохлу» одна барыня разъяснила, что «это – изображение мугометанского бога, и он разбил медаль топором и выбросил ее в Дон» (М.Т., 1902). Этот рассказ, переданный местным крестьянином В.Ф. Боковым, нашел отражение в газетной заметке начала XX века, принадлежащей, судя по подписи М.Т., **Михаилу Павловичу Трунову**, об исследованиях которого на Маяцком комплексе речь пойдет далее. А поскольку поводом для заметки послужили находки самого Бокова, то немаловажен еще и доподлинно(!) известный Бокову факт получения находчиком вознаграждения размером «10 рублей» (мы уже писали о выданных 5 руб-лях) за переданные властям «глиняный кувшин и золотые серьги».

Надо полагать, что тогда же М.П. Трунову сообщили и обстоятельства находки, оставшиеся в его записях. Понимая, что за прошедший десяток лет они приобрели уже характер местной легенды, он не поместил этот рассказ ни в публикацию, ни в отчет. Нам же он интересен с точки зрения трансформации археологических источников в фольклорный материал. Жители рассказали ему, что была «могила в мелу; на трех цепях висит гроб, не касаясь дна. В гробу браслет золотой, кольцо и серьги и нитка драгоценных камней, меч с золотой

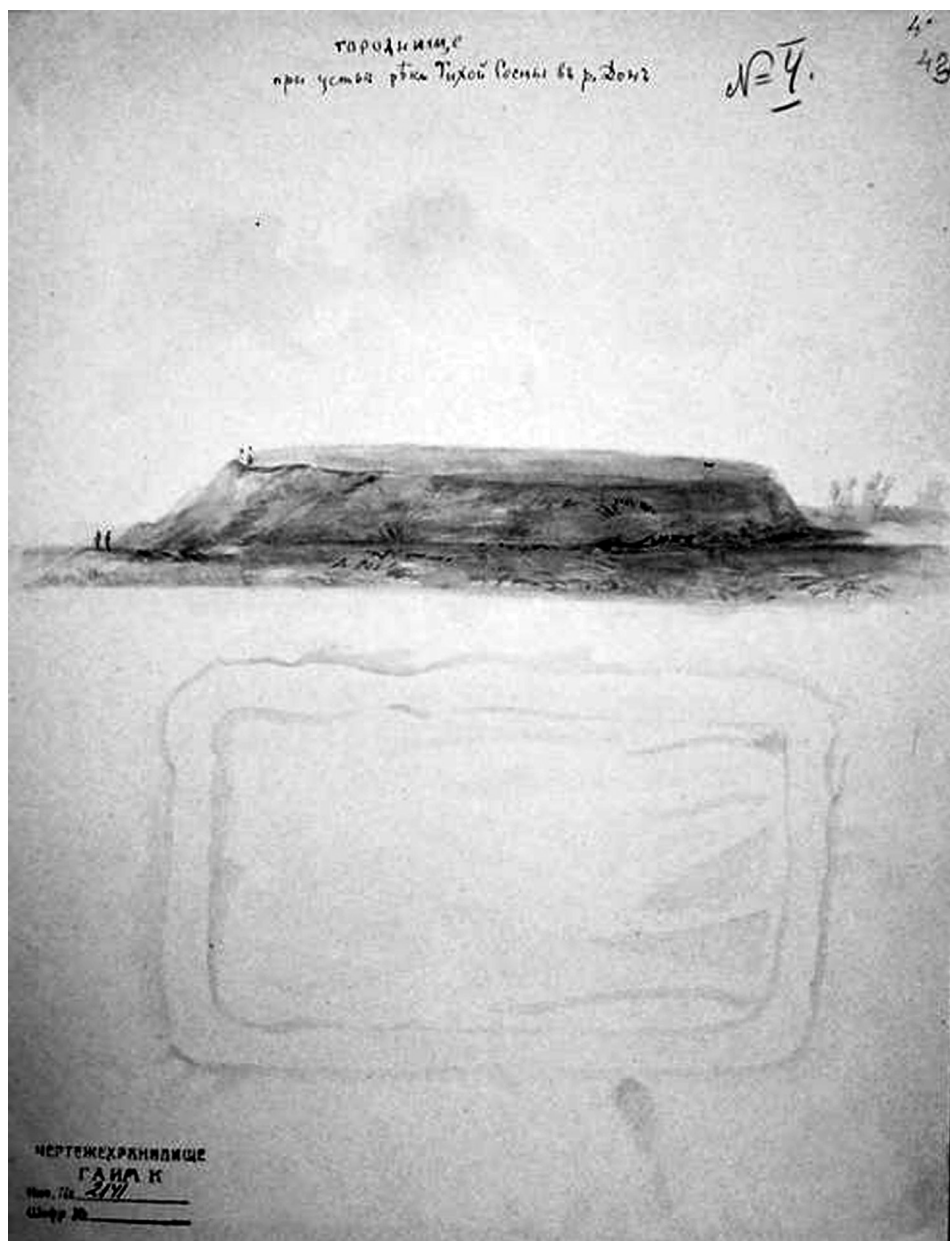
ручкой, медаль, глиняный кувшин более 1 аршина высоты, в кувшине глиняные «монисты»... шелковое женское платье клетчатое, волосы женские и клоч парчи; в головах глиняный кувшин, в нем засохшая сметана; тут же стеклянный зеленый сосуд вроде четверти, граненый, очень толстый, с водкой. Вещи на воздухе рассыпались от дуновения» (РА ИИМК. Ф. 69. Д 85. Л. 12 об. – 13).

Подведем итоги. Первые находки с Маяцкого городища, получившие освещение в литературе и сохранившиеся в музейных фондах, происходят из женского катакомбного погребения с площади прилегающего к крепости селища. К сожалению, нет возможности точно локализовать его, а также определить принадлежность к выделенным на этом памятнике типам катакомбных погребений (Винников, Афанасьев, 1991. С. 10). Но даже имеющиеся неполные и противоречивые данные об этом комплексе позволяют констатировать, что оно было совершено по типичному для женских захоронений на этом памятнике обряду с характерным набором инвентаря, предметы которого находят аналогии среди вещей из других погребений Маяцкого селища.

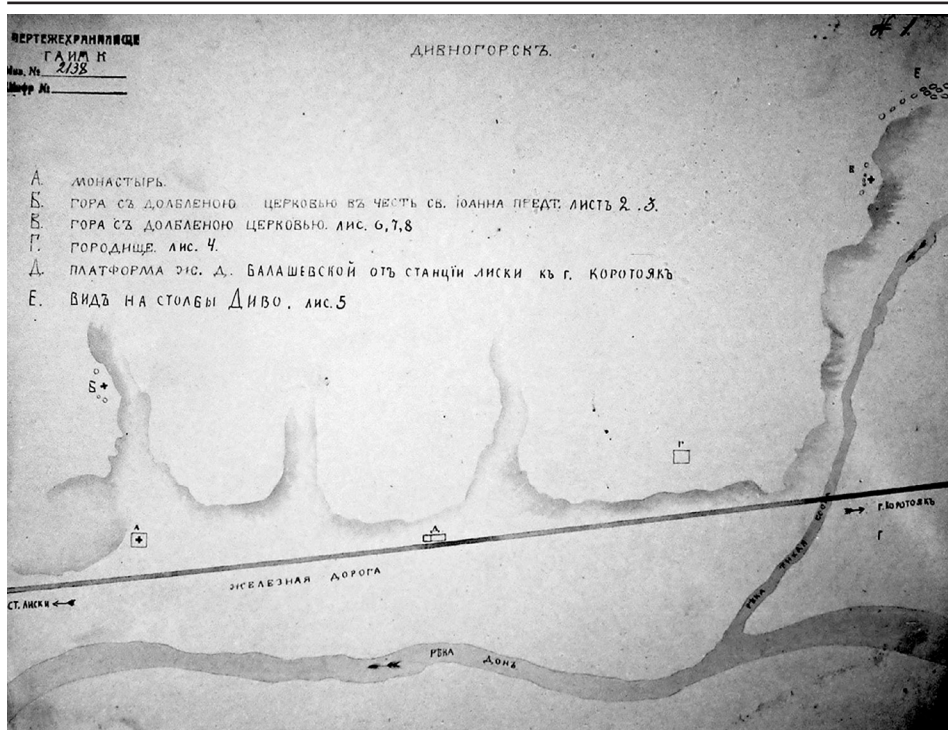
Вновь Дивногорские памятники привлекли к себе внимание в конце 1890-х гг. Это было связано с деятельностью московского художника **Дмитрия Михайловича Струкова** по сбору информации о древних культовых памятниках. 11 июня 1897 г. он обратился с письмом в Императорскую Археологическую Комиссию:

«...Имея в виду наступившим летом быть (если время дозволит) в губерниях Северо-Западных, Рязанской, Черниговской, Воронежской и Таврической желаю заняться на пути обозрением древних памятников, заслуживающих археологического значения, нарисовать и начертить, что заслуживает внимания для представления рисунков с описанием в Археологическую Комиссию, почему покорнейше прошу о выдаче мне свидетельства для свободного обзора сроком до 15 августа сего года. При сем весьма бы остался доволен, если можно выдать какое-либо пособие». (РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Л. 1).

В ответ на прошение Комиссией был выдан «Открытый лист» № 986 от 12 июня 1897 г. с тем, чтобы местные начальства беспрепятственно допускали бы к осмотру, обмеру, фотографированию и снятию копий с церковных и других древних предметов, имеющих научный интерес (РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Л. 25). В этом документе,

Внешний вид и план Маяцкого городища, выполненные Д.М. Струковым
(РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Рис. 4)

Ситуационный план окрестностей Дивногорья,
выполненный Д.М. Струковым (РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Рис. 1)

правда, отсутствует Воронежская губерния, что является, вероятно, упущением делопроизводителя. Выделено было Д.М. Струкову и 50 руб. «на путевые издержки» (РА ИИМК. 1897. Д. 121. Л. 2).

Уже в первый месяц своего путешествия он побывал и в Воронежской губернии. 21 июля 1897 г. Струков пишет письмо в Императорскую Археологическую Комиссию В.Г. Тизенгаузену из Подонцовья с перечислением тех мест, которые он уже посетил. Среди них названо и Дивногорье: «...В Воронежской губернии напал на древние пещеры с храмами долбленными точное подобие Крымских, заинтересовался этою находкою, проследил по рекам Дону и Донцу и оказывается то же во многих местах. Представляю все в чертежах и рисунках». (РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Л. 26 об., 27).

Итогом поездки стал присланный в ИАК отчет, содержащий авторские рассуждения об увиденных церковных древностях, объемом 25 л. В нем наряду с описанием Дивногорского Успенского монастыря есть упоминание и о городище. «От монастыря к западной стороне в расстоянии около 2 верст (примерно 2 км) от реки Тихая Сосна,

*Михаил Павлович
Трунов (1867–1942)*

близ впадения в Дон, на крутом берегу находится древнее городище, состоящее из возвышенности до 9 аршин высоты (примерно 6,4 м), длину приблизительно около 80 сажень (примерно 170 м) и шириною около 50 сажень (примерно 106 м)». (РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. Л. 53). Среди купленных у него ИАК двадцати трех рисунков десять (№ 2–12) отражают впечатления художника от увиденного в Воронежской губернии (Дивногорье и Шатрище).

О проведенных на городище раскопках Д.М. Струков в отчете не упоминает. Информацию о них мы имеем благодаря уже упоминавшемуся воронежскому краеведу М.П. Трунову, который получил доступ к архиву Д.М. Струкова в Москве и о результатах его изучения доложил вначале на заседании Воронежской Ученой Архивной Комиссии (ВУАК), а затем представил реферат в Отделение церковных древностей на XII Археологический съезд. Реферат этот, правда, не был заслушан и остался лишь в делах съезда, а его копия, по свидетельству М.В. Цыбина, впервые проанализировавшего этот документ в своей публикации (Цыбин, 2001. С. 100–101), еще несколько лет назад имелась в архиве Воронежского краеведческого музея. Использовал М.П. Трунов полученную информацию и при проведении собственных раскопок на городище в 1902 г.

Как сообщалось в отчете ВУАК за 1902 г., «раскопку «Старого Маяцкого городища» несколько лет тому назад производил Д.М. Струков, но за смертью работы не доведены до конца. Результаты не опубликованы. Бумаги хранятся в Московских Румянцевском и Публичном музеях. Попытки Архивной Комиссии получить рисунки Д.М. Струкова для временного пользования не увенчались успехом. М.П. Трунов изучал бумаги в Румянцевском музее. Д.М. Струков, как сообщил Трунов, исследовал вал и нашел, что он представляет собой остатки стены, сложенной некогда из белого тесаного мела («каменный белый город»), что значительно возвышает интерес изучения Маяцкого городища» (Отчет ВУАК, 1904. С. XXXV).

Из других документов, составленных М.П. Труновым, мы узнаем, что Д.М. Струков произвел три разреза вала и первым зафиксировал существование внутри него развалин стены из тесаных меловых блоков. В настоящее время нет возможности установить расположение этих разрезов, поскольку на существующих глазомерных планах (два из них – копии, сделанные с планов М.П. Трунова С.Н. Замятниным (впервые опубликованы М.В. Цыбиным), третий – из полевого дневника М.П. Трунова (публикуется впервые)) места раскопок показаны по-разному.

Из раскопок Д.М. Струкова происходит и первый из меловых блоков с рунической надписью Маяцкого городища (по нумерации И.Л. Кызласова – М I). М.П. Трунов, приводя детальное описание обстоятельств его находки, заимствованное из рукописи Д.М. Струкова, полагал, что камень с надписью утрачен, но его фотография имеется в публикации Н.Е. Макаренко (Макаренко, 1911, рис. 23), а также, по словам М.В. Цыбина, хранилась до недавнего времени и в архиве С.Н. Замятнина в Воронежском краеведческом музее.

Согласно информации М.П. Трунова, с помощью местных жителей Д.М. Струков выявил шесть могил и зафиксировал яму, найденную крестьянами, к востоку от городища примерно в 200 саженях (около 430 м), а также раскопал курган «на поверхности горы, к востоку в 50 саженях (примерно 107 м) от края», судя по имеющемуся описанию погребения, относящийся к эпохе бронзы (Цыбин, 2001. С. 101).

Раскопки на городище возобновились спустя пять лет, в 1902 г., в связи с подготовкой к XII Археологическому съезду в Харькове. Как известно, это событие стимулировало образование в Воронеже ВУАК, объединившей наиболее заинтересованных в археологическом изучении губернии лиц. Именно члены ВУАК продолжили обследование Дивногорских памятников. Тема Маяцкого городища впервые в заседаниях ВУАК была затронута 27 сентября 1901 г. в связи с докладом **Владимира Николаевича Тевяшова** «Пещерные монастыри Острогожского уезда» (Журналы заседаний ВУАК, 1902. С. XXXV; Тевяшов, 1902. С. 52–71). В нем содержалось подробное описание городища.

Из доклада В.Н. Тевяшова «Пещерные монастыри Острогожского уезда:

«Маяцкое городище имеет форму правильного четверугольника, стороны его, обращенные к реке и противоположные ей, длиннее, чем

две остальные; площадь его, обнесенная валом, заметно для глаза разделена на две половины, по длине своей одна из которых должна служить для крепости детинцем; она не была отделена от другой валом, их разделял, вероятно, частокол или деревянная стена, остатки которой могли бы быть найдены в земле путем правильных раскопок. В длинной стороне вала, обращенной к полю, был проезд или ворота, ведущие в укрепление. Возле укрепления находится курган, не подвергавшийся раскопке, а в некотором отдалении от него к Малым Дивам, возвышается еще несколько курганов, также никем до сих пор не исследованные... Возле городища в двух местах видны следы обширного кладбища в виде нескольких параллельных рядов воронкообразных впадин» (Тевяшов, 1902. С. 70).

Владимир Николаевич Тевяшов полагал, что Маяцкое городище – укрепление древнерусское, оно было сооружено до появления половцев, а во время владычества половцев, как и «все бывшие славяно-русские укрепления» в нижнем течении Дона, было приспособлено половцами «к защите себя от войск русских князей»; впоследствии оно, по мнению автора, использовалось крымскими татарами (Тевяшов, 1902. С. 71).

Спустя несколько месяцев, 11 марта 1902 г., В.Н. Тевяшов доложил на заседании ВУАК о находке крестьянином В. Боковым близ Дивногорского монастыря в арендуемой им усадьбе с мельницей на р. Сосне «медного топора с опущенным обухом и медного наконечника копья, украшенного по втулке елочным орнаментом» (Журналы заседаний ВУАК, 1904. С. VI–VII). Находки были переданы Л.М. Савелову; затем направлены для определения в ИАК, а оттуда возвращены в Воронежский музей.

Информация об этих находках вместе с их изображениями была подготовлена к печати А.А. Спицыным и помещена в годичном отчете ИАК (Случайные находки, 1904. С. 125, рис. 209, 210). При этом автор акцентирует внимание на том, что «если верно, что оба эти предмета найдены вместе, то этот факт был бы не лишен интереса, так как топор должен быть отнесен к древнейшему медному веку, а копье – к среднему». (Случайные находки, 1904. С. 125). Впоследствии к этим находкам, в частности к топору, обратился С.Н. Замятин при сопоставлении готовых металлических изделий с найденной к тому времени литейной формой эпохи бронзы из Кондрашевского кургана. Подобное соотнесение позволило ему впервые в науке вы-

сказаться за существование в эпоху бронзы в Подонье собственно-металлообрабатывающего производства (Замятнин, 1922, рис. 5. С. 14). В работе он указал и музейный шифр (№ 34 г, д), означающий номер картона и буквы отдельных вещей в экспозиции Воронежского краеведческого музея, где хранились эти вещи.

Попутно отметим, что в этой же публикации С.Н. Замятнин указывает на еще одно изделие из числа случайных дивногорских находок, поступившее в музей. Он его именует «интересным шлифованным долотом из кремня (№ 13 в)» и датирует неолитической эпохой (Замятнин, 1922. С. 8). Никаких сведений об обстоятельствах этой находки у нас не имеется.

В одном из последующих заседаний ВУАК 1902 г. было доложено письменное сообщение крестьянина Ф. Бокова о преданиях, связанных с Маяцким городищем (Журналы заседаний ВУАК, 1904. С. XI).

В том же году при проведении железнодорожными рабочими водоотводной канавы «на восток от городища, недалеко от края плоского рва» был обнаружен могильник, «принадлежавший, вероятно, обитателям городища». «Могилы выступали по обеим сторонам канавы, высеченные в твердом меловом грунте. Вместе с костями людей и животных было выброшено из могил много черепков посуды, судя по обломкам очень больших размеров, по-видимому, больше ведра» (РА ИИМК. Ф. 69. Д. 85. Л. 9 об. – 10; Журналы заседаний ВУАК, 1904. С. XXXIV).

Помимо находок, обретенных случайно, тогда же были проведены раскопки членами ВУАК **Леонидом Михайловичем Савеловым** и уже упоминавшимся **Михаилом Павловичем Труновым** непосредственно на площади Маяцкого городища и близлежащей территории.

Первый из названных исследователей не оставил научного отчета о полевых археологических работах, он лишь сообщил на заседании ВУАК 15 мая 1902 г. о проведенных им «пробных раскопках в Маяцком городище». Как следует из отчета М.П. Трунова, Л.М. Савелов

*Леонид Михайлович
Савелов (1868–1947)*

в мае 1902 г. по личной инициативе провел раскопки на городище, заложив раскоп «в одной неглубокой впадине в северо-западном углу городища» (РА ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 72. Л. 10). По информации М.П. Трунова там было найдено много костей животных, черепки и два меловых камня, на одном из которых было высечено какое-то животное, похожее на собаку (на камни не обратили внимания и выбросили; камень с рисунком сохранил и передал затем М.П. Трунову присутствовавший на раскопках местный мельник).

Работы на раскопе Л.М. Савелова продолжил летом того же года М.П. Трунов, который оказался более последовательным в своем стремлении исследовать данный памятник. Его археологическая деятельность в Дивногорье документируется отчетом и полевым дневником, отправленными в адрес ИАК (РА ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 72. Л. 5–52).

Согласно отчету М.П. Трунов для исследования «Старого Маяцкого городища» организовал «три экскурсии» соответственно 8 июня, 27 июля и 29 августа 1902 г. Нетрудно заметить, что последняя поездка состоялась уже после его участия в работе Археологического съезда в Харькове.

Отрывок из отчета М.П. Трунова о раскопках в Дивногорье:

«В 2 верстах на запад от Дивногорского монастыря, находящегося в Острогожском уезде, неоднократно уже описанного и беллетристами, и археологами, при впадении р. Тихой Сосны в Дон, на правом высоком меловом берегу р. Сосны расположено так называемое «Старое Маяцкое городище». О городище этом в археологической литературе также имеются указания, но до сих пор не произведено строго научных исследований этого, по-видимому очень интересного памятника седой старины.

Покойный художник-археолог Д.Я. Струков первый сделал попытку произвести раскопку вала городища и находящегося вблизи городища могильника. Своими пробными раскопками Струков выяснил тип могильника (катакомбный, наподобие могильников Кубанской области) и указал, что вал городища представляет не простую насыпь, а развалины искусно построенных стен из тесаного мела (окружавших может быть один из тех городов, о гибели которых жалеет спутник Митрополита Пимена).

О раскопках Струкова мною сообщено было в заседании Воронежск. Арх. Комиссии, а здесь сообщу результаты, правда весьма ограничен-

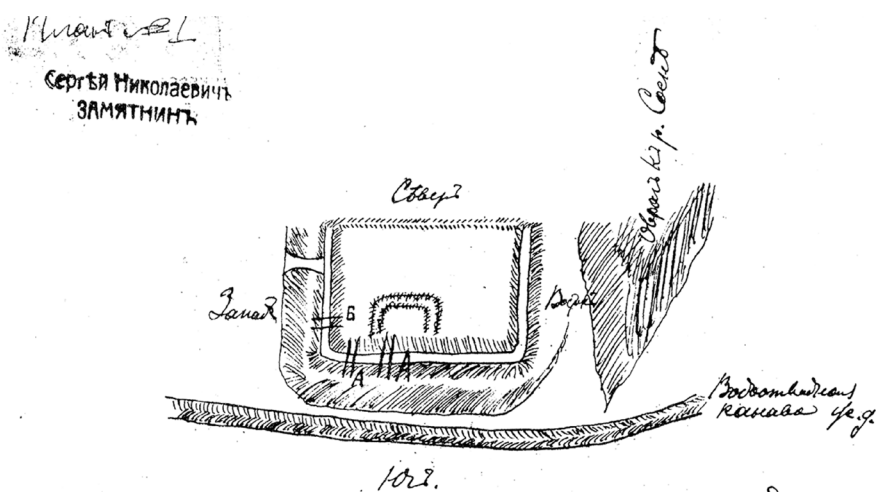
ных раскопок. Крайний недостаток времени обусловил столь большой промежуток между отдельными днями работы.

Работы производил собственноручно с помощью одного рабочего; в первую экскурсию, впрочем, помогали 1 реалист и 1 кадет.

Городище расположено на самом краю высокого плоскогорья, выступающего над долиною рр. Дона и Тихой Сосны; имеет форму продолговатого четырехугольника, составленного по первому взгляду насыпным валом, окруженным рвом.

Длина четырехугольника (вала) – 140 аршин (примерно 99,5 м), ширина 80 аршин (примерно 57 м), высота вала до 5 аршин (южная часть) (примерно 3,5 м), ширина до 7 аршин (примерно 5 м).

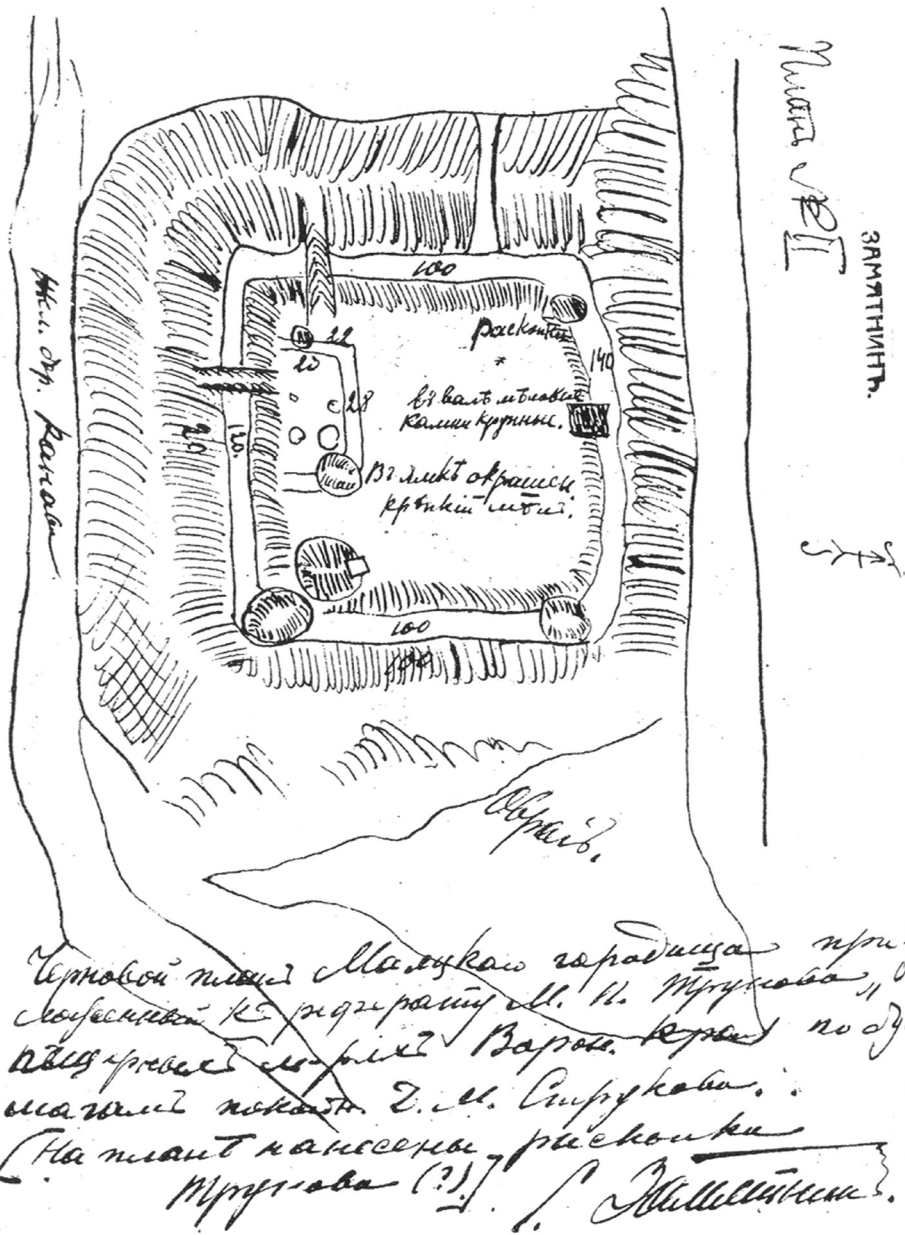
Северная сторона вала идет по самому краю плоскогорья, но здесь вал чуть заметен. На востоке около вала не заметно следов рва, так как здесь близко подходит крутой овраг. На юге ров представляется наиболее глубоким (от подошвы рва до вершины вала около 20 шагов). На западе ров также сохранился ясно, при чем в средней части вала имеются следы как бы выхода из городища (ворота).

Пл. Маяк Маяцкого городища у д. Роговской
М. П. Трунова о пещерных крестиках в
роговской губ. по бумагам Д. М. Струкова.

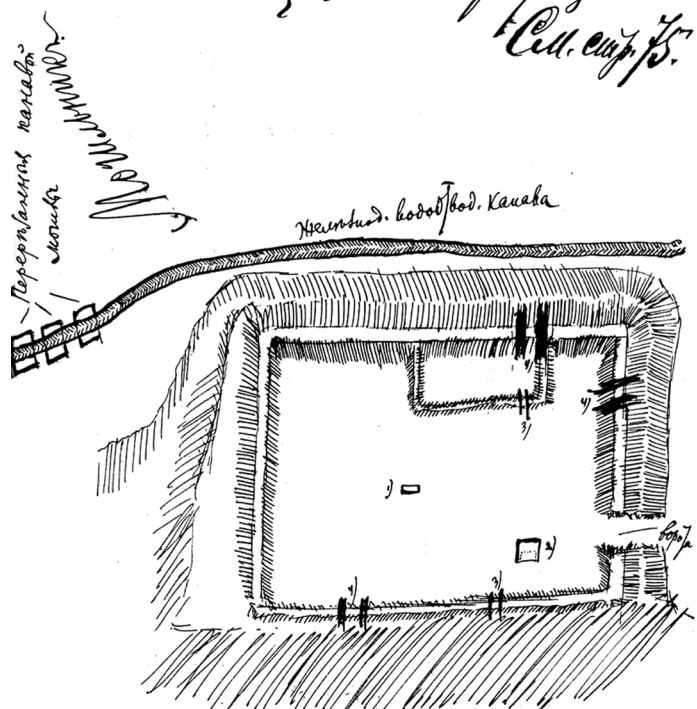
С. Н. Замятнин

План Маяцкого городища (к докладу М.П. Трунова на XII Археологическом съезде). Из архива С.Н. Замятнина. Впервые опубликован М.В. Цыбиным (2001, рис. 1, с. 103)

План Маяцкого городища (к докладу М.П. Трунова на XII Археологическом съезде). Из архива С.Н. Замятнина. Впервые опубликован М.В. Цыбиным (2001, рис. 2, с. 104)

Маяцкий городище. См. сур. 86.

- 1) ||| Раскопки вала Стуруховича (Зрассон)
- 2) || — Труновский (2 раскопки)
 - 1) Могилы раскопаны Сидельников (См. сур. 86.)
 - 2) Раскопаны для — Сидельникова (См. сур. 86.)

План Маяцкого городища из полевого дневника М.П. Трунова
(РА ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 72. Л. 30)

Возвышение вала на северной стороне наименее выражено вследствие того, что площадь городища понижается к краю и таким образом поверхностный наносный слой почвы внутри городища сполз к этой части вала.

Весною, при отсутствии травяного покрова ясно был замечен еще вал внутри городища в форме растянутой буквы П, примыкающий к южной стене наружного вала и расположенный ближе к западу.

Длина этого вала 30 и 20 аршин (примерно 21 м и 14 м), а высота от 9 до 11 вершков (примерно от 40 до 50 см). Вершина вала представляется в форме двух грядок.

8/VI мною была произведена поперечная раскопка этого внутреннего вала, длинной стороны его, близ северо-западного угла.

Оказалось:

- 1) верхний слой – 4 вершка (примерно 18 см) наносной земли;
- 2) затем 6–7 вершков (примерно 27–31 см) крупный меловой камень, частью тесаный; попадались камни до $\frac{3}{4}$ аршина (примерно 53 см), всегда крупные во внутренней грядке вала;
- 3) 4 вершка (примерно 18 см) чернозема;
- 4) около 5 вершков (примерно 22 см) глинистая земля и
- 5) затем следует твердый грунтовый мел.

По-видимому имели дело с развалинами стены из тесаного мела, но более точный характер стройки конечно может быть определен только дальнейшими, более правильными раскопками.

Незадолго перед этим товарищем председателя Воронежской Архивной Комиссии Л.М. Савеловым была произведена раскопка внутри городища, причем в одной неглубокой впадине в северо-западном углу городища (7 шагов от северного вала и 26 – от западного). Найдены были 2 меловых камня и много костей животных с черепками посуды. На одном камне замечены были тогда же следы высеченного чертами рисунка конечности какого-то животного, «лапки», как выразился заметивший этот рисунок присутствовавший при раскопках местный мельник. Хотя в это время не обратили достаточного внимания на осмотр камня и бросили, однако мельник позаботился сохранить его и, чтобы ребяташки не сбросили его с кручи в реку, зарыл его в этой же яме.

При моем посещении городища явившийся на раскопки мельник указал мне на этот камень, и с первого же взгляда выяснился несомненный рисунок; а когда камень был поставлен так, что «лапка» стала обращена вниз, то довольно отчетливо показался рисунок какого-то животного, по-видимому собаки.

Камень по рассказу мельника был вырыт на глубине 1 $\frac{1}{2}$ аршина (примерно 1,07 м); при осмотре здесь под черноземом шел мелкий мел.

27/VII начата правильная раскопка впадины. Чтобы найти края ямы (предполагали сначала, что имеем дело с могилой), повели узкую канаву поперек впадины с запада и востока навстречу. Скоро обнаружили края высеченной в твердом мелу ямы. Сначала открыли весь южный край ямы и отсюда направились в противоположные стороны, чтобы определить размеры и очертания ямы. На севере весь край

не был разрыт, а определены только углы. Оказалось, что очертания ямы – квадрат 6 х 6 аршин (примерно 4,3 х 4,3 м).

При раскопке в глубину скоро достигли и дна; глубина оказалась около 2 аршин (примерно 1,4 м). В этот день раскопали южную треть ямы, 6 х 2 аршина (примерно 4,3 х 1,4 м).

На пол аршина (примерно 35 см) над дном в юго-восточном углу раскопки найдена половина нижней челюсти свиньи, на дне черепки посуды большого размера и на них нижняя челюсть такого же животного; а в самом углу лежала лопатка мелкого животного.

В средней части раскопки попало много костей животных и черепков посуды. У южной стены в средней части – ребро крупного животного.

В западной части найдена еще нижняя челюсть (такая же как и раньше) и вблизи опять черепок посуды.

У северной стены раскопки в средней части найдена небольшая кучка угля; на запад по направлению к челюсти несколько черепков посуды.

По южной стене в нескольких местах в меловом дне выдолблены ямки, заполненные рыхлой землей; ямки – около 4 вершков (примерно 18 см) глубины, 3–4 вершка (примерно 13–18 см) длины и 2–2 ½ вершка (примерно 9–11 см) ширины.

В юго-западном углу среди твердых меловых стен встретилась мешаная земля, при расчистке которой образовался как бы грот; расчистка произведена на ¾ аршина (примерно 53 см) в глубину и ширину, но не закончена; здесь справа в глубине найден кусочек угля.

29/VIII раскопка продолжена на 1 аршин 5 вершков (примерно 1 м) по направлению к северу.

Земля в средней части представлялась очень рыхлой, – тронута раскопкой Савелова, – а по краям всюду очень трудный для раскопки слой мелового щебня с глинистой землей.

В средней части и найден был вышеупомянутый меловой камень с рисунком животного; вблизи этого места, ниже, найдена нижняя челюсть лошади (сильно поврежденная временем).

В восточной половине раскопки, на 1 ¼ аршина (примерно 90 см) от поверхности, встретился меловой камень, на нем уголь в виде небольших кусочков; впереди камня два куса костей крупного животного (кости разрублены), еще к югу ребро такого же животного и кусок сильно сгнившего дерева; а к северо-востоку уголь и черепок посуды.

Еще на восток часть нижней челюсти (подобно вышеупомянутой), отсюда к северу, у самой стены раскопки, еще кусок сильно сгнившего дерева; на восток от него – уголь, пережженная кость и пережженная земля.

В западной половине раскопки на пол-аршина (примерно 35 см) от дна, 2 аршина (примерно 1,4 м) от западной стены и 2 ½ аршина (примерно 1,8 м) от южной найден уголь, немного ниже черепки посуды; на восток зуб крупного животного и к северу ребро. На самом дне лежал меловой камень, довольно гладкий 5 x 5 вершков (примерно 0,2 x 0,2 м) и 2 вершка (примерно 0,09 м) толщины; немного выше и к востоку – 3 песчаника, расположенных в форме дуги, выпуклостью к камню; ниже – много угля и черепков.

Дно в средней части немного неровно, как бы выдолблено (предыдущей раскопкой Л.М. Савелова?).

В нынешнем году не удалось окончить раскопку всей ямы; раскопано 6 x 3 5/16 аршина (примерно 4,3 x 2,3 м), осталось еще 6 x 2 11/16 аршина (примерно 4,3 x 1,9 м), что имеется ввиду раскопать будущей весной.

По-видимому, здесь мы имеем дело с землянкой, жилищем обитателей городища, и таких землянок должно быть найдено в городище еще немало, на что указывает существование внутри него многочисленных впадин, принимавшихся до сих пор за опустившиеся могилы.

На восток (отчасти и на юг) от городища расположен могильник, вероятно принадлежавший строителям городища. Раскопки этого могильника и городища несомненно должны дать много интересного и поднять завесу к раскрытию народности, обитавшей в этой местности.

В нынешнем году на восток от городища, недалеко от края плоскогорья, на котором расположен могильник, параллельно краю железнодорожными рабочими проводилась водоотводная канава, причем перерывала могильник и обнаружила много могил, высеченных в твердом меловом грунте. Вместе с костями людей и животных было выброшено из могил много черепков посуды, судя по обломкам, очень больших размеров, по-видимому больше ведра.

Ввиду железнодорожных работ на территории могильника необходимо принять меры к скорейшему обследованию его, хотя бы в той части, которой угрожают эти работы.

На Харьковском Археологическом съезде доклад о Верхне-Салтов-

ском могильнике Волчанского уезда вызвал предположение о принадлежности его хазарам. Маяцкое городище со своим катакомбным могильником (открытым Д.Я. Струковым) и каменным белым городом (как выяснено тем же Струковым вал городища представляет развалины стены, сложенной из белого тесаного мела) заставляет обратить не меньшее внимание и, может быть, поможет выяснить вопрос о Хазарских городах, память о которых не без основания же сохранилась до сих пор в Воронежской губернии.

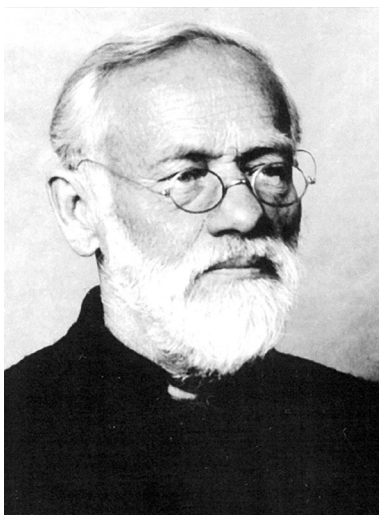
Может быть, вместе с этим выяснится и другой, очень важный вопрос, поднятый Струковым, именно о времени появления христианства в этой части России и связанного с ним устройства пещерных храмов на подобие Крымских и Кавказских. Этому вопросу Струков посвятил несколько лет изучения храмов Крымских и пещерных храмов Южной России. К сожалению, до сих пор его работа по этому вопросу остается ненапечатанной, а мой доклад о ней Харьковскому Археологическому съезду вызвал только разбор его в отделении Церковных древностей, но в собрании не обсуждался, вследствие чего не удалось выслушать мнение съезда по этому вопросу, остающемуся до сих пор открытым». (РА ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 72. Л. 9 – 12 об.).

Таким образом, сохранившийся текст отчета М.П. Трунова, позволяет проследить ход его работ на Дивногорских памятниках. Он обмерил сохранившиеся укрепления, первым приступил к исследованию «цитадели», установив характер кладки ее стен, а также частично раскопал одну из построек на городище. К сожалению, намечавшиеся им раскопки в следующем 1903 г. не состоялись.

Исследование Дивногорских памятников продолжилось через четыре года по инициативе известного отечественного археолога **Александра Андреевича Спицына**, который лично посетил Дивногорье в 1906 г.

Археологические памятники Воронежской губернии попадают в сферу его интересов в середине 90-х гг. XIX века в связи с подготовкой к печати сведений о городищах и курганах, собранных в 1873 г. по почину профессора Д.Я. Самоквасова. Материалы по Воронежской губернии Д.Я. Самоквасов лично не анализировал, а передал для обработки в ИАК, где они и были подготовлены к печати А.А. Спицыным (Спицын, 1896б. С. 237). Данная сводка содержит информацию о 82 городищах и 1844 курганах, локализующихся во всех 12 уездах Воронежской губернии (Спицын, 1896б. С. 286–306) и является более

полной по сравнению с опубликованной ранее Л.Б. Вейнбергом (Вейнберг, 1887. С. 412–420), в первую очередь за счет сведений, касающихся частных земель. Сведения о памятниках Дивногорья помещены в разделе древностей Лысянской волости Острогожского уезда. *«В 4 в. от слоб. Селявной городище четырехугольной формы, имеющее в длину 42 саж., ширину 38 саж., в окружности 160 саж. С с. стороны прилегает к крутизне меловой горы, близ которой находится Дивногорский монастырь, а с остальных сторон окружено валом и рвом... Близ слоб. Селявной в трех группах расположено 19 курганов, два кургана в 1 ½ в. от хут. Мысева на пашне, три кургана на пахотной земле хут. Мелахина, 7 курганов при хут. Попасном; пять курганов, идущих рядом, при слоб. Коломыйцевой»* (Спицын, 1896б. С. 291–292).

*Александр Андреевич
Спицын (1858–1931)*

В этом же издании была опубликована еще одна работа А.А. Спицына по древностям Воронежской губернии, носящая обобщающий характер (Спицын, 1896а. С. 132–140). В статье исследователь систематизирует известный ему материал по хронологическому принципу и по категориям памятников. Дивногорские древности упоминаются в этой работе дважды. Во-первых, в связи с находками каменного века. *«В меловых образованиях, идущих по правому высокому берегу р. Дона, находится много пещер, особенно на Дивьегорье, Шатрищегорье, Белогорье и близ Тихоновской обители около Задонска. Пещеры эти тянутся в глубину до 60 и даже 150 саж. Некоторые из них носят следы искусственной обработки, в иных устроены церкви; нет сомнения, что в них найдены будут и остатки каменного века.»* (Спицын, 1896а. С. 133). Во-вторых, среди *«интересных находок V–VIII веков, вообще чрезвычайно редких в Средней России»*. Правда, исследователь ошибочно поместил этот памятник гораздо выше по течению Дона. *«...Третий могильник того же времени обнаружен на самом северном конце губернии, около Задонска. Здесь на вершине так называемых Дивьих гор, по-видимому, находится целое кладбище с погребениями,*

отмеченными небольшими бугорками земли. В 1890 г. в одну из могил провалилась корова, причем обнаружилось, что могила состоит из довольно большого квадратного склепа, в котором находился деревянный гроб, а в нем оказался в сидячем положении (?) женский скелет. В головах костяка найден узкогорлый глиняный сосуд с ручкой, на руках 2 перстня описанного выше типа (серебряный перстень с овальным камнем, прикрепленным цапками), а с правой стороны не то зеркало, не то бляха с изображением фантастических животных» (Спицын, 1896а. С. 136).

Эта статья – первая обобщающая работа по воронежским древностям и единственная, из опубликованных работ самого ученого, по археологии губернии в целом. Впоследствии он привлекает лишь отдельные воронежские материалы при разработке различных исследовательских проблем. Однако в рукописном архиве А.А. Спицына в ИИМК сохранилась незаконченная работа, содержание которой свидетельствует о том, что он после посещения Воронежского края в 1905–1906 гг. перерабатывал проанализированную выше публикацию с учетом новых сведений от местных краеведов, а также полученных в ходе раскопок в губернии Н.Е. Макаренко, С.Ф. Платоновым и им лично; в документе отражена и проработка А.А. Спицыным коллекций Воронежского Губернского музея (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 148. 15 л.). В данной работе он уже по-иному интерпретирует дивногорские древности: «К IX веку относится известное Маяцкое городище, могильник при нем и нещеры. Могильник стал известен еще в 1890 г., когда в нем обнаружилось погребение с вещами. В 1906 г. на него обратила внимание Императорская Археологическая Комиссия и произвела здесь первые раскопки, при содействии Милютина» (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 148. Л. 10).

На событиях 1906 г. остановимся теперь подробнее. Речь идет о посещении А.А. Спицыным Дивногорья и инициировании им здесь раскопок. Всего А.А. Спицын бывал в Воронежской губернии дважды: с 15 по 29 мая 1905 г. и с 18 августа по 1 сентября 1906 г. Во второй свой приезд он посетил и Дивногорье. По словам самого А.А. Спицына, приезд на Маяцкое городище был вызван необходимостью «определения размеров и удобства исследования находящегося там древнего могильника» (РА ИИМК. Ф. 1. 1906. Д. 68. Л. 5). Поставленная научная задача была выполнена, а вместе с тем осталась в его памяти и дивная красота этих мест. Спустя несколько лет А.А. Спицын опубликовал подробное описание обследованных в Дивногорье объектов.

Отрывок из статьи А.А. Спицына «Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца»:

«...Нам представляется, что эти данные должны объяснить кое-что загадочное и в нашем собственном прошлом. А пока не можем не передать сильного впечатления, оставшегося в нас после посещения одного из аланских городищ, Маяцкого, на верховьях Дона.

Городище это расположено против Коротояка, при устье р. Тихой Сосны, близ Дивногорского монастыря. Местоположение его, на очень высоком крутом мысу, над долинами двух рек, великолепно. Теперь это голая, совершенно пустынная площадка, не занятая ни деревьями, ни пашиной. Самый городок представляет собою четырехугольник, небольших размеров (длиною до 50, шириною до 38 саж.), обнесенный стеною из меловых тесаных камней и защищенный, сверх того, рвом. Вход был, видимо, с боку, там, где замечается перерыв стены и как бы следы какого-то сооружения в виде башни. Внутри заметны фундаменты каких-то построек и между прочим каменный, примыкающий к стене с лицевой стороны. Это четырехугольник, из двух частей, большей и меньшей, длиною 20, шириною 10 саж., расположенный в направлении от северо-востока к юго-западу. (Напомним, что ту же конструкцию стены и какую-то постройку внутри имеет одно из цимлянских городищ. Оно треугольной формы, саж 70 длиною, т.е. почти той же величины. Труды Одесск. Съезда, т. IV, стр. 278). Тотчас за стенами ограды, за валом, начинается тот обширный аланский могильник IX в., о котором упоминалось выше. (с. 73 – Еще прежде, в 1890 г., раньше всех других могильников салтовского типа, открыты были погребения данной культуры на верховьях Дона, близ Дивногорского монастыря, против города Коротояка (Отчет ИАК, 1890. С. 117). Я давно обратил внимание на этот могильник и имел в виду заняться его исследованием, но получил возможность осмотреть его лишь в 1906 г. Раскопки, произведенные в том же 1906 г. и 1907 г., по моему предложению и на средства ИАК, членами Воронежской Архивной Комиссии, обнаружили значительный могильник с вещами тех же типов и с тем же обрядом погребения.) Что это за городище? Несомненно, что это не укрепление: размеры его ничтожны, посада кругом нет, едва ли возможен колодец, так как городок стоит на сплошной меловой скале, совершенно сухой, и едва ли допустимы меловые стены для крепости, по их непрочности и по неудобству для защиты. При осмотре городка нам пришла мысль, от которой мы до специальных

изысканий, не отказываемся и теперь, что это – остатки монастырька, современного могильнику, древний погост, обслуживавший своим кладбищем окрестности, может быть, на значительное расстояние. Остатки каменного здания могут принадлежать церкви; необычное направление ее не служит отрицательным признаком, так как древние церкви отступали от принятого ныне направления с запада на восток. В могиле, вскрытой на городище в 1898 г. Струковым, на стенке обнаружены были какие-то непонятные знаки в виде писем (о форме которых, по неточности сохранившегося рисунка, однако, нельзя составить определенного суждения). Еще более замечательна и в великой степени важна находка, сделанная тем же лицом в стене ограды предполагаемого монастырька – камень с надписью неизвестными письменами, сходными с орхонскими: эту надпись мы считаем аланскою (о чем, впрочем, надеемся поговорить особо).

Интерес Маяцкого городища для нашей темы изложенным не исчерпывается. Сейчас же под кладбищем Маяцкого городка, по скату горы, расположена пещерная церковь, над которою, в виде второго яруса, вырублено несколько жилых помещений; оба этажа соединены внутренним ходом в виде спирали, как в некоторых киевских пещерах. Какого времени это сооружение? Вопрос о русских пещерных храмах еще не возбуждал ничьего ученого внимания во все своем объеме; принято думать, что они поздние, хотя никто не решился бы назначить даже приблизительную дату этого позднего времени. Произведши в доступных нам размерах изыскание на эту тему, мы нашли, что наши пещерные сооружения должны быть относимы к более отдаленной поре, чем представляется на первый взгляд. Полагаем, что ничто не препятствует признать маяцкие пещеры предположительно аланскими, – как и другие донские, а с ними и донецкие. Таким образом, если наши предположения соответствуют действительности, то в Маяцком городище мы имеем остатки монастырька с церковью, пещерным храмом и кладбищем.» (Спицын, 1909. С. 78–79).

Проведенные впоследствии археологические раскопки, как известно, не подтвердили последнего предположения А.А. Спицына.

Как уже писалось выше, именно А.А. Спицын инициировал продолжение раскопок на Маяцком городище. 30-м августа 1906 г. датировано его письмо на имя Вас. Вас. Латышева с просьбой «...не отказать выслать открытый лист на раскопки близ Дивногорского монастыря Острогожского у. Воронежской г. Члену ВАК (ВУАК – Е.З.)

*Александр Иванович
Милютин (1869–1907)*

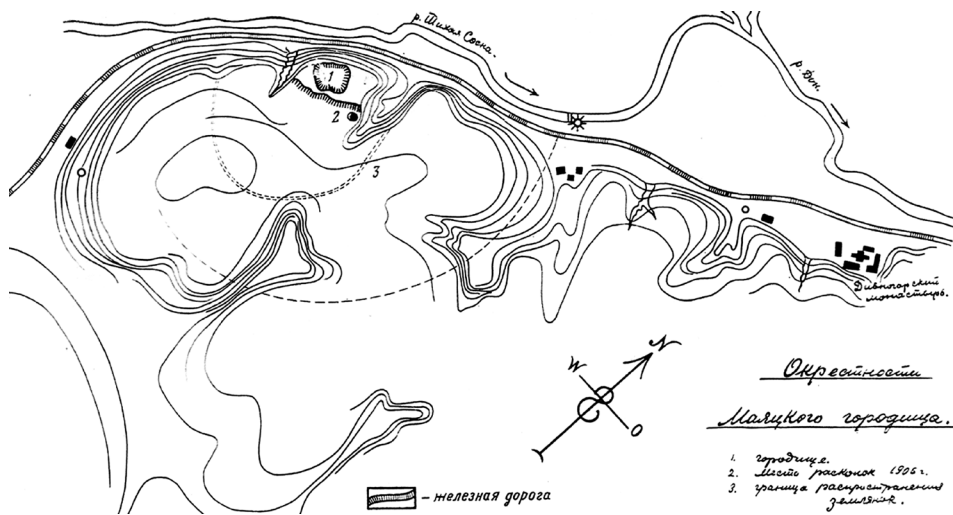
А.И. Милютину (Воронеж, Туликовская ул. г. Турбиной)... Там я осмотрел важный памятник аланской поры, а Милютину поручаю начать раскопки» (РА ИИМК. Ф. 1. 1906. Д. 68. Л. 3).

Эти раскопки действительно были проведены **Александром Ивановичем Милютиным** (1869-1907) совместно с членами ВУАК А.И. Мартиновичем, М.К. Паренаго, В.Д. Языковым и А.Л. Дольским с 8 сентября по 7 октября 1906 г. Отчет о работах был передан в ИАК, отредактирован А.А. Спицыным (судя по архивным материалам, правки носили стилистический характер) и опубликован в одном из выпусков Известий ИАК (Милютин, 1909. С. 153–163).

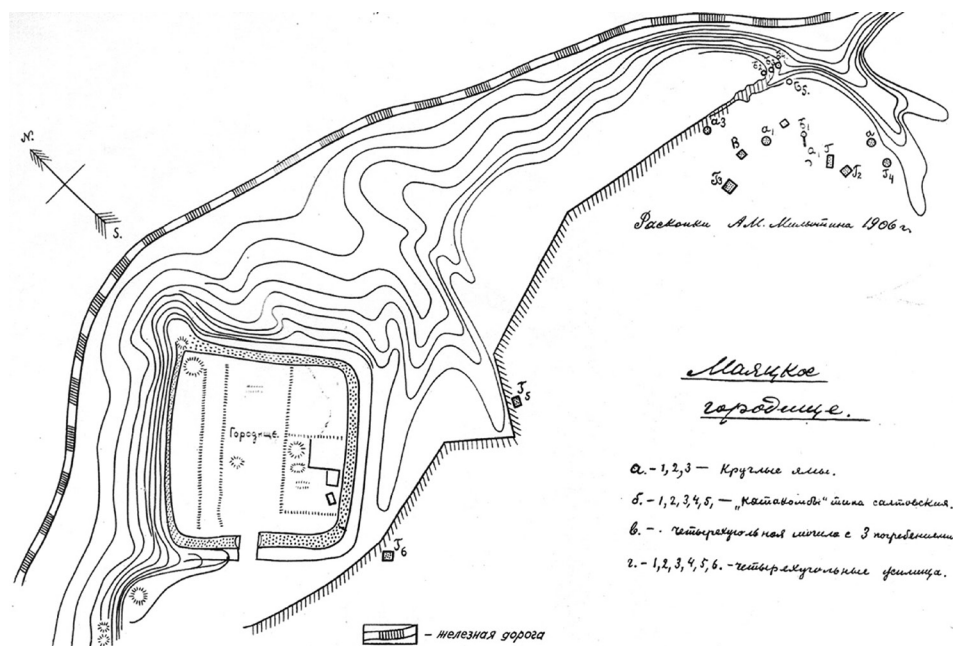
Объем выполненных за месяц членами ВУАК полевых работ был солидный: сняты два глазомерных плана местности: один – берегового участка, включающий собственно Маяцкий мыс и соседние отрезки берега вплоть до монастыря; второй – более подробный, включающий часть мыса с крепостью и участок поселения с расположенными на нем раскопами 1906 г. (Плетнева, 1984. Рис. 6, 7. С. 12–13). На площади крепости и прилегающей к ней территории («в погребальном поле вокруг городища» по терминологии А.И. Милютина) заложено около двух десятков шурфов – раскопов, позволивших выявить 16 археологических объектов. Также были прокопаны траншеи по склону холма близ вскрытых ям (в них следов погребений не обнаружено).

На городище раскопки были проведены внутри «цитадели» на площади примерно 14 x 5 м, здесь же была зафиксирована постройка примерно 3,2 x 2,8 м, раскопанная не полностью – колодцем 2,1 x 2,1 м. Поскольку материал был получен незначительный (несколько фрагментов керамики и отдельные кости животных), автор очень кратко охарактеризовал работы в крепости, обратив пристальное внимание лишь на обработку и формы блоков из стены «цитадели» (кстати, их описание вызвало нарекания со стороны Н.Е. Макаренко, работавшего на памятнике двумя годами позже).

В отчете и, соответственно, в публикации, более подробно изло-

Ситуационный план берега у Маяцкого мыса, выполненный экспедицией А.И. Милютина. Впервые опубликован С.А. Плетневой (1984, рис. 6, с. 12)

План Маяцкой крепости и участка селища, на котором велись раскопки в 1906 г. Впервые опубликован С.А. Плетневой (1984, рис. 7, с. 13)

жены результаты работ на селище, что позволило последующим исследователям, вернувшись к публикации А.И. Милютин и повторив данное им описание, не только уточнить опубликованные в работе чертежи, но и восстановить схематические планы некоторых из объектов, а также внешний вид (по аналогии) некоторых из находок (Винников, Плетнева, 1998. С. 102–110). Сам А.И. Милютин все раскопанные на площади поселения объекты разделил на шесть категорий: камера с коридором, камеры в обрыве (№ 1–3), четырехугольная могила с тремя камерами, ямы без погребений (№ 1–4), круглые могилы (№ 1–3), две ямы у городища. При последующем анализе полученного материала А.З. Винников и С.А. Плетнева установили, что в ходе раскопок 1906 г. были исследованы два жилища (ямы без погребений № 3 и 4); одну постройку, условно, можно отнести к категории жилищ (яма без погребения № 2); одна из раскопанных построек была хозяйственного назначения (яма без погребения № 1). «Круглые могилы» представляют собой захоронения, совершенные в хозяйственных ямах обычных для данного поселения форм: № 1 – кувшинообразная, № 2, 3 – конусовидные. Но группа ямных захоронений осталась весьма немногочисленной и после широкомасштабных раскопок на селище. Среди раскопанных объектов присутствуют и обычные для памятника катакомбные захоронения: на плане отмечено пять, в тексте содержится описание четырех. Одна из катакомб сохранилась полностью – с камерой и дромосом, от других остались только полуразвалившиеся камеры, смытые дренажным водостоком (камеры № 1–3 в обрыве).

Наибольший интерес исследователей вызвал объект, названный А.И. Милютиным «четырёхугольной могилой с тремя камерами». И.И. Ляпушкин обозначил этот комплекс как «прямоугольный склеп с подбоями» и отнес его наличие к особенностям могильника у Маяцкого городища (Ляпушкин, 1958. С. 106). С.А. Плетнева поначалу рассматривала этот объект в качестве «богатой комплексной катакомбы» из разряда «парных могил, поскольку все сооружение выглядит единовременным». Обращает на себя внимание замечание исследовательницы, нашедшее объяснение впоследствии: «Для семейной усыпальницы сооружение слишком «роскошно», да и использовано оно нерационально: огромное входное помещение вырыто из-за трех камер» (Плетнева, 1967. С. 90). За годы работ на селище Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции было обнаружено еще шесть по-

строек, аналогичных анализируемой. А.З. Винников аргументировал их интерпретацию в качестве погребов (Винников, 1984. С. 124–129). В уже привлекавшейся к анализу совместной работе А.З. Винникова и С.А. Плетневой содержится наиболее развернутая характеристика этого объекта: *«Очевидно, это было обычное для Маяцкого поселения хозяйственное помещение с поперечной перегородкой... Захоронения в постройке стали производиться после того, как она перестала функционировать в качестве хозяйственной»* (Винников, Плетнева, 1998. С. 109).

А.И. Милютин упоминает еще о двух ямах, раскопанных ими у городища. Судя по характеристике первой из них, была вскрыта хозяйственная постройка, о второй же информация слишком скудна даже для выводов общего порядка.

Находясь в Воронеже, А.А. Спицын не только инициировал раскопки А.И. Милютина в Дивногорье, но и высказал от имени ИАК пожелание в адрес ВУАК и в дальнейшем «уделить приоритетное внимание исследованию Маяцкого городища и его окрестностей» (Отчет ВУАК, 1908. С. LXXXVI). Пожелание было воспринято как поручение и принято к исполнению. Судя по имеющимся данным, работы на памятнике проводились (точнее сказать, планировались) ежегодно на протяжении пяти лет – с 1906 по 1909 (1910?) годы (в 1908, 1909 гг. независимо от проводившихся там работ Н.Е. Макаренко). К сожалению, информация об исследованиях ВУАК после 1906 года очень фрагментарна.

В 1907 г. ИАК предложила ВУАК продолжить раскопки «могильника у Маяцкого городища» (по сообщению в докладе В.Д. Языкова на XIV Археологическом съезде, «городище копать запретили»). На имя С.Е. Зверева был выдан «Открытый лист» (от 7.05.1907 г. № 568) и ассигновано 150 руб. (РА ИИМК. Ф. 1. 1907. Д. 56. Л. 5). Из высланного в адрес ИАК финансового отчета мы узнаем, что работы на памятнике проводились с 14 по 22 июня 1907 г. силами 20 рабочих. Из членов ВУАК в них участвовали: С.Е. Зверев, В.Д. Языков, А.И. Мартинович и М.К. Паренаго (РА ИИМК. Ф. 1. 1907. Д. 56. Л. 13–14). А из газет того времени дополнительно узнаем, что «ввиду особенного интереса данных раскопок» с 14 по 16 июня на памятнике побывали кадеты Михайловского корпуса во главе с директором, которые приняли непосредственное участие в работах: делали снимки, вели дневники (Археологическая хроника., 1908. С. 27).

Стефан Егорович Зверев и Владимир Дмитриевич Языков. 1910 г. Фрагмент фотографии из архива ВОКМ. Впервые опубликовано в изд.: С.Е. Зверев: К 150-летию со дня рождения : указатель лит. Воронеж, 2010.

Отчет о проведенных раскопках был подготовлен и выслан в ИАК В.Д. Языковым, на его основе было опубликовано сообщение в очередном томе ежегодного отчета ИАК (Воронежская губерния, 1910. С. 102–103), но сам оригинал в архиве этой комиссии нами не обнаружен. Там содержится лишь уведомление на имя автора о его получении (РА ИИМК. Ф. 1. 1907. Д. 56. Л. 8).

Помимо отчетной публикации информация об этих раскопках содержится в трудах XIV Археологического съезда (Труды..., 1911. С. 78–79) и в Известиях ИАК, где были перепечатаны газетные публикации 1907 и следующего года (Археологическая хроника, 1908. С. 26–27).

Содержащиеся во всех этих источниках сведения позволяют установить, что в 1907 г. членами ВУАК раскопки проведены на Маяц-

ком селище («могильнике у Маяцкого городища» по терминологии того времени) и на двух курганах вблизи городища.

На селище «удалось напасть лишь на одно погребение. Все остальные раскопанные ямы оказались или остатками жилищ, или зернохранилищами» (Воронежская губерния, 1910. С. 102). Об общем количестве раскопанных объектов не сообщается.

Остатков жилищ, как сообщается в отчете, «обнаружено четыре, все четырехугольной формы, с ямками около стен или посередине для

установки стоек. У двух посредине оказались невысокие площадки круглой и четырехугольной формы до 1,40 м длиною неизвестного назначения» (Воронежская губерния, 1910. С. 102). Их более подробная характеристика содержится в газетных заметках: «*Остатки подземных полых помещений квадратной формы в 4 аршина (примерно 2,8 x 2,8 м) при высоте 2,5 аршина (1,8 м) очень напоминают землянки. В каждую пещеру вел вход в виде коридора, имеющий небольшой наклон внутрь жилища и оканчивающийся двумя массивными каменными ступенями. По краям входного коридора и вдоль стен каждого жилища отчетливо выделяются гнезда для деревянных стоек, поддерживавших потолок пещеры. В этих жилых помещениях найдены... остатки посуды, в том числе с орнаментом, ручные мельницы из меловых плиток, железные ножи и топоры, терракотовые пряслица*» (Археологическая хроника, 1908. С. 26–27).

Судя по имеющемуся в отчете описанию, членами ВУАК было раскопано и одно двухкамерное сооружение «с печуркой в стенке одного из помещений». В нем на полу – «пласт мягкого мела с тремя конической формы болванками» (Воронежская губерния, 1910. С. 103) «...В ½ аршина вышины (примерно 36 см) и 3 вершка в основании (примерно 13,5 см)» (Археологическая хроника, 1908. С. 26). По поводу назначения последних находок до сих пор у исследователей нет ясности, хотя их найдена уже целая серия (Винников, Плетнева, 1998. С. 63, рис. 20, 4–8).

Характеризуя «ямы-зернохранилища», В.Д. Языков указывает, что «последние имели вид бочек с тщательно сглаженными стенками, а также котла или чаши; одна из таких ям находилась в углу квадратного помещения» (Воронежская губерния, 1910. С. 102). По другой его типологии они были «бочкообразные, круглые, горшковидные» (Труды XIV АС, 1911. С. 78).

В непосредственной близости от раскопанных объектов было обнаружено и исследовано катакомбное погребение. Оно «помещалось в камере кубической формы с круглым верхом, соединенной с квадратною обширною ямою. Три найденные в могиле костяка оказались уже потревоженными; при них оказалось 7 стеклянных бус и медная тисненая лунница со стеклом, обычных для данных могильников типов» (Воронежская губерния, 1910. С. 103). Более подробная информация содержится в газетных публикациях, где дополнительно сообщается, что катакомба была заложена массивной каменной

плитой в 1 квадратный аршин (примерно 71 x 71 см). В ней был обнаружен в том числе и женский костяк в скорченном положении с богатым инвентарем: подвеска, осыпанная крупным жемчугом (три жемчужины), масса бус из цветных камней, стекла и разноцветной мастики, некоторые с остатками позолоты, кусок металлической сетки – остатки головного убора, много фрагментов орнаментированной керамики. В катакомбе находился, по мнению автора публикации, и жертвенный алтарь с покрывшей из каменной плиты (Археологическая хроника, 1908. С. 26–27).

Сведения о раскопанных курганах очень противоречивые. В отчете сообщается, что «под одним найден костяк, лежавший на поверхности материка в скорченном положении, без вещей, головою на запад, на правом боку. У подножия второй насыпи обнаружена яма чашеобразной формы» (Воронежская губерния, 1910. С. 103). В докладе на съезде было заявлено, что «в одном из курганов найден железный топор. Затем открыто погребение в четырехугольной камере, представляющей собою вид погребения, по-видимому, железного века» (Труды XIV АС, 1911. С. 79).

В газетах также сообщалось, что исследователями на склоне естественного оврага было обнаружено обширное трупосожжение, которое по их мнению, не имеет хронологической связи с катакомбными усыпальницами (Археологическая хроника, 1908. С. 26–27).

Как уже было указано, с результатами своих работ на памятнике члены ВУАК познакомили делегатов XIV Археологического съезда. Доклад к форуму был подготовлен В.Д. Языковым, а зачитан С.Е. Зверевым в связи с отсутствием автора. Его краткое изложение опубликовано в протоколах съезда (Труды XIV АС, 1911. С. 78–79). Как сообщают газеты, планировалось демонстрировать и полученные находки. Известно, что после прочтения доклада С.Е. Зверев поставил перед профессионалами вопрос о том, кому могло принадлежать описанное городище. На что профессор Д.Я. Самоквасов предположил, что «городище является, судя по всему, хазарским и имеет сходные черты с городищами в Чми (Осетия), в Салтове и с городищем в Боголюбовском уезде» (Труды XIV АС, 1911. С. 79). В обсуждении доклада принял участие и Н.Е. Макаренко, уже проводивший к тому времени собственные раскопки на памятнике, который сообщил о значимости в этой связи «надписей на камнях, которые открыты в означенном городище». «По мнению академика Радлова,

они не составляют чего-либо целого, а являются только частью надписи, во многом носящей черты уйгурских писем». (Труды XIV АС, 1911. С. 79).

В следующем, 1908 г., С.Е. Зверев запросил и получил «Открытый лист» (от 2 июля 1908 г. № 1087) на проведение раскопок в пределах трех уездов Воронежской губернии: Воронежском, Острогожском и Павловском (РА ИИМК. Ф. 1. 1907. Д. 56. Л. 10). В Острогожском уезде были продолжены раскопки на Маяцком городище, но научного отчета об этих исследованиях в архиве ИАК также не обнаружено. Согласно имеющейся информации, спустя два года, 10 апреля 1910 г. С.Е. Зверев уведомил ИАК о высылке отчета об израсходовании аванса в 150 руб., отпущенных на работы 1908 г., а также сообщил, что «отчет о раскопках будет представлен особо в непродолжительном времени» (РА ИИМК. Ф. 1. 1909. Д. 38. Л. 4). Согласно финансовому отчету работы на Маяцком городище проводились в августе в течение 15 дней силами 4 рабочих (РА ИИМК. Ф. 1. 1907. Д. 56. Л. 30).

В 1909 г. раскопки на Маяцком городище были продолжены, но отчета о проведенных работах в архиве ИАК также не обнаружено. Сохранилось лишь уведомление ВУАК (от 22 мая 1910 г.) о том, что «в 1909 г. были произведены раскопки в окрестностях Маяцкого городища, отчет о которых доложен действительным членом Комиссии А.И. Мартиновичем в заседании Комиссии 9 апреля сего года. Отчет о раскопках 1909 г. будет представлен в ИАК в непродолжительном времени» (РА ИИМК. Ф. 1. 1909. Д. 38. Л. 37). Из поступившего в ИАК финансового отчета следует, что раскопки проводились с 3 по 10 августа с привлечением рабочих от 16 до 25 человек ежедневно. Кроме того, 5–6 августа были совершены разведочные поездки по Дону в окрестностях Маяцкого городища. Судя по распискам об оплате труда, выписанным на имя В.Д. Языкова, непосредственное руководство раскопками осуществлял он (РА ИИМК. Ф. 1. 1907. Д. 56. Л. 30).

В 1910 г. планировалось продолжать раскопки в окрестностях Маяцкого городища (РА ИИМК. Ф. 1. 1909. Д. 38. Л. 37), но подтверждений их проведения пока не найдено.

Как уже упоминалось, в 1908 и 1909 гг. независимо от работ ВУАК раскопки на Маяцком комплексе памятников проводил археолог из Санкт-Петербурга, ученик А.А. Спицына, **Николай Емельянович Макаренко**.

Работы Н.Е. Макаренко в Воронежской губернии охватывают достаточно короткий промежуток времени с 1905 по 1909 гг., в течение которого он трижды побывал на Воронежской земле: 3–27 июня 1905 г., 23 мая – 11 июня 1908 г. и 1–12 июля 1909 г. Результаты проведенных за время командировок работ были изложены в отчетах, которые в краткой форме вошли в соответствующие тома отчетов Императорской Археологической Комиссии (Воронежская губерния, 1908. С. 84–86; Воронежская губерния, 1912. С. 163–165; Воронежская губерния, 1913. С. 189–190), но при этом были изданы и отдельными публикациями в полном объеме (Макаренко, 1906; 1911). Впоследствии он не возвращался к анализу полученных материалов, воронежская тематика не закрепились в сфере его научных интересов.

Все поездки Н.Е. Макаренко в Воронежскую губернию инициировал А.А. Спицын, который в эти годы, как уже было указано выше, сам интересовался воронежскими древностями. В архиве ИИМК сохранилась подробная инструкция А.А. Спицына относительно целей первого приезда Н.Е. Макаренко в Воронежскую губернию (РА ИИМК. Ф. 1. 1905. Д. 70. Л. 2–2 об.). Показательна дата этой инструкции – 30 апреля 1905 г. Той же датой отмечено официальное уведомление ИАК, направленное в ВУАК и столь долгожданное для нее, о приезде самого А.А. Спицына в губернию. Таким образом, был запланирован первый приезд профессиональных археологов в губернию в составе двух столичных специалистов: А.А. Спицын решил приехать сам (РА ИИМК. Ф. 5. Д. 90. Л. 5), а также привлечь к этому Н.Е. Макаренко, собиравшегося в Харьковскую и Полтавскую губернии. Поэтому не случайно, что А.А. Спицын взял на себя обследование памятников в Коротоякском уезде, а Н.Е. Макаренко поручил работы в Валуйском уезде (на границе с Харьковской губернией).

Последующие поездки Н.Е. Макаренко в Воронежскую губернию также планировались А.А. Спицыным, хотя и не сопровождались столь подробными инструкциями. Работы 1908 г. проводились на тех памятниках, которые уже изучались раскопками или были осмотрены А.А. Спицыным, а наиболее интересующий его в это время в Воронежской губернии объект – Маяцкое городище – было уже единственным памятником, на котором проводил работы Н.Е. Макаренко в 1909 г.

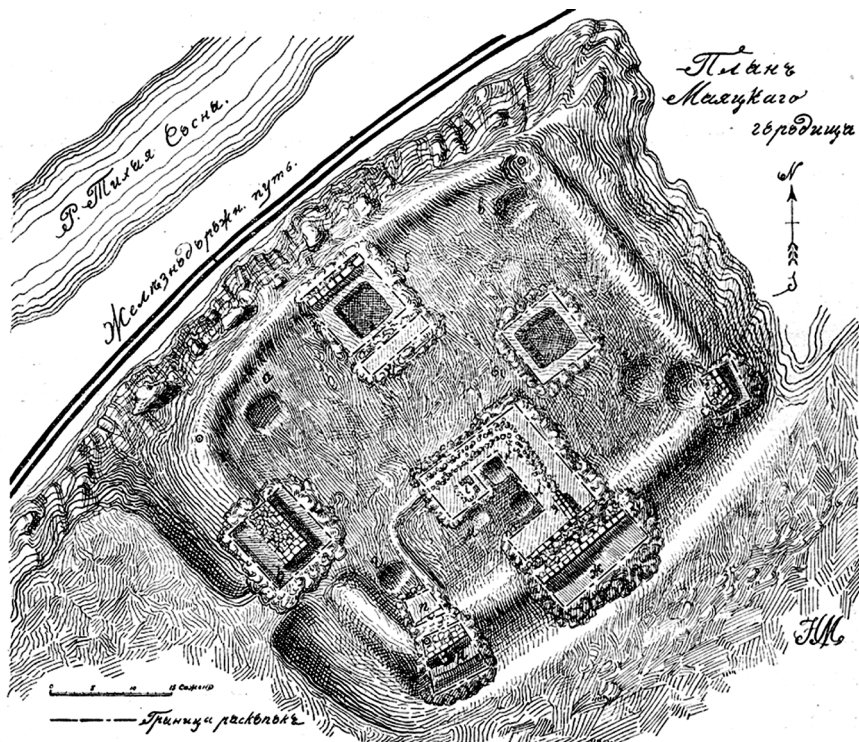
Из архивных материалов следует, что А.А. Спицын надеялся на продолжение Николаем Емельяновичем Макаренко работ на терри-

тории Воронежской губернии. Так, в 1912 г. ему был выдан «Открытый лист», в том числе и для производства раскопок в Воронежском, Коротоякском и Острогожском уездах. В сопроводительном письме А.А. Спицын писал: *«Императорская Археологическая Комиссия, ввиду любезно выраженного Вами согласия, имеет честь покорнейше просить Вас произвести археологические раскопки в группе «Частые курганы» близ Воронежа, а также в иных местностях Воронежского, Коротоякского и Острогожского уездов. Открытый лист на производство раскопок и талон на получение из кассы Министерства Императорского Двора назначенных Вам на раскопки 500 руб. при сем препровождаются»* (РА ИИМК. Ф. 1. 1912. Д. 145. Л. 3). Однако из находящегося в этом же деле финансового отчета Н.Е. Макаренко следует, что в Воронежскую губернию он не приезжал. (РА ИИМК. Ф. 1. 1912. Д. 145. Л. 10–26).

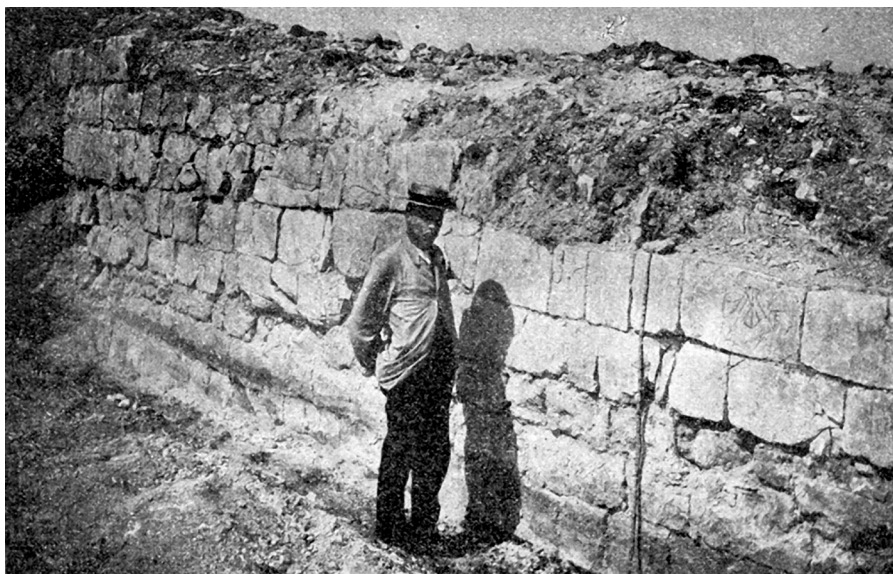
Теперь непосредственно о результатах работ Н.Е. Макаренко на Маяцком археологическом комплексе. В течение первого полевого сезона был снят план городища, и дано его подробное описание (Макаренко, 1911. С. 7–9), раскопана юго-восточная стена в средней ее части (ошибочно названа в отчете ю.-з. – Е.З.), частично раскопано «внутреннее четырехугольное пространство, окруженное небольшим валиком» (цитадель), исследована внешняя часть восточного угла крепости (Макаренко, 1911. С. 12–20).

Во второй сезон раскопками была изучена часть стены у ворот, внутренняя и внешняя часть стены у южного угла, заложена траншея на площади городища для определения состава и толщины культурного слоя, раскопаны две впадины на площади городища и десять впадин, расположенных за пределами крепости на поле, примыкающем к городищу с восточной стороны (Макаренко, 1911. С. 20–42). На всем протяжении полевых работ собирались и учитывались находки камней с рисунками, надписями и отдельными знаками, которых в общей сложности, судя по отчету, было обнаружено 31 (Макаренко, 1911, рис. 7, 12, 14, 16, 17, 19–22, 27–38, 42).

Материалы, полученные в ходе работ Н.Е. Макаренко, будучи документированными на должном для начала XX века уровне, в течение более чем полувека определяли представления ученых о салтово-маяцкой культуре на Среднем Дону. Они вошли в классические работы М.И. Артамонова и И.И. Ляпушкина по указанной проблематике, но с течением времени все больше ощущалась необходи-

План Маяцкого городища, выполненный Н.Е. Макаренко.
Опубликован автором (1911, рис. 4, с. 8)

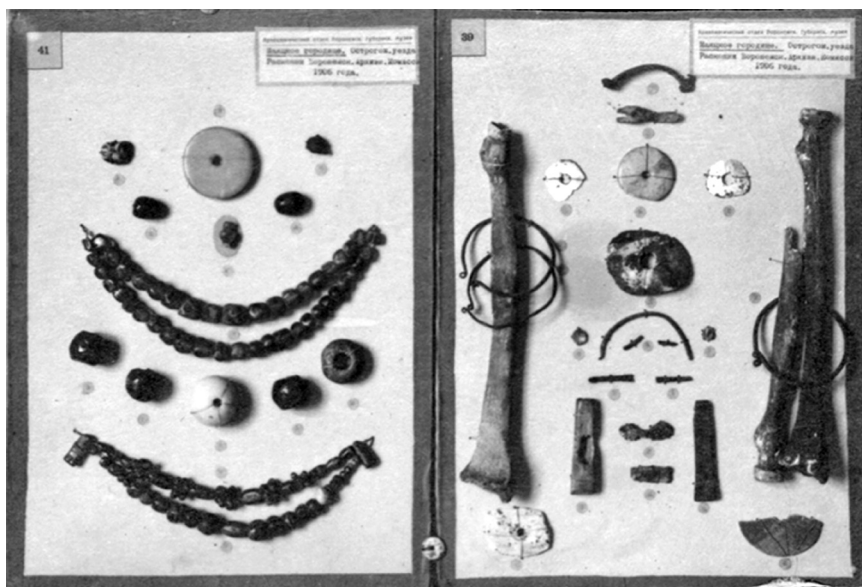
Н.Е. Макаренко у стены Маяцкой крепости. 1908 г.
Опубликовано Н.Е. Макаренко (1911, рис. 5, с. 11)

мость продолжения работ на этом памятнике на качественно ином методическом уровне. Поэтому неслучайно, что с началом широко-масштабных работ на Маяцком комплексе памятников Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции (1975–1982) последовательно реализовывалась и задача исследования объектов, раскапывавшихся Н.Е. Макаренко. Результаты проведенных в этом направлении работ нашли отражение в соответствующих отчетах и публикациях. С учетом этих обстоятельств рассмотрим подробнее результаты исследований Н.Е. Макаренко вместе с исследованиями этих же объектов спустя семь десятилетий в следующей главе монографии.

После работ 1909 (1910?) года в истории полевого изучения Маяцкого археологического комплекса наступает более чем полувековой перерыв.

Материалы, полученные на Дивногорских памятниках в конце XIX – начале XX века, дополнили археологические коллекции трех музеев страны: первые находки, как уже сказано выше, поступили в Императорский Российский Исторический Музей, большая часть из находок Н.Е. Макаренко – в Эрмитаж, а находки членов ВУАК заняли свое место в фондах и экспозиции Воронежского Губернского Краеведческого Музея. В ОПИ ГИМ архиве В.А. Городцова сохранились фотографии, сделанные для него в октябре 1923 г. С.Н. Замятниным (тогда хранителем отдела Первобытных древностей Воронежского Государственного Историко-Культурного Музея) (Ф. 431. Ед. хр. 288. Л. 14, 18), которые мы публикуем впервые. Они ценны еще и потому, что в период Великой Отечественной войны эти коллекции были утрачены.

Данные, опубликованные исследователями Дивногорских памятников в начале XX века, продолжали использоваться специалистами-хазароведами вплоть до 60-х гг. XX века в связи с необходимостью обобщения информации по салтово-маяцкой культуре. Так, к примеру, М.И. Артамонов, объединяя в одну группу Правобережное Цимлянское, Верхне-Салтовское и Маяцкое городища, полагал, что они не могли быть общинными убежищами для окрестного населения. Он писал, что это, скорее всего, замки или владетельные дворы, внутри которых находились жилища и службы владетеля или его слуг и дружины. Городища Придонья были центрами полуфеодальных или феодальных образований и строились не для защиты окружающей

Экспозиционный зал Воронежского Государственного
Историко-Культурного Музея (октябрь 1923 г.).
Слева в шкафу планшеты с находками с Маяцкого городища.
(ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 288. Л. 14, 18)

территории, а для господства над ней (Артамонов, 1940. С. 158–159). О том, что белокаменные замки Подонья были крупными феодальными гнездами и сооружались с двойной целью: для контроля над водными путями и для возвышения над оседлым или полuosедлым местным населением, писала С.А. Плетнева. Кроме того, по ее мнению, некоторые из них имели, несомненно, и оборонное значение для всей салтовской земли (Плетнева, 1967. С. 43).

К анализу привлекались и полученные данные о крепостном зодчестве. М.И. Артамонов возводил общность строительных приемов, использованных при сооружении Верхне-Салтовского, Маяцкого, Верхне-Ольшанского и Правобережного Цимлянского городищ, к архитектурной традиции сасанидских сооружений в Закавказье (Артамонов, 1935. С. 30; Артамонов, 1962. С. 318). С.А. Плетнева отмечала широкий ареал техники двухпанцирной кладки, установленной в том числе Н.Е. Макаренко на Маяцкой крепости, – Закавказье, Крым, Византия (Плетнева, 1967. С. 33).

Конечно, с течением времени все больше стала ощущаться недостаточность информации с Маяцкого городища, обусловленная дальнейшим развитием археологической науки. Продолжение изучения этого выдающегося археологического объекта диктовалось самой логикой археологического познания, и оно состоялось. Следующий этап в исследовании Дивногорских памятников связан с работами международной археологической экспедиции, инициированными **Светланой Александровной Плетневой**.

Г Л А В А 4

Исследование Дивногорских памятников под руководством С.А. Плетневой (1962–1963, 1975–1982 гг.)

В 1962–1963 гг. Северо-Донецкий отряд Нижне-Донской экспедиции ИА АН СССР под руководством С.А. Плетневой, ведущий разведки по берегам Дона в пределах Воронежской и Ростовской областей, обследовал и ранее известные здесь городища салтово-маяцкой культуры (Архив ИА РАН. Р-1. № 2471. Л. 20). На Маяцком городище был снят новый план крепости и собран подъемный материал с распахиваемой тогда восточной части селища. С.А. Плетнева спустя годы сетовала, что в ходе посещения памятника не был выполнен план расположения на селище серых зольных пятен, характерных для других салтово-маяцких поселений, и четко выделявшихся тогда на черном фоне пахоты (Винников, Плетнева, 1998. С. 12). Впоследствии распашка мыса была запрещена, образовался выпас для овец и обнаружить зольные пятна оказалось невозможным. Правда, один из зольников все же был зафиксирован в раскопе 3. (Винников, Плетнева, 1998. С. 12).

Спустя 12 лет после проведенных разведочных работ появилась возможность возобновить раскопки на Дивногорских памятниках. Этому способствовало проведение в Москве в декабре 1974 г. совместного советско-венгерского рабочего совещания по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы». Оно было организовано Институтом археологии АН СССР и Венгерской частью Комиссии историков ВНР – СССР совместно с Археологическим институтом Венгерской АН для обсуждения в рабочей обстановке ряда тем, близко касающихся венгерской истории. В центре внимания собравшихся была и проблема локализации расселения древних венгров (Юшко, 1976. С. 287). Поскольку для дальнейшего развития исследований в этом направлении было решено исследовать один из салтово-маяцких памятников Подонья, С.А. Плетнева предложила «знаменитое Маяцкое городище». По ее словам, она руководствовалась двумя причинами: «максимальная

приближенность к территории, где действительно попадаются памятники, которые можно сблизать с венгерскими (Средняя Волга), и несомненно высокая научная значимость памятника». (Архив ИА РАН. Р-1. № 5313. Л. 1). По инициативе Академий наук СССР и Венгрии в 1975 г. была создана Советско-Венгерская экспедиция под руководством С.А. Плетневой.

С 1978 г. в экспедиции согласно договору между Институтами археологии Академии наук СССР и Болгарской Народной Республики начали принимать участие болгарские археологи. Экспедиция сформировалась окончательно как Советско-Болгаро-Венгерская (руководитель С.А. Плетнева). Она объединила археологов, работающих по близкой проблематике – истории и культуре Юго-Восточной Европы в эпоху раннего средневековья.

Состав экспедиции восстановлен сейчас в той мере, в которой данная информация зафиксирована в ее ежегодных отчетах. Учтены также сведения, приводимые в различных публикациях участников этих работ.

Все годы работ экспедиции ее неизменным руководителем выступала **Светлана Александровна Плетнева**. В 1975 г. только она имела «Открытый лист» для работ на данном памятнике. С 1977 г. помимо нее «Открытыми листами» обладали **Геннадий Евгеньевич Афанасьев** (ИА АН СССР), руководивший работами на городище, и **Анатолий Захарович Винников** (Воронежский госуниверситет), возглавлявший раскопки селища.

Советская составляющая экспедиции, конечно же, была самой многочисленной и определяющей. В ее состав входила, во-первых, группа сотрудников Института археологии. Поименный ее состав имеется лишь в отчете за 1975 г. «В экспедиции участвовали от Института археологии С.А. Плетнева (нач.), С.С. Ширинский (зам. нач.), А.В. Кашкин, А.Г. Атавин, В.Е. Нахапетян, Л.В. Иванова, Л.Н. Петров (фотограф), И.Н. Мартынова (реставратор), Л.Е. Ермакова (геодезист)». (Архив ИА РАН. Р-1. № 5313. Л. 2). Из отчетов за последующие годы мы узнаем, что с 1977 г. заместителем начальника экспедиции становится Г.Е. Афанасьев, а ее постоянными участниками остаются А.В. Кашкин, В.Е. Нахапетян, Л.Н. Петров.

Помимо сотрудников Института археологии АН СССР в работах ежегодно принимали участие антрополог Института антропологии МГУ Т.С. Кондукторова; из сотрудников Государственного Эрмита-

2

Участники Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции:

1 – У юго-западной стены Маяцкого городища. 1978 г. Слева направо: Г.Ф. Чеботаренко, С.А. Плетнева, М.Г. Магомедов, Г.Е. Афанасьев. Из личного архива Г.Е. Афанасьева

2 – Иштван Эрдели. 1975 г. Фото В.С. Флерова (ВМЗ «Д» 2/1 – КФ – 1)

4

3 – Слева направо: Т.С. Кондукторова, болгарский археолог Станчо Ваклинов (Станчев), С.А. Плетнева, М.Г. Магомедов. 1978 г. Фото В.С. Флерова (ВМЗ «Д» 2/5 – КФ – 5)

4 – Ф.Х. Арсланова. 1981 г. Фото В.С. Флерова (ВМЗ «Д» 2/10 – КФ – 10)

жа – А.П. Покровская, а в 1982 г. Н.А. Фоякова; сотрудник Таганрогского музея В.С. Флеров.

В 1978 г. в раскопках участвовали сотрудник сектора археологии Молдавской АН Г.Ф. Чеботаренко и сотрудник сектора археологии Дагестанского Института истории, языка и литературы М.Г. Магомедов; в 1979 г. – А.Г. Николаенко (учитель истории средней школы); в 1982 г. – сотрудник Нахичеванского научного центра АН АзССР Б. Ибрагимов, архитектор Е. Петрова, аспирант ИА АН Венгрии В. Бобков (Кемерово).

Группу венгерских археологов возглавлял в течение четырех сезонов (1975, 1977, 1978, 1981 гг.) доктор исторических наук Иштван Эрдели. В 1975 г. в группу входили Ласло Ковач и Балаш Эрдели, в 1977 г. – Балаш Эрдели и Янош Сабо, в 1978 г. – Балаш Эрдели и Л. Шугар. В 1979 г. в раскопках участвовали венгерские ученые: палеозоолог Янош Матольчи и палеоботаник Миклош Фреш (последний приезжал также и в 1982 г.).

Из болгарских исследователей в 1978 г. в работах на городище приняли участие: археолог, доктор исторических наук Станчо Ваклинов и архитектор Стефан Бояджиев. В 1980 г. археолог из Шумена – Рашо Рашев, в 1981 г. – архитектор Дафина Христова-Василева, в 1982 г. – сотрудник ИА АН Болгарии О. Миланова.

В качестве основной рабочей силы выступали студенты нескольких вузов: для младших курсов это была обязательная учебная археологическая практика, старшекурсники же приезжали уже из числа специализирующихся по археологии. Все годы в работе экспедиции участвовал отряд

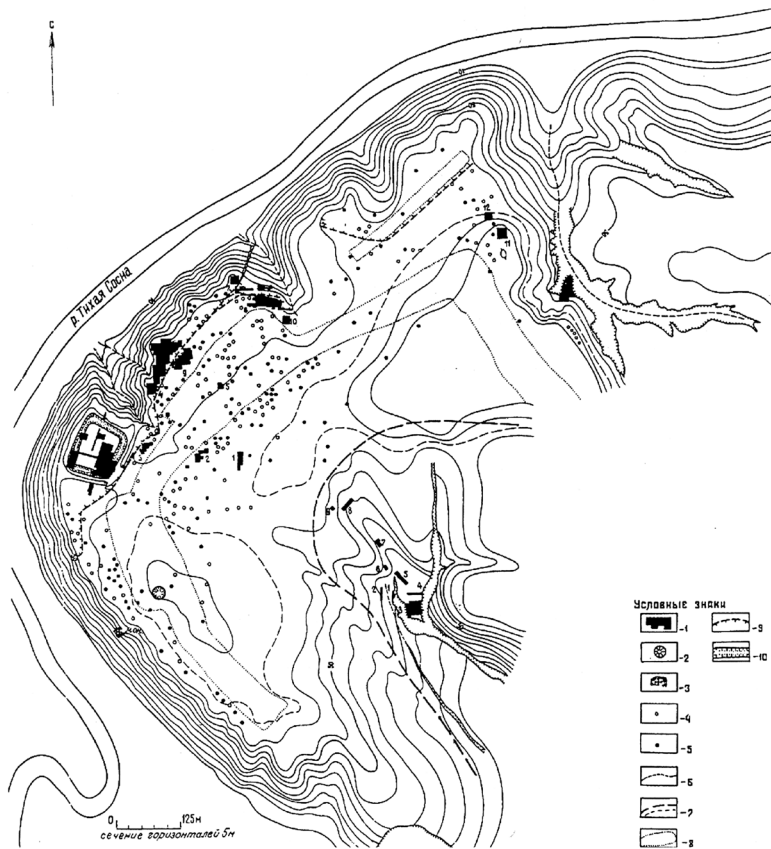

Студенческая конференция в рамках работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции (1981 г.). Из личного архива М.В. Цыбина

Воронежского госуниверситета под руководством А.З. Винникова. В разные годы также представители других вузов: 1975, 1977 гг. – Харьковского госуниверситета под руководством В.К. Михеева, А.К. Дегтяря; 1979–1982 гг. – Ворошиловградского (Луганского) педагогического института под руководством К.И. Красильникова; 1979–1981 гг. – Калининского (Тверского) госуниверситета под руководством Ф.Х. Арслановой, А.А. Чарикова. Ученые – участники экспедиции – стимулировали интерес студентов к археологии. Так, в рамках работы экспедиции в 1981 г. была проведена студенческая конференция силами Воронежского и Калининского университетов. Всего было заслушано шесть докладов по три от каждого вуза (Архив ИА РАН. Р–1. № 9055. Л. 113). Не знаю, как сложилась дальнейшая судьба калининских студентов – докладчиков на этой конференции, а вот выступавшие от воронежцев шестикурсница А. Мастыкова ныне доктор наук, сотрудник Института археологии РАН; студент 3 курса М. Цыбин – кандидат наук, доцент Воронежского госуниверситета.

Одним из главных результатов работ экспедиции стало выяснение самого характера памятника, известного в литературе под названием «Маяцкое городище». Уже в первый год работ выяснилось, что фактически вся площадь мыса была занята поселением и сооруженной на нем сравнительно небольшой крепостью, которая являлась его неотъемлемой частью. На пологих склонах юго-восточного оврага расположен обширный могильник. В 1978 г. в восточном овраге, по дну которого протекал ручей, был обнаружен гончарный район (скопление мастерских и печей). Таким образом, данный археологический объект представляет собой сложный поселенческий комплекс, состоящий из собственно городища (развалин крепости), окружающего его селища с выделенным гончарным районом и сопровождающего их кладбища.

Раскопки на городище велись в 1975 г. под руководством С.А. Плетневой и сотрудницы Государственного Эрмитажа А.П. Покровской, с 1977 г. работы возглавлял Г.Е. Афанасьев. На могильнике работы постоянно возглавлял В.С. Флеров. Селище исследовалось под руководством А.З. Винникова, гончарный район – под руководством К.И. Красильникова. С.А. Плетнева, помимо общего руководства экспедицией, вела опись и копирование на полиэтиленовую пленку надписей, рисунков, различных знаков на блоках из завалов и на открытых раскопками фасах стен.

План Маяцкого мыса. Опубликовано А.З. Винниковым, С.А. Плетневой (1998, рис. 3, с. 9): 1- раскопы, 2- древний курган, 3 - церковь, 4 - мелкие западины, 5 - глубокие западины, 6 - русло ручейка, 7 - современные дороги и тропинки, 8 - границы лесополос, 9 - дренажная канава, 10 - «валы»-стены крепости

Характеристику основных итогов работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции представляется удобным дать последовательно по каждой из частей этого комплекса. Поскольку все основные материалы, полученные в ходе раскопок, полностью описаны и интерпретированы самими участниками экспедиции (см. список литературы), это позволяет с опорой на существующие публикации обобщить те выводы, к которым пришли ученые на данной стадии полевого исследования Маяцкого археологического комплекса, но прежде, как было сказано выше, охарактеризуем доследования тех объектов, которые в начале XX века изучал раскопками Н.Е. Макаренко. Анализ предлагается в порядке проведения исследований Н.Е. Макаренко.

В 1908 г. им были заложены раскопы на нескольких участках. Был вскрыт внешний панцирь юго-восточной стены крепости на 21 м, состоявший в наивысшей части из 8 рядов кладки и достигавший высоты более 3 м (Макаренко, 1911. С. 11). К началу 1980-х гг. он оказался полностью уничтожен (Архив ИА РАН. Р-1. № 9055. Л. 3). В ходе исследования цитадели (Н.Е. Макаренко раскопал почти полностью стены и совсем небольшую часть внутреннего пространства сооружения) было также обнаружено, что там, где проходила северо-западная стена цитадели (по отчету Н.Е. Макаренко), уже не фиксируется никаких строительных остатков. Что же касается каменного строения «j», то обломки его блоков были обнаружены, причем каменный развал полностью соответствовал опубликованному Н.Е. Макаренко плану. Публикуя описание этого сооружения, Г.Е. Афанасьев отметил его исключительный характер, соответствующий статусу «центрального церемониального помещения в феодальном замке» (Афанасьев, 1984. С. 71–72). Экспедицией была вторично исследована «яма Д», получившая наименование полуземлянки № 3. В ходе работ в противовес точке зрения Н.Е. Макаренко, писавшего о необитаемости «ямы», был установлен жилой характер этого сооружения (Афанасьев, 1984. С. 70).

Попутно отметим, что в ходе работ экспедиции были исследованы и 5 других западин, отмеченных на плане Н.Е. Макаренко. Все они соответствовали полуземлянкам, что позволило исследователям оценить план Н.Е. Макаренко как заслуживающий доверия (Афанасьев, 1984. С. 69).

Восточный угол крепости повторно не исследовался из-за сильной испорченности (Афанасьев, 1987. С. 125).

В 1909 г. Н.Е. Макаренко был исследован проем крепостных ворот и северо-западный торец примыкающей к ним стены. В отчете он отмечал, что лучше всего кладка стены сохранилась на внутренней стороне – до 7 рядов, в то время как на внешней стороне, судя по опубликованной фотографии, – на 3–4 ряда, т. к. отсюда местные жители больше всего брали камни для своих нужд. За прошедшие 70 лет после раскопок Н.Е. Макаренко северо-западный торец воротного проема почти полностью разрушился. При повторном исследовании было обнаружено, что от торца остались только 3 блока нижнего ряда (Афанасьев, 1984. С. 29; Афанасьев, 1987. С. 128), но в ходе зачистки стены в старом раскопе Н.Е. Макаренко все же уда-

лось проследить конструктивные особенности крепостной стены на этом участке. Сам Н.Е. Макаренко зафиксировал тот факт, что стена была поставлена на древнюю дневную поверхность без фундамента, в ходе же дальнейших исследований выяснилось, что первоначально перпендикулярно направлению стены на землю укладывались доски. Была детализирована и структура забутовки между внутренним и внешним панцирями, внутри которой обнаружена специальная деревянная конструкция на глиняной площадке (Афанасьев, 1984. С. 32).

У южного угла юго-восточной стены крепости Н.Е. Макаренко обнаружил остатки каменной кладки, которая находилась на расстоянии 1,4–2,1 м от угла и располагалась перпендикулярно юго-восточной стене, но «без признаков соединения с этой последней» (Макаренко, 1911. С. 24). Исследователь оставил без объяснения эту кладку. После работ 1979 г., в ходе которых удалось зафиксировать остатки этой кладки и исследовать их, авторами раскопок было высказано предположение о том, что это стена башенного выступа, а обнаруженная Н.Е. Макаренко в том же раскопе «ступенька» шириной и глубиной 0,35–0,54 м, вырубленная в скале на краю рва в 2–3 м от стены (Макаренко, 1911. С. 24), была соотнесена с остатками «постели» для него (Афанасьев, 1984. С. 54; Афанасьев, 1987. С. 128).

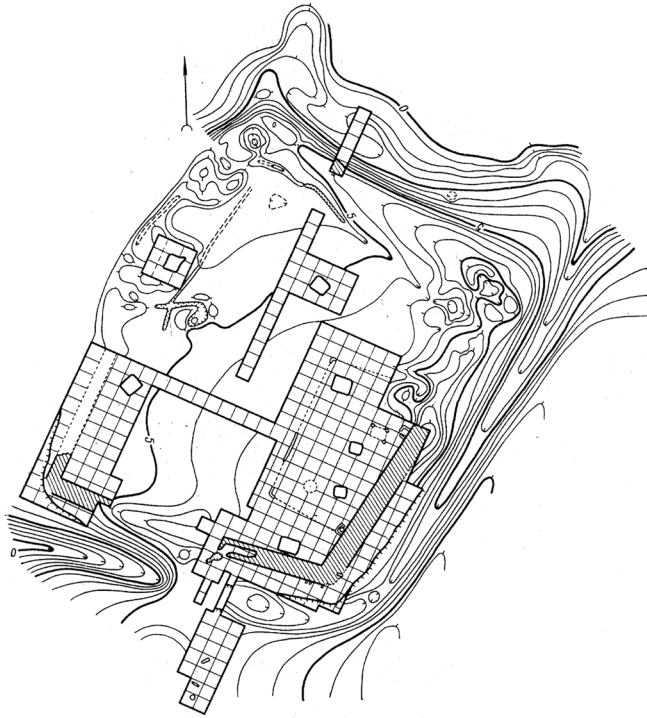
Повторные раскопки были предприняты и для детального исследования раскопанной Н.Е. Макаренко у внутреннего панциря северо-западной стены полуземлянки («ямка б» по отчету Н.Е. Макаренко, полуземлянка № 7 по Г.Е. Афанасьеву). За прошедшие 75 лет после раскопок стены котлована полуземлянки разрушились на половину высоты. Тем не менее, пол и нижняя часть стен зафиксированы были заново, уточнены размеры постройки, по периметру зафиксированы столбовые ямки, обнаружен вход – коридор в восточном углу (Архив ИА РАН. Р–1. № 8946. Л. 20–24; Афанасьев, 1984. С. 71).

Н.Е. Макаренко изучал раскопками не только крепость, но и впадины («ямки») на поле, окружающем городище. Всего им было исследовано 10 ям, расположенных в различных местах поля. Под ними оказались, как писал Н.Е. Макаренко, вырубленные в меловом камне жилые помещения различных форм и размеров (Макаренко, 1911. С. 35). Сам исследователь по итогам раскопок десяти впадин сделал следующие выводы: ямы № 3, 5 оказались углублениями естественного происхождения; яму № 2 по форме и размерам возможно отнести к типу так называемых хлебных ям; в других ямах были зафиксиро-

рованы различные конструктивные особенности (ямки в полу «для каких-либо хозяйственных надобностей», ямки – «гнезда столбов, поддерживавших крышу», канавки вдоль стен – «места для вставки подпорок – стенок» и др.), но ни в одной из них не было обнаружено «признаков костра, очага и иных принадлежностей обитания». Между тем сам исследователь именует их «землянками». Обратившийся впоследствии к анализу этих материалов И.И. Ляпушкин писал: «эту характеристику Макаренко несомненно следует рассматривать лишь в плане принадлежности всех вскрытых сооружений к жилищно-хозяйственным... Но в числе этих ям были безусловно и жилые в подлинном смысле этого слова. Яма № 6, возможно, является остатками жилища, но, к сожалению, уверенными полностью в этом мы быть не можем, так как сведения, приведенные Макаренко, не дают исчерпывающей характеристики. В частности, отсутствуют указания о каких-либо следах огня на полу (остатки золы, обожженность пола и т. п.) – этом одном из основных признаков жилища» (Ляпушкин, 1958. С. 99).

Более подробно рассмотрены результаты раскопок Н.Е. Макаренко на селище С.А. Плетневой и А.З. Винниковым. Что касается уже упомянутой ямы № 6, то они также предполагают, что это остатки жилища, а отсутствие свидетельств, связывающих обе ямки с огнем, а также небрежную обработку стен и дна объясняют неоконченностью строительства (Винников, Плетнева, 1998. С. 135). Еще одним неоконченным жилищем С.А. Плетнева и А.З. Винников считают яму № 4 (Винников, Плетнева, 1998. С. 135). К категории жилищ ими отнесена яма № 1, хотя следов использования огня и здесь не зафиксировано. По мнению авторов, Макаренко их не заметил, или следов обжига не сохранилось (Винников, Плетнева, 1998. С. 133–135). Яма № 2 интерпретирована указанными исследователями как хозяйственная конусовидного типа (Винников, Плетнева, 1998. С. 136), яма № 8 отнесена с категорией хозяйственных построек – погребов, о назначении других объектов исследователи не высказали предположений (Винников, Плетнева, 1998. С. 111). На наш взгляд, ямы № 7, 10 типологически близки выделенной А.З. Винниковым категории наземных хозяйственных построек (Винников, 1984. С. 120).

Таким образом, после работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции полученные Н.Е. Макаренко материалы на селище с известной долей допущения стали составной частью исследованной площади.

План Маяцкой крепости. Опубликовано Г.Е. Афанасьевым (1984, рис. 1, с. 67)

Продолжим изложение результатов работ экспедиции на площади Маяцкой крепости. Следуя за описаниями, содержащимися в работах С.А. Плетневой и Г.Е. Афанасьева (Плетнева, 1984. С. 9–10; Афанасьев, 1984. С. 70–72; Афанасьев, 1987. С. 125–128), мы можем составить точную и детальную характеристику памятника, включающую его планиграфию, особенности фортификационных сооружений, характер внутренней застройки.

Крепость расположена на правом берегу Тихой Сосны, близ места ее впадения в Дон. Она находится на мысу высотой 70 м с крутизной склонов 50–70°. Размеры мыса с севера на юг – 900–950 м, с запада на восток – 500–550 м. Внутреннее пространство крепости значительно меньше площадки, на которой она сооружена, а именно 95 x 80 м. Крепость ориентирована по длинной оси с ССВ на ЮЮЗ. Со стороны поймы реки, с северо-запада, она защищена обрывистыми склонами коренного берега. С северо-восточной стороны городище ограждает узкий овраг, а с юго-западной и юго-восточной сторон – искусственный ров.

Глубина рва от современной поверхности составляет 2 м, в некоторых местах – 2,5 м; ширина – 7 м. В 1977 г. исследовался ров в центральной части его юго-западного отрезка. Установлено, что он был вырублен в меловой материке и имел ширину в верхней части 7,5 м, в нижней – 5,6 м, глубину 2,5 – 3,5 м. Эскарп ниспадал с наклоном в 85°, контрэскарп уступчатый, с общим наклоном в 65°.

Валы возвышаются более чем на 2 м, ширина в некоторых местах доходит до 10–15 м. Вал представляет собой обвалившиеся и расплывшиеся остатки каменных стен, сложенных из тесаных блоков, битого камня и щебня.

Между краем эскарпа рва и крепостной стеной проходила берма, имевшая у западного угла ширину 2,15–4,25 м, в районе ворот – 8 м, близ южного угла – 4 м, вдоль юго-восточной стены – 4,65–5,6 м, вдоль северо-западной стены – 0,85–1,45 м.

В процессе раскопок удалось установить, что между краем оврага, защищающего подход к северо-восточной стене, и самой стеной стоял деревянный частокол – тын; сохранилась траншея для его основания со следами вертикальных столбов. Из других защитных сооружений, установленных перед крепостной стеной, зафиксирована яма – ловушка длиной 4,7 м, шириной до 2,5 м и глубиной 2,6 м, вырытая перед крепостными воротами.

Въезд в крепость находился в середине юго-западной стены: во рву оставлена перемычка около 2 м, а вал перерезан проемом шириной 8–10 м. Значительная ширина проема объясняется сильным разрушением ворот и привратных сооружений. Воротный проем, включая юго-восточную торцовую стенку, исследован экспедицией в 1977 г. Последняя была сложена из трех параллельных рядов кладки общей толщиной 0,92 м. Нижние блоки укладывались на деревянные доски, лежащие на уровне древней дневной поверхности. Ширина воротного проема составляла 2,84 м. Опорные столбы для деревянных ворот располагались в глубине воротного проема на расстоянии 4 м от плоскости внешнего панциря стены.

На протяжении всех полевых сезонов работы экспедиции изучалась конструкция крепостных стен. В 1977–1979 гг. исследовался отрезок юго-западной стены от юго-восточного торца воротного проема до южного угла. В 1979–1981 гг. – изучена технология стыка юго-западной и юго-восточной стен (с помощью двух конструктивных швов), и проведены раскопки участка юго-восточной стены.

В 1981 г. был исследован небольшой участок внешнего панциря в срединной части северо-восточной стены. В 1981–1982 гг. – участок северо-западной стены, прилегающий к западному углу крепости. Ширина стен на исследованных участках колебалась от 4 до 6,5 м. Техника их сооружения оказалась везде аналогичной – двухпанцирная кладка. При этом каждый панцирь состоял из трех горизонтально уложенных вперевязку блоков. Давление забутовки на них сдерживалось деревянной конструкцией типа городен. Строительство стены велось без фундамента на предварительно уложенные на дерновой слой дубовые плахи. Такие же дубовые плахи укладывались и в кладку панцирей через каждые три вертикальные ряда блоков. Внешние панцири имели наклон вовнутрь (юго-западной стены – 7–12°; северо-восточной – 5–7°).

Первоначальная высота крепостных стен, по мнению Г.Е. Афанасьева, составляла не более 5 м. На вершине стен находился валганг с зубчатым парапетом, блоки которого обнаружены в завалах. У южного угла была башня, фланкирующая юго-западную и юго-восточную куртины крепости.

В результате исследований экспедиции были получены также материалы, характеризующие внутреннюю планировку крепости и назначение расположенных там построек. Территория крепости имеет особо выделенный участок, называемый условно «цитадель» (никакого фортификационного значения не имела). Это замкнутое прямоугольное сооружение размером 42 x 27 м, примыкающее к юго-восточной стене городища (Плетнева, 1984. С. 10). Здесь находились две жилые полуземлянки (одна из них самая крупная на территории крепости), одна церемониальная постройка на каменном цоколе и четыре сооружения хозяйственного назначения. За пределами цитадели в крепости были исследованы еще четыре жилых полуземлянки без каких-либо сопутствующих хозяйственных построек или даже хозяйственных ям (Афанасьев, 1984. С. 70–73; Афанасьев, 1987. С. 138).

Как мы видим, на городище за период работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции были проведены масштабные полевые исследования, позволившие ученым вновь вернуться к собственным историческим реконструкциям и построениям. По мнению Г.Е. Афанасьева, Маяцкая крепость относится к тому типу городищ (по его классификации – 4 тип), при устройстве которых был применен принципиально новый для населения салтово-маяцкой куль-

турной общности способ обороны. Налицо значительное увеличение роли искусственных оборонительных сооружений, что, естественно, сказалось как на принципах их планировки и расположения на местности, так и в конструкции. Правильная геометрическая форма крепостей способствовала организации более эффективной обороны. Создание наклона стен вовнутрь позволяло ликвидировать мертвые зоны у подножия стен. Широкая берма предоставляла возможность обстреливать со стены ров фронтальным огнем, что в значительной степени усиливало фланговую оборону самих стен. Защита крепостей осуществлялась путем организации фронтального огня по всему периметру крепостных стен, для чего на их вершине устанавливался валганг с зубчатым парапетом, укрывающим стрелков. Появляется новый элемент обороны – фланкирующий огонь вдоль стен, который велся с башенных выступов или башен (Афанасьев, 1987. С. 128).

Поскольку такие крепостные сооружения предстают в Подонье как самостоятельное и вполне законченное явление, не имеющее генетической связи с городищами иных типов, еще со времен М.И. Артамонова обсуждался вопрос о генезисе данной архитектуры.

В этой связи С.А. Плетнева высказала предположение об участии в строительстве Маяцкой крепости болгарских зодчих. Она писала: *«Исследуемая нами Маяцкая крепость была отстроена в конце IX века под непосредственным влиянием болгарских зодчих, создавших еще в начале IX века белокаменные дворы Плиски... Подданный же кагана – крупный болгарский хан – приказал соорудить себе белокаменный замок – Маяцкую крепость – по образу и подобию зданий, которые строились для его высоких родичей на Дунае»* (Плетнева, 1982. С. 101). Г.Е. Афанасьев привлекает материалы по крепостному зодчеству населения VIII–IX веков на территории, примыкающей к Черноморскому побережью, и в той или иной степени входившей в сферу влияния Византии, и делает вывод о византийских истоках архитектуры крепости. Для устройства подобных крепостей, по его мнению, было необходимо участие византийских мастеров (Афанасьев, 1987. С. 130–132).

Дальнейший импульс получает и обсуждение вопроса о функции таких крепостей и о социальном статусе их жителей. Высказанная еще до начала работ экспедиции точка зрения о том, что такого рода крепости представляют собой феодальные замки (Артамонов, 1940. С. 158–159; Плетнева, 1967. С. 43), получает развитие в исследовани-

ях Г.Е. Афанасьева. Поначалу он всецело присоединяется к предшественникам и детализирует сам характер заселения крепости. По его мнению, здесь размещалась большесемейная община, численностью в 35–40 человек, представляющая собой одну из форм распада большой патриархальной семьи в период становления классового общества. *«Это скорее всего отцовский тип большой семьи с концентрацией всего имущества в руках главы семьи, что вполне соответствует характеру комплекса, представляющего собой феодальный замок»* (Афанасьев, 1984. С. 74). Впоследствии он пытается оспаривать правомерность соотнесения этих крепостей с феодальными замками. По его мнению, *«первичность защитных функций городищ 4-го типа и явно вторичный характер расположенного на их территории жилья не позволяют считать, что эти крепости строились как феодальные замки»* (Афанасьев, 1987. С. 139–140). Однако после чреды обоснований вроде бы иного подхода, мы вновь читаем, что это все-таки замки: *«Таким образом... городища 4-го типа представляют собой в первичной функции опорные пункты Хазарского каганата, построенные при участии византийских мастеров на границе со славянскими землями, а во вторичной – замки выделяющейся феодальной знати»* (Афанасьев, 1987. С. 142).

Характеристика результатов работ на городище будет неполной, если не упомянуть о полученной в ходе исследований значительной серии надписей, рисунков, различных знаков на меловых блоках стен. Этот материал издан С.А. Плетневой, В.Е. Флеровой, И.Л. Кызласовым. Он позволяет осветить некоторые стороны духовной жизни обитателей Маяцкого поселения, ставит перед исследователями новые вопросы. К примеру, специалист по рунической палеографии И.Л. Кызласов, благодаря находкам на Маяцком городище, выделил «донское» (хазарское?) письмо, но пока оно остается непрочитанным. Остается неясным, кто же наносил разнообразные граффити на крепостные стены? Смысл их нанесения трактуется двояко. С.А. Плетнева (Плетнева, 1984. С. 91) полагала, что они наносились в основном воинами, охранявшими крепость и от скуки «выцарапывавшими» свои тамги или рисунки на ровных белых блоках. В.Е. Флерова считает, что знаки и разные тематические изображения имели магический смысл и были связаны с «каким-то праздничным обрядом», участниками которого могло быть все население (Флерова, 1997. С. 43). По-видимому, пока следует, как советуют С.А. Плетнева

и А.З. Винников, подождать «нового весомого факта, который позволит прийти к совершенно определенным выводам» (Винников, Плетнева, 1998. С. 209).

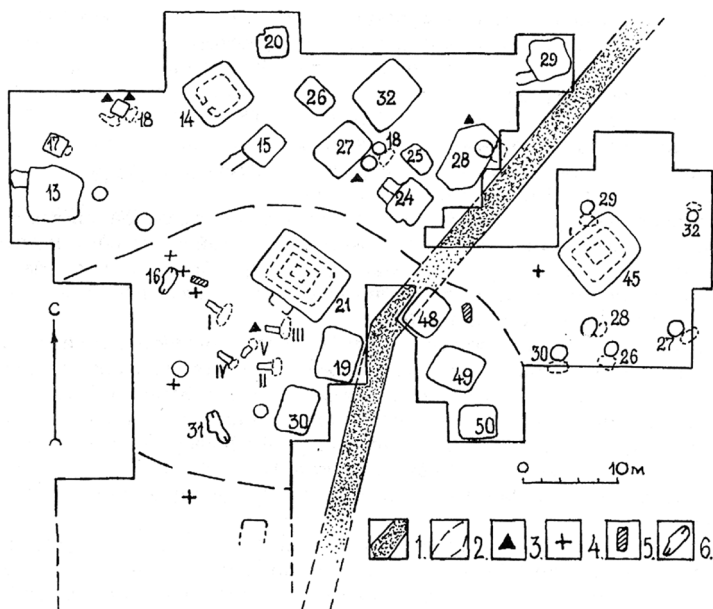
Вторым объектом, изучавшимся в процессе работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, стало Маяцкое селище. Оно является самой крупной территориально и значимой для изучения бытовой культуры частью Маяцкого комплекса. Не будем забывать, что селище охватывает всю 30-гектарную площадь мыса. Итоги проведенных на этом объекте исследований Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции нашли отражение в двух монографиях (Винников, Афанасьев, 1991; Винников, Плетнева, 1998) и серии статей (см. список литературы). Наиболее подробное и полное (отчетное) описание результатов работ, а также авторские суждения о месте и значении Маяцкого поселения в системе древностей салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата содержатся в совместном монографическом исследовании А.З. Винникова и С.А. Плетневой. Анализ публикаций и отчетных материалов позволяет проследить динамику исследовательского поиска, а также обобщить высказанные учеными точки зрения по реконструкции бытовой культуры, строительных и ремесленных навыков жителей поселения.

Вначале охарактеризую сам ход полевых исследований. Селище изучалось на протяжении всех 7 полевых сезонов работы экспедиции. Помимо собственно раскопок участниками экспедиции была проделана трудоемкая работа по выявлению и составлению топографического плана западин на мысу, в результате чего удалось очертить местность, занятую поселением, с большей точностью, чем это было сделано первоначально по распространению на поверхности находок обломков керамики. На мысу зафиксировано около 230 западин. Наиболее значительные скопления западин прослежены в центральной части поселения и вдоль юго-западного склона на пространстве между лесополосой и краем крутого склона (Винников, Плетнева, 1998. С. 13–14).

Показательно, что на центральном участке селища западины группируются гнездами, отделенными друг от друга широкими (20–30 м) участками без западин, то есть свободными от застройки. Всего здесь зафиксировано исследователями 9 или 10 гнезд: 4 расположены на площадках мысков – выступов, остальные в центральной части.

А.П. Покровская и А.З. Винников на Маяцком селище. 1978 г.
 Фото В.С. Флерова (ВМЗ «Д» 2/4 – КФ – 4)

План основной территории раскопа 9 на Маяцком селище.
 Опубликовано А.З. Винниковым, С.А. Плетневой (1998, рис. 67, с. 173)
 1 – дренажная траншея, 2 – граница между участками, 3 – тризны,
 4 – жертвоприношения, 5 – недкопанные дромосы, 6 – вспомогательные
 культовые помещения

Характерной особенностью трех гнезд, обнаруженных на соответствующих мысках, является помещение одной из крупных западин на самом краю закругляющегося выступа, при этом остальные западины в каждом из гнезд располагаются беспорядочно. В то же время вдоль юго-западного края с известной долей допущения прослеживается как будто «линейность» в размещении западин (не выяснено, были ли западины в лесополосе) (Винников, Плетнева, 1998. С. 14). Последующие раскопки были направлены, с одной стороны, на решение задачи по определению границ поселения, а с другой – на изучение сплошными площадями наиболее густо заселенных участков. Вне жилой площадки мыса на склоне северо-восточного оврага в 1978 г. тогда еще студентом ВГУ (ныне доцент ВГПУ) В. Березуцким был открыт так называемый гончарный район, также являвшийся частью Маяцкого поселения. В последующие годы здесь были организованы раскопки.

Всего на селище за годы работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции было вскрыто 5963 м², что составляет примерно 5–6 % всей территории поселения (табл. 1).

Таблица 1

Площадь Маяцкого селища, вскрытая в ходе работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции

№ раскопа	Годы							Вскрытая площадь (м ²)
	1975	1977	1978	1979	1980	1981	1982	
1	+							256
2	+							456
3	+							336
4	+	+						448
5	+							57,5
6	+			+				261
7	+							41
8	+							27,5
9		+	+		+	+	+	3252
10					+			64
11						+		120
12						+		64
13						+		?
14						+		250
Гончарный район				+	+	+		330

На раскопанной площади изучены 52 постройки различного назначения (жилые, хозяйственные, культовые); значительное число хозяйственных ям; более 30 разнохарактерных погребений; выявлен ряд тризн, жертвенников. Нумерация раскопанных объектов на всех 14 раскопах общая: постройки 1–52; ямы 1–32; катакомбы и дромосы – незаконченные катакомбы Ia, I–XII; тризны 1–5; жертвенники 1–6. (Винников, Афанасьев, 1991. С. 5, сноска 13).

Классификация жилых и хозяйственных сооружений, представленных на селище, была разработана А.З. Винниковым (Винников, 1984. С. 95–135), погребальных и культовых объектов – А.З. Винниковым и Г.Е. Афанасьевым (Винников, Афанасьев, 1991. С. 10).

Исходя из классификации С.А. Плетневой салтово-маяцких жилищ в целом, А.З. Винников выделил на Маяцком селище 4 группы по степени углубления, внутри групп существует дополнительная градация по расположению отопительных устройств и особенностям строительной техники; хозяйственные постройки представлены по его классификации наземными сооружениями, полуземлянками и хозяйственными ямами также нескольких типов.

Г.Е. Афанасьев впоследствии для описания традиционного жилища носителей лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры применил статистические методы обработки материала. Базируясь на показателях внутренней планировки, он выделил 15 признаков, различные сочетания которых моделируют типы жилищ (Афанасьев, 1987. С. 64). А затем из общей массы углубленных жилищ выделил 10 типов с относительно устойчивыми сочетаниями элементов (Афанасьев, 1987. С. 66). Их описание, однако, не добавляет принципиально новых характеристик к предложенной А.З. Винниковым классификации применительно к маяцким постройкам.

Погребальные объекты на селище представлены 4 группами, 3 из которых отражают катакомбный обряд захоронения, 4-я – ямный.

1-я группа – катакомбы с входной ямой в виде дромоса. На 3 раскопах (6, 7, 9) исследованы 11 катакомб. Из них 8 выявлены на раскопе 9, где они концентрировались двумя компактными группами: 5 (I–V) соседствовали на юго-западе с постройкой 21 – святилищем (между катакомбами I, III, V обнаружена тризна из двух чернолощеных кружек с зооморфными ручками), 3 (IX–XI) располагались к северу от постройки 39 и к западу от постройки 41. VII, VIII – обнаружены на раскопе 6, Ia – на раскопе 7 (площадь раскопана маленькая

и неясно, есть ли по соседству другие катакомбы). У исследователей есть основания считать, что захоронения в катакомбах с дромосами производились одновременно с функционированием близлежащих построек (Винников, Афанасьев, 1991. С. 11).

2-я группа – катакомбы с входной ямой в виде колоколовидной шахты. На раскопе 9 исследованы 10 катакомб с входными ямами в виде шахт колоколовидной формы. Ямы получили порядковые номера хозяйственных (18, 24–30, 32, в постройке 28). Усыпальницы этого типа концентрировались 3 компактными группами: 6 (26–30, 32) вокруг святилища (постройки 45); 2 (24, 25) к северу от постройки 41; связь между 18 и в постройке 28 условна. Более вероятно предположение об их одновременности с окружающими постройками. Остатки тризны (скопление сосудов – 4 кружки) к юго-западу от ямы 18. Остатки другой тризны с северной стороны в непосредственной близости от постройки 28 (также 4 сосуда, но различных форм) (Винников, Афанасьев, 1991. С. 45).

3-я группа – катакомбы в стенах и полу жилых и хозяйственных построек. На раскопах 2, 6, 9 были исследованы 7 катакомб, при сооружении которых использовались котлованы жилых (2, 34–2 катакомбы) и хозяйственных построек (17, 18–2 катакомбы, 40) (Винников, Афанасьев, 1991. С. 80).

4-я группа – 3 погребения в ямах. Ямные погребения были исследованы на 3 участках – на раскопах 4, 6 и на раскопе у ворот Маяцкого городища. Два захоронения в круглых колоколовидных ямах, напоминающих хозяйственные (в яме 23 рядом с жилой постройкой 34; в хозяйственной постройке 11); одно захоронение в прямоугольной яме недалеко от ворот крепости. В яме (12) выявлено также одно ритуальное захоронение лошади (Винников, Афанасьев, 1991. С. 99).

Исследователями выделено также 5 построек – культовых сооружений (14, 16, 21, 31, 45) (Винников, Афанасьев, 1991. С. 118). Все они выявлены на 9 раскопе в составе культовых комплексов, включающих также захоронения, жертвенники и тризны. Однако функциональное назначение самих построек, по мнению ученых, различно. Постройки 21 и 45 – святилища, спланированные по принципу квадрат в квадрате с остатками кострища в центре (Винников, Афанасьев, 1991. С. 121, 128); постройка 16, по-видимому, служила временным помещением для доставленных к жертвоприношению животных; постройка 31 с очагом в центре также играла какую-то вспомогатель-

ную роль в обряде жертвоприношения (Винников, Плетнева, 1998. С. 207–208); постройка 14 является остатками какого-то общественного сооружения, предназначенного для совершения не только религиозных отправлений, но и для проведения различных собраний. Она могла выполнять функции и какого-то более локального святилища с переносным огнем для небольшой группы жителей (Винников, Афанасьев, 1991. С. 135).

Хотя раскопками оказались охвачены практически все локальные участки селища, наибольшие по объему работы были произведены на северо-западном мысовом участке поселения в пределах соединяющихся друг с другом раскопов 9 и 4. Раскопанная площадь составила 3700 м² (Винников, Плетнева, 1998. С. 45, рис. 9). Вплоть до настоящего времени этот участок поселения остается исследованным наиболее полно.

Статистика полученных результатов показательна. На раскопанной площади данного участка поселения изучено:

- 17 жилых построек, представленных двумя типами: полуземляночные (№ 5, 6, 13, 15, 19, 24, 29, 30, 36, 37, 42, 49, 50) и наземные (№ 10, 22, 38, 41). Именно на этом участке находится одно из самых больших жилых сооружений селища – постройка 5 площадью около 44 м² (Винников, Плетнева, 1998. С. 46).

- 13 хозяйственных, среди которых встречаются как наземные или слегка углубленные в материк (№ 11, 27, 28, 32, 39а, 44), так и полуземлянки (№ 12, 17, 20, 23, 25, 26, 48) (Винников, Плетнева, 1998, с. 73);

- 3 специально выложенные каменные площадки, использовавшиеся, по мнению исследователей, для содержания скота.

Выявлено 18 ям разнообразного назначения, которые по функциональному признаку разделены на 4 группы: 1-я группа (№ 13, 20, 31) – глубокие грушевидные, цилиндрические или конусовидные использовались для хранения зерна или иных продуктов; 2-я группа (№ 16, 21) – были предназначены для установки в них крупных сосудов – пифосов; 3-я группа (№ 14, 15, 17, 19) – являлись основаниями каких-то построек-хранилищ; 4-я группа (№ 18, 24–30, 32) – использовались в качестве входных коридоров – дромосов, в стенах которых вырубались катакомбы для захоронений (Винников, Плетнева, 1998. С. 84).

На площади раскопа, как указано выше, выявлены также все известные к настоящему времени на поселении культовые постройки в составе культовых комплексов.

Раскопки сплошной площадью при больших объемах выполненных работ позволили исследователям выявить соответствующие комплексы, объединяющие жилые, хозяйственные и культовые постройки, связанные с определенными семейно-родовыми кланами. Стала возможна и реконструкция истории развития поселения на этом участке.

Из монографии А.З. Винникова, С.А. Плетневой «На северных рубежах Хазарского каганата»:

«Так, на северо-западном участке поселения единое гнездо большой семьи весьма зримо распадается на две части – северную и южную, не только разделенные широкой (5–8 м) незастроенной полосой, но и имеющие различия как в организации быта, так и в обрядах. Исследователи предложили в качестве гипотезы такой ход развития событий.»

Северная территория была заселена раньше на целое поколение. Поначалу появилось большое престижное жилище (13) на самом краю мыса. Рядом с ним выкопали две обширные хозяйственные ямы и погреб (17), превращенный затем в погребальный комплекс (с захоронением ребенка). Тогда же появилось и святилище (14), которое вскоре по неясным причинам было засыпано. Поблизости от святилища было помещено первое специальное погребальное сооружение (с квадратным дромосом), в котором в двух камерах были похоронены три женщины и ребенок (18). Восточнее расположились три небольших жилых сооружения (15, 24, 29) вперемешку с хозяйственными комплексами. Отделяющее их свободное пространство дополнительно подчеркивает статус владельца мысового жилища.

По мере роста семьи ставились новые дома и хозяйственные комплексы, на восточной окраине гнезда было отстроено новое святилище (45), а вокруг него возникло кладбище. Так – с запада на восток – первоначально осваивалась территория этого мыса.

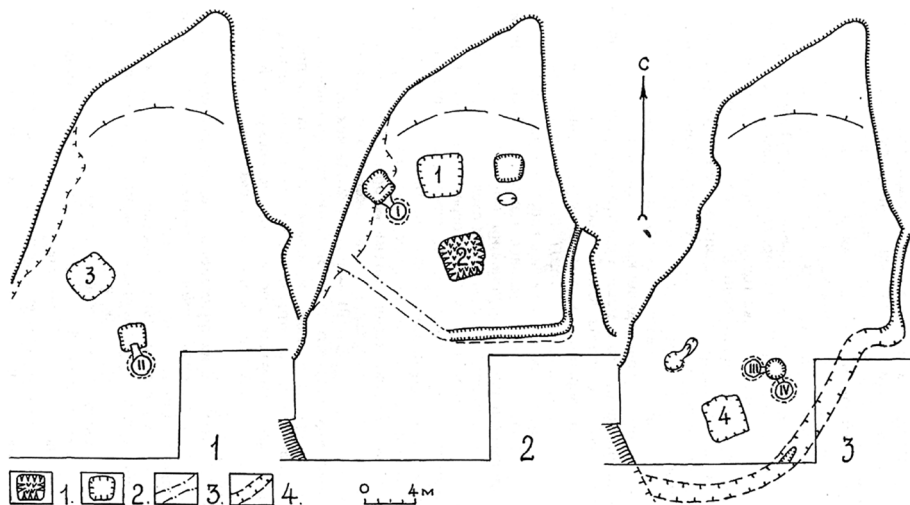
Следующим шагом было выделение «дочерней» большой семьи, расположившейся к югу в непосредственной близости от первой, но четко отделенной от нее свободной от застройки полосой и сформировавшимся своеобразием культурных навыков: разные по функциональному назначению комплексы располагаются компактно на отведенных им площадках. Так, жилища здесь размещены полукругом, но не исключено, что это всего лишь раскопанная часть круга (по древнему обычаю ставить постройки «куреном»), в центре которо-

го должно было находиться еще одно жилище (его следы скорее всего уничтожены при сооружении дренажной канавы). К северо-западу от жилищ было поставлено большое святилище (21), а перед входом в него расположен небольшой могильник из пяти катакомб, обрамленный с западного края несколькими жертвоприношениями и двумя вспомогательными ритуальными помещениями.» (Винников, Плетнева, 1998. С. 174–175).

Аналогичные принципы застройки территории селища зафиксированы в ходе работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции и на других участках поселения, но несопоставимо меньшие раскопанные площади определяют и ограниченные возможности реконструкций.

Не можем не обратить внимание читателей и на выделяющиеся по своим результатам раскопки экспедиции, проведенные на участке перед самым въездом в крепость. В ходе работ были выявлены не только остатки уникальной огражденной дороги в крепость, но и обнаружены две ямные могилы, в одной из которых сохранился скелет праболгарина? (Винников, Плетнева, 1998. С. 136–137). Таким образом, впервые на памятнике были выявлены объекты, относящиеся, возможно, к периоду до строительства крепости.

Как уже было отмечено выше, раскопки были проведены и на участке поселения, получившем название «гончарный район». Раско-

Три этапа застройки участка гончарного района.

Опубликован А.З. Винниковым, С.А. Плетневой (1998, рис. 58, с. 149)

пом была охвачена не вся территория участка с видимыми западинами (около 800 м²), а ее наиболее четко выявившаяся на поверхности часть – 330 м². Были открыты и исследованы котлованы 4 гончарных мастерских, остатки 4 гончарных печей и небольшой котлован от какого-то вспомогательного или недостроенного сооружения (Винников, Плетнева, 1998. С. 146).

Исследователями предложена следующая история сооружения и функционирования открытых сооружений.

Из монографии А.З. Винникова, С.А. Плетневой «На северных рубежах Хазарского каганата»:

«На первом этапе отстроили мастерскую (3) и печь (II). Видимо, строители не учли опасности стока вод по склону и не прорыли в защиту от них ровик, что и привело к быстрому разрушению и мастерской, и печи. После их разрушения ниже по склону поставили мастерскую (2) и печь (I) и «отрезали» участок дренажом. Мастерская сгорела, и тогда соорудили новую, более благоустроенную мастерскую (1) с двумя гончарными кругами. Хозяева ее, вероятно, продолжали пользоваться по-прежнему печью (I), так как попытавшись вырыть новую печь к востоку от своей мастерской, убедились в негодности грунта и прекратили ее сооружение. По-видимому, одновременно с этой застройкой или немного позже поставили выше по склону еще одну близкую типологически мастерскую: тоже с двумя кругами у благоустроенного, тщательно вырезанного в полу чашевидного очага. Эта мастерская сопровождалась печами (III) и (IV), сооруженными с использованием в качестве предпечья разрушенной печи (II).

Период застройки исследованного участка ограничен очень небольшим отрезком времени. Все открытые здесь комплексы в целом функционировали, сменяя друг друга, не более 10–15 лет. Здесь изготавливались простая кухонная посуда и столовая – лощеная, в которую входила и лощеная тарная, составлявшая, вероятно, столовый сервиз керамической посуды. На Маяцком поселении гончарное дело стало отдельной отраслью хозяйства, оно, видимо, прочно перешло из рук женщин – хозяек в руки ремесленников – мужчин и превратилось в товарное производство. Это свидетельство принадлежности Маяцкого поселения к категории наиболее экономически развитых комплексов Хазарского каганата.» (Винников, Плетнева, 1998. С. 148–150).

На основе анализа полученных на селище материалов, стала возможной реконструкция бытовой культуры, строительных и ремес-

ленных навыков жителей поселения. Основные выводы, к которым пришли исследователи, следующие.

По мнению А.З. Винникова и С.А. Плетневой, жилища обитателей Маяцкого селища за редким исключением были обычными полуземлянками с различной степенью углубленности их котлованов в материк. Котлованы вырубались мотыжками, следы обтески стен которыми были неоднократно прослежены. С особенной старательностью обрабатывался пол жилища: он не застилался деревом, не подмазывался глиной. Прекрасно обработанными были деревянные конструкции построек: облицовывались досками стены; над небольшими жилищами чаще возводились двускатные крыши, а над крупными постройками – высокие конические.

Наиболее важное для любого дома отопительное устройство, как правило, в маяцких жилищах помещалось в центральной части пола. В подавляющем большинстве это были открытые «тарелкообразные» очаги. Над очагом подвешивали железный казан или глиняный котел с внутренними ушками. Помимо очагов с приочажным устройством и печей в интерьер жилищ нередко входили небольшие хозяйственные ямы, вокруг которых имелись следы (выемки в полу) перекрывавших их квадратных дощатых крышек. Еще одним компонентом интерьера были лежанки. Они были либо материковые – в виде останцовых выступов вдоль одной из стен, либо деревянные «нары», опирающиеся на столбы. Довольно многочисленные ямочки от столбиков были следами ножек какой-то мебели.

Нельзя не согласиться с выводом А.З. Винникова и С.А. Плетневой о том, что архитектурно-строительная техника в этом отдаленном от основных хазарских центров уголке находилась на достаточно высоком уровне: обитатели поселения могли построить крепость и простой дом, многоярусное святилище и погреб, вырыть хозяйственную яму и сложную катакомбу с разноплановыми дромосами (Винников, Плетнева, 1998. С. 200).

Другим видом ремесленного производства, по мнению А.З. Винникова и С.А. Плетневой, было гончарство. Открытые мастерские, как они пишут, несомненно свидетельствуют о глубоких профессиональных познаниях маяцких гончаров, а изолированность от поселения – о выделении этого ремесла в самостоятельную производственную отрасль, специализировавшуюся на изготовлении товарной продукции, продававшейся как на самом поселении, так и в округе

(Винников, Плетнева, 1998. С. 200). Авторы упоминают и о некоторых косвенных данных о наличии здесь производства ювелирного ширпотреба (Винников, Плетнева, 1998. С. 200).

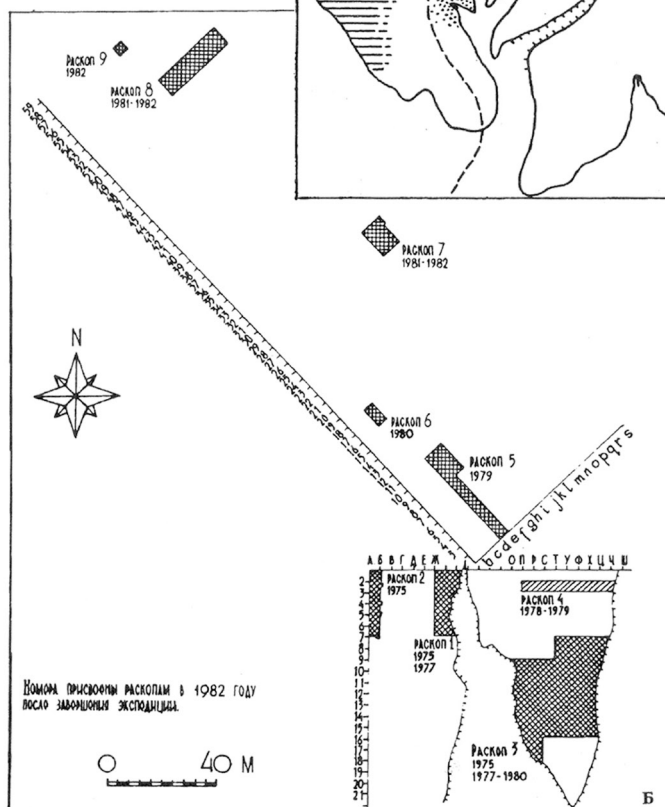
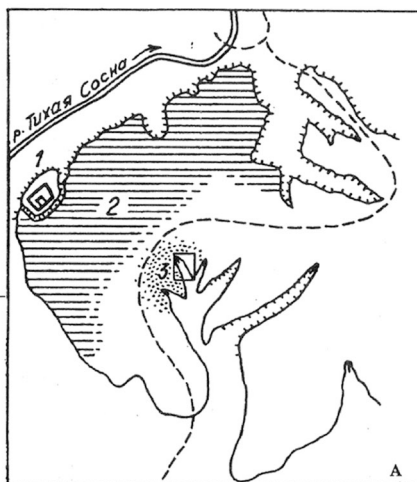
Характеризуя место Маяцкого комплекса в системе салтово-маяцких древностей, исследователи приходят к выводу, что размеры Маяцкого поселения, слабая насыщенность его находками, практическое отсутствие культурного слоя сближает его с основной массой поселений хазарского времени. В то же время громадные размеры поселения, экономические возможности построения на нем великолепной каменной крепости-замка, выделение гончарства в отдельную отрасль – все это свидетельства экономического процветания Маяцкого поселения и всей его округи, во всяком случае, на протяжении не менее столетия (вторая половина IX – первая половина X века) (Винников, Плетнева, 1998. С. 201).

Третьим объектом, который также исследовался Советско-Болгаро-Венгерской экспедицией на протяжении 7 полевых сезонов стал Маяцкий могильник. В первый год работы экспедиции у ее участников сформировалось представление о наличии вблизи крепости сразу трех могильников. Первым могильником именовали часть селища «у берегового северного оврага на северо-восток от городища на расстоянии 350 м от него», на которой проводил раскопки в начале XX века А.И. Милютин, открывший там несколько катакомбных захоронений; второй показали местные школьники на склонах балки, начинающейся у восточной окраины селища и уходящей в юго-восточном направлении; о третьем, находящемся где-то в пределах хутора, рассказал сотрудник Воронежского краеведческого музея Д.Д. Леонов. В связи с этим в отчете за первый год фигурируют два могильника, и ставится задача поиска третьего (Архив ИА РАН. Р-1. № 5313. Л. 4–5). Впоследствии стала очевидной принадлежность территории первого могильника к селищу, могильник на территории хутора не обнаружен до сих пор, так что второй могильник остается пока единственным, относящимся к Маяцкому поселенческому комплексу раннего средневековья.

За 7 лет раскопок исследователям удалось установить, что могильник имеет более 300 м в длину по руслу балки и не менее 100 м в ширину. Истинные размеры, по мнению В.С. Флерова, особенно длина могильника, значительно больше, но, к сожалению, они до сих пор не установлены.

В.Е. Нахпетян и В.С. Флеров. 1980 г.
 Фото В.С. Флерова
 (ВМЗ «Д» 2/7 - КФ - 7)

Расположение раскопов на Маяцком могильнике.
 Опубликовано В.С. Флеровым (1993, рис. 1Б, с. 77)

Всего на могильнике было вскрыто 2426 м², которые составили 9 раскопов (табл. 2) (Флеров, 1993. С. 4):

Таблица 2.

Площадь Маяцкого могильника, вскрытая в ходе работ
Советско-Болгарско-Венгерской экспедиции

№ раскопа	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Вскрытая площадь (м ²)	160	110	928	132	688	32	104	256	16

За 7 полевых сезонов исследовано 120 катакомб, из них 7 недостроенных (№ 14, 22, 24, 26, 27, 29, 119), 9 ямных погребений, 4 подбойных. Кроме того, две катакомбы (№ 25, 43) оставлены нераскопанными в качестве контрольных. Примечательная черта могильника – большое распространение тризн, состоящих преимущественно из целых или преднамеренно разбитых сосудов в неглубоких ямках. Всего открыто 23 тризны (Флеров, 1993. С. 4).

Итак, в ходе работ экспедиции были выявлены и исследованы три типа погребальных сооружений: катакомбы, ямы, ямы с подбоями. Рассмотрим их наиболее принципиальные характеристики.

Первая, выявленная В.С. Флеровым, особенность погребального обряда наиболее массовой катакомбной серии – это абсолютное преобладание одиночных захоронений во всех половозрастных группах (по его подсчетам, из 112 – 95, то есть 85 %). В остальных 17 захоронены исключительно представители малых, парных семей, причем собственно супружеские представлены в 7 (6,3 %). Коллективные погребения на могильнике вообще отсутствуют.

Эта особенность (преобладание одиночных захоронений), по мнению В.С. Флерова, является прямым следствием гипертрофированного у маяцкого населения страха перед погребенными. Именно это не позволяло им вскрывать катакомбы для последующих подзахоронений. Отсюда и незначительные размеры погребальных камер, изначально рассчитанных только на одного человека (Флеров, 1993. С. 20).

Семилетние раскопки, проведенные на Маяцком могильнике, позволили В.С. Флерову сделать вывод о том, что основным типом катакомбы этого могильника является достаточно стандартное сооружение, состоящее из короткого дромоса и полусферической овальной камеры. Дромос и камера стыкуются под прямым углом или с небольшими отклонениями от него. Они всегда соразмерны

человеческому телу, что соответствует преобладанию на могильнике одиночных захоронений. Ориентация дромосов, а соответственно, и камер, зависела исключительно от направления склонов, на которых они располагались, и никогда от сторон света (Флеров, 1993. С. 6, 11). Формы и размеры камер находились прежде всего в зависимости от пола погребенных. Ввиду того, что мужчины всегда погребались вытянуто на спине, их камеры были длиннее женских, но относительно уже. Женщины всегда лежали в скорченной позе. Отсюда камеры с погребениями женщин большей частью короче, а в плане более округлые (Флеров, 1993. С. 13).

Исходя из совершенно незначительной вариабельности размеров погребальных камер в совокупности с незначительными различиями в длине дромосов, В.С. Флеров приходит, на наш взгляд, к справедливому выводу о социальной однородности погребенных во всей серии раскопанных катакомб. Различия в форме и размерах погребальных камер мужчин и женщин также не носят социального характера. Они определяются естественными различиями в росте и особенно в позе захороненных. Заметная дифференциация формы камер на мужские, удлиненные, и женские, овальные, была принята примерно с 10–12-летнего возраста (Флеров, 1993. С. 14).

Анализ состава погребенных не только позволил прояснить некоторые погребальные обычаи, но и дал возможность составить некоторое представление о местной демографической ситуации. По мнению В.С. Флерова, нормальный естественный баланс полов – это лишь одна позитивная сторона демографической ситуации на Маяцком поселении. Вторая заключается в значительной продолжительности жизни особенно мужской части населения и низкой детской смертности (Флеров, 1993. С. 16).

Итак, анализ результатов раскопок на Маяцком могильнике приводит В.С. Флерова к выводу о том, что первым признаком погребального обряда в катакомбах Маяцкого могильника является одиночность погребений. Семейные парные погребения с различными сочетаниями погребенных выступают исключениями из обычных нормативов. Общий для семейных групп катакомбных погребений вывод: мужчины и женщины погребались по традиционному для них способу в сопровождении характерного для своего пола инвентаря. Это дополнительное подтверждение тому факту, что маяцкое население считало основным видом индивидуальные захоронения и

никакой специальной обрядности для семейных погребений не разработало. Погребения взрослых с детьми были ненормальным нарушением жизненного цикла, и при этом захоронение взрослого рассматривалось как основное, а ребенок лишь вынужденно дополнял его (Флеров, 1993. С. 34).

Все прочие сочетания кроме «муж – жена», «родители – дети», местный обычай, по мнению В.С. Флерова, не допускал, хотя они широко представлены на всех прочих известных катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры. Таким образом, за кажущимся хаосом в распределении на площади раскопа мужских, женских и семейных погребений кроется стройная картина общества, в котором господствует парная семья. Прижизненные семейные отношения нашли свое зеркальное отражение в погребальном обряде могильника (Флеров, 1993. С. 17).

Вторая выявленная В.С. Флеровым в ходе исследований устойчивая особенность погребального катакомбного обряда – обязательное расположение погребенных влево головой по отношению к входу в камеру, дромосу в целом (Флеров, 1993. С. 20).

Присутствие же на Маяцком могильнике ямных погребений следует, по мнению В.С. Флерова, рассматривать как исключительное явление, не свойственное местному населению. При этом на памятнике зафиксированы три группы ямных погребений, в которых фактически прослежены две линии погребальной обрядности. Первая требовала полного соблюдения древнеболгарского обряда, вторая допускала ту или иную степень заимствований из катакомбного, при этом какой-либо определенный стандарт еще не выработался, да и вряд ли мог выработаться, т. к. ямные погребения на катакомбных могильниках большого распространения не получили (Флеров, 1993. С. 36).

В целом, как пишет В.С. Флеров, в отличие от катакомбного обряда погребения ямный характеризуется на Маяцком могильнике значительной нестабильностью. Она выразилась в целом ряде признаков: разнообразие конструкций самих ям; многовариантность расположения самих погребенных в могильном пространстве; различия в позах погребенных от принципиальных и существенных (вытянуто или скорченно) до менее значимых (на правом или левом боку – для скорченных); обезвреживание и отказ от него; та или иная степень воздействия катакомбного обряда на ямный. Во-вторых, тер-

риториально ямные погребения неразрывно связаны с катакомбными. В-третьих, присутствие среди взрослых погребенных и подростков исключительно представителей женского пола и значительная вероятность того же для захоронений в ямах малолетних детей. Наконец, возможность различных способов погребения для родившихся в межэтнических браках. Все вместе взятое, по его мнению, рисует проблему ямных погребений, по крайней мере, на катакомбных могильниках, как чрезвычайно сложную и во многом требующую дальнейших исследований. Вероятно, именно женские и детские погребения в конечном итоге дадут наиболее выразительный материал для решения проблемы отношений двух, а возможно, и более этносов в рамках Хазарского каганата (Флеров, 1993. С. 38).

Представляется, что отсутствие мужских погребений в ямах для могильника все-таки не случайно. Ввиду господствовавшего на могильнике обычая одиночных погребений, В.С. Флеров считает, что таким образом захоранивались жены-болгарки (Флеров, 1993. С. 20).

Носители ямного обряда были, по его мнению, в лесостепи в зоне катакомбных могильников, вторичным населением. К сожалению, по его мнению, решить вопрос о происхождении болгарского компонента в маяцкой среде пока невозможно, но, скорее всего, они происходят из ближайших поселений Северского Донца (Флеров, 1993. С. 35–36).

Погребения с подбоями являются самой малочисленной группой погребений. Их 4 (одно захоронение мужчины, два – женщин, одно – совместное погребение мужчины и женщины). Никакой обособленности подбойных погребений нет. Наоборот, они, даже не составляя компактной группы, расположены в самой непосредственной близости от катакомбных.

Погребения с подбоями, помимо конструкции, выделяет на могильнике еще одна важная особенность. В отличие от катакомб, не имевших определенной ориентации, и ямных погребений, чья ориентация зависела от соседних катакомб, погребения с подбоями имели строго определенную ориентацию по сторонам света независимо от рельефа или направления дромосов близлежащих катакомб. Трое одиночных погребенных ориентированы на юго-запад, в парном погребении – на северо-запад (Флеров, 1993. С. 39).

На Маяцком могильнике катакомбы и подбойные погребения конструктивно и по всему обряду, отношению к ориентации, по мне-

нию В.С. Флерова, представляют собой две независимые линии развития погребальных сооружений. На это указывает их синхронность в рамках одной культуры и факт сосуществования в пределах одного могильника. Как пишет В.С. Флеров, нет оснований выделять один из обрядов в социальном отношении: оба занимают один участок могильника, имеют равный по составу и количеству погребальный инвентарь. Пока остается, по его мнению, один вывод-предположение: за катакомбами и подбойными погребениями Маяцкого могильника стоят две различные этнические общности, достаточно сблизившиеся для пользования предметами одной материальной культуры, но не настолько, чтобы забыть погребальные обычаи предков (Флеров, 1993. С. 40).

Подбойные погребения Маяцкого могильника отражали неизвестный до сих пор в салтово-маяцкой культуре обряд. Открытый обряд допускает минимум два варианта положения мужчин – вытянуто на спине и скорченно на боку. Позы женщин единообразны: скорченно, только на правом боку, правая рука вытянута. Степень скорченности максимальна и принудительна. Отличается и характер преднамеренного нарушения скелетов. Оно, в отличие от катакомбных, не ведет к полному разрушению останков погребенных и касается исключительно рук и в меньшей степени плечевого пояса. Разрушение скелетов, опять же в отличие от катакомб, не влекло перемещения или удаления вещей. Несмотря на чрезвычайное своеобразие всего погребального обряда и прежде всего самой формы погребального сооружения, инвентарь подбойных погребений не отличается от катакомбного. Вопрос об этносе подбойных погребений маяцкого типа В.С. Флеров оставляет открытым (Флеров, 1993. С. 41).

Обезвреживание практически всех погребенных в катакомбах, а также значительной части в ямах и подбоях – это, по мнению В.С. Флерова, абсолютно доминирующая особенность Маяцкого могильника. Маяцкий могильник, как он пишет, пока единственный, где разрушалось все. Именно это, по его мнению, определило прочие особенности маяцкого погребального обряда: господство одиночных захоронений, конструкцию катакомб, состав инвентаря и многое другое. «За обрядом обезвреживания стоит сложное мировоззрение и миропонимание, которое предполагало наличие как минимум двух миров и существование реальных связей между ними» (Флеров, 1993. С. 42). При проведении обряда обезвреживания разрушению скеле-

тов предшествовало изъятие большинства находившихся при погребенных вещей (Флеров, 1993. С. 47).

Анализ материалов, полученных в ходе работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции, позволил В.С. Флерову реконструировать последовательность осуществления погребального обряда в маяцких катакомбах. Исследователем выделено три этапа.

Первый этап – это собственно само захоронение умерших. Они укладывались в принятой для мужчин или для женщин позе, то есть вытянуто или скорченно. При этом у некоторых трупов перевязывали ноги, дабы лишить их возможности встать и выйти из могилы в своем еще человеческом облики. Умерший сопровождался обычным набором его личных вещей: одежда, ножи, украшения, амулеты, вооружение. Какая-то часть погребенных снабжалась и керамической посудой. После размещения умершего в погребальной камере она закрывалась каменной плитой или деревянными плахами. Камеры на этом этапе всегда оставались незасыпанными, а дромосы засыпались всегда. С образованием «наддромосного холмика» завершался первый этап (Флеров, 1993. С. 44).

Второй этап включал частичное вскрытие дромоса, удаление закладных плит и плах, проникновение в камеру и разрушение скелетов умерших, сопровождавшееся удалением из камер всех или большей части вещей. Происходило это, вероятно, через несколько лет после захоронения. Степень разрушения, зафиксированная в ходе исследований, была различна: от передвижки нескольких костей до полного разрушения скелета. Характерно отделение черепа, разрушение грудной клетки и рук, а затем и ног. Степень разрушения и манера обращения с костями зависели, по мнению автора раскопок, от особенностей личности погребенного, обстоятельств его смерти и результатов узнавания его потусторонней судьбы по приметам или через общение с ним шамана. Удалению подлежали все составляющие вещевого комплекса, но в первую очередь такие важнейшие, как керамика, поясные наборы и оружие. Исключение – ножи. Именно на этой стадии погребальный обряд достигал своей кульминации (Флеров, 1993. С. 44–49).

Третий этап – заключительный – это вторичное и теперь уже окончательное заполнение катакомбы грунтом. Это заполнение сопровождалось определенными обрядами, материальными остатками которых являются встречающиеся в заполнении древесные угли,

фрагменты керамики, кости животных и некоторые другие находки. Над окончательно засыпанной катакомбой устанавливались надгробные знаки, обозначавшие весь периметр дромоса и подземной камеры. Это, по мнению В.С. Флерова, не вызывает сомнений, т. к. случаи пересечения катакомб не зафиксированы. С сооружением надмогильных знаков сложный и длительный погребальный обряд на Маяцком могильнике завершался (Флеров, 1993. С. 51).

Обычай надмогильных трапез являлся, по мнению В.С. Флерова, органической составной частью и в то же время заключительной стадией всего погребального цикла маяцкого населения. Тризны соорудила лишь незначительная часть населения. Посвящались они почти исключительно мужской части населения. Располагались тризны у торца или сбоку дромоса и на стороне. По составу преобладают керамические тризны. В наборе посуды обязательно присутствие парадной лощеной посуды, особенно индивидуального пользования – кружки, кубышки, горшочки с ручками. Особенность тризн – разрушение всех употреблявшихся сосудов. Предположительно выделяются две типохронологические группы: первые совершались до разрушения скелетов, вторые – после разрушения (Флеров, 1993. С. 69).

Как пишет В.С. Флеров, необходимых стратиграфических данных для доказательства существования обряда обезвреживания для ямных и подбойных погребений получить не удалось. Остаются два аргумента: сам факт их нахождения на могильнике с господствующим обрядом обезвреживания и состояние самих скелетов, подвергшихся той или иной степени разрушения без воздействия роющих животных и грабителей (Флеров, 1993. С. 51).

Кропотливая работа была проведена исследователями по сопоставлению признаков погребальной обрядности захоронений Маяцкого селища и катакомб Маяцкого могильника. Выводы, к которым они пришли, следующие. Погребальный обряд однороден в тех фазах традиции, которые характеризуют подготовку умершего к захоронению, само захоронение, сопровождающий инвентарь. Среди признаков погребальной обрядности, отличающих захоронения селища и могильника, ведущую роль играет местоположение скелетов в камере: в катакомбах могильника они лежат головой влево от входа, а в катакомбах селища вправо (Винников, Афанасьев, 1991. С. 117).

Причины же, по которым население селища в одних случаях хоронило своих покойников прямо на территории поселения в типоло-

гически различных склепах, а в других – устраивало захоронения на территории могильника, до сих пор не нашли отражение в научных исследованиях.

В заключение главы хотим остановиться на вопросах более общего порядка, обсуждаемых исследователями Маяцкого комплекса. Среди таких проблем время существования Маяцкого комплекса. А.З. Винников и С.А. Плетнева считают, что «экономическое процветание Маяцкого поселения и всей его округи» охватывает «не менее столетия (вторая половина IX – первая половина X века)» (Винников, Плетнева, 1998. С. 201). В.С. Флеров полагает, что вопрос о времени возникновения Маяцкого поселения с его крепостью – убежищем должен быть оставлен открытым; по его мнению, вероятно, полного расцвета оно достигает во второй половине IX века; а затем было организовано оставлено, поскольку вещей позднее конца IX – начала X века нет (Флеров, 1993. С. 63–64).

Еще одним вопросом, активно обсуждавшимся исследователями после проведенных работ, стал вопрос о полиэтничности маяцкого населения.

Принципиальная схема этнической интерпретации населения салтово-маяцкой культуры бассейна Дона была изложена в обобщающей работе С.А. Плетневой: катакомбные усыпальницы содержат погребения популяции с долихокранным антропологическим типом аланского происхождения; ямные погребения принадлежат населению с брахикранным антропологическим типом болгарского происхождения; трупосожжения могут быть гипотетически связаны с тюркскими племенами (Плетнева, 1981. С. 69–72).

Выполненный неизменной участницей полевых работ на Маяцком комплексе Т.С. Кондукторовой анализ антропологического материала, позволил ей говорить о том, что «для маяцкого населения характерны черты аланского (верхне-салтовского) морфологического типа» (Кондукторова, 1991. С. 145), но в сериях прослеживается и примесь «людей с брахикранными (зливкинскими, болгарскими) чертами» (Кондукторова, 1991. С. 170). Основываясь на этих выводах, А.З. Винников и С.А. Плетнева высказались за тенденцию постепенного превращения двух главных этнических группировок в единый народ благодаря тесным, крепким и длительным территориальным и брачным связям (Винников, Плетнева, 1998. С. 210). А.З. Винников и Г.Е. Афанасьев нашли яркое выражение синкретизма в

специфике культовых комплексов на селище. С одной стороны, аланские катакомбные захоронения с дромосами в виде прямоугольной ямы – наиболее распространенные в лесостепном варианте салтово-маяцкой культуры и с дромосом в виде колоколовидной ямы, до сих пор неизвестные в данном регионе. С другой стороны – святилища, в основе конструкции которых лежит квадрат в квадрате с культом огня, широко распространенные в тюркском мире (и не только) в эпоху средневековья. Аланские святилища, известные по этнографическому материалу, имеют совершенно иную конструкцию. С одной стороны, жертвенники животных, главным образом лошадей и коз (овец) – неизменных спутников кочевнического хозяйства, с другой – черепа свиней в качестве строительных жертв, свидетельствующие о довольно прочной оседлости (Винников, Афанасьев, 1991. С. 131).

В.С. Флеров считает наиболее ярким проявлением болгарского компонента в среде маяцкого аланского населения наличие ямных погребений. По его мнению, «ввиду господствовавшего на могильнике обычая одиночных погребений, можно предположить, что мужья – представители местного аланского населения захоранивались в катакомбах, а их жены-болгарки – в ямах» (Флеров, 1993. С. 20).

Г.Е. Афанасьев не согласен с однозначной увязкой ямных захоронений с болгарскими (праболгарскими). По его мнению, в бассейне Среднего Дона выделяются четыре этнические группы. Первая – характеризуется салтовским долихокранным морфологическим типом и катакомбной формой погребения; есть все основания признать ее аланское происхождение. Вторая – определяется салтовским долихокранным морфологическим типом и традицией погребения умерших в ямных могилах. Третья – представлена зливкинским брахикранным морфологическим типом и ямными погребениями. Широко распространенная точка зрения о болгарском (проболгарском) происхождении этой группы ему представляется недостаточно аргументированной, хотя принадлежность этого населения к оногуро-булгаро-хазарскому кругу племен вполне реальна. Четвертая общность – население, практиковавшее обряд кремации трупов; существует значительная вероятность того, что это потомки местных предсалтовских восточнопеньковских племен (Афанасьев, 1987. С. 153).

В целом, именно благодаря работам Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции Маяцкий археологический комплекс стал одним из наиболее информативных памятников салтово-маяцкой культуры.

Анализ полученных материалов позволил осветить целый ряд принципиальных вопросов материальной и, в известной мере, духовной культуры населения северной окраины Хазарского каганата. И это несмотря на то обстоятельство, что вскрыта лишь малая толика площади селища и могильника. С окончанием работ экспедиции закончился самый масштабный по объему выполненных полевых работ и последовавших затем научных публикаций период в археологическом изучении Дивногорских памятников.

Г Л А В А 5

Создание музея-заповедника «Дивногорье». Современный этап в изучении археологических памятников (1987–2010 гг.)

Еще в ходе работ Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции ученые-археологи ставили вопрос о создании на базе Маяцкого археологического комплекса музея-заповедника. В отчете за 1978 г. С.А. Плетнева писала: «Воронежский Областной Комитет КПСС и Областной Совет Депутатов Трудящихся заинтересовались результатами работ нашей экспедиции и приняли решение сделать из этого комплекса «музей под открытым небом». В 1979 г. на памятнике будут, видимо, начаты реставрационные работы». (Архив ИА РАН. Р-1. № 7207. Л. 2).

Реставрационные работы в 1979 г. начаты не были, более того потребовалось еще десять лет целенаправленных усилий С.А. Плетневой и А.З. Винникова, а затем и М.И. Лыловой, чтобы идея о создании музея-заповедника начала воплощаться в жизнь. Именно в рамках этой деятельности в мае 1987 г. сотрудники Воронежского областного краеведческого музея под руководством **Марины Ивановны Лыловой** обследовали Маяцкий могильник на предмет степени его сохранности и приняли решение о проведении охранных раскопок на тех участках памятника, которые особенно интенсивно разрушались оврагом.

В ходе полевых работ на могильнике, проведенных в июле-августе 1987 г., под руководством М.И. Лыловой при участии сотрудников ВОКМ, студентов 2-го курса исторического факультета Липецкого госпединститута, специализирующихся студентов исторического факультета ВГУ и школьников была вскрыта площадь 448 м², примыкающая к раскопам 1 и 3 Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции (1975, 1977–1980 гг.).

На исследованной территории оказалось 19 погребальных сооружений и 6 тризн (№ 135–153). При преобладании уже известного типа катакомб, «новыми» для памятника оказались катакомба с камерой в

*Студенты Липецкого педагогического института на раскопках Маяцкого могильника (экспедиция под руководством М.И. Лыловой в 1987 г.).
Из личного архива участника экспедиции А.А. Богданова*

боковой стенке, два погребения с глиняной обмазкой стенок. Последний тип погребений, как указал В.С. Флеров, был впервые встречен на могильниках салтово-маяцкой культуры (Флеров, 1993. С. 5). Только в 1987 г. на могильнике впервые были выявлены погребение лошади в удлиненной прямоугольной яме и захоронение костей собаки, хорошо известные по другим памятникам салтово-маяцкой культуры.

По итогам этих раскопок был написан отчет (Архив ИА РАН. Р-1. № 22834. 62 с.); каких-либо научных публикаций не последовало, поэтому резонанса среди исследователей они не имели. Иное дело – в административных кругах области. Дело в том, что во время проведения раскопок Дивногорье посетил корреспондент газеты «Правда» В. Степнов, и спустя пару месяцев в центральном органе партийной печати появилась его статья «Дивногорье» («Правда» от 14 ноября 1987 г. № 318 (25305)). В ней автор восхищенно писал о красоте здешних мест и сетовал, что уникальные памятники Дивногорья никак не защищены от разрушения, территория до сих пор не получила статус заповедной зоны, а инициативы энтузиастов не получают поддержки у областных властей.

Статью нельзя было обойти молчанием, и она стала предметом обсуждения на одном из заседаний Воронежского Облсполкома,

где начальник областного управления культуры заявил о создании в 1988 г. на территории комплекса памятников «Дивногорье» филиала Воронежского областного краеведческого музея; там же был утвержден и «План первоочередных мероприятий по охране, реставрации и музеефикации комплекса «Дивногорье» (решение облисполкома № 676 от 17.12.1987 г.). Кстати, в «плане» предусматривалось и продолжение охранных археологических раскопок на Маяцком могильнике уже на следующий год – в июле-августе 1988 г. (п. 4). Проведены они не были. Идея же образования музея-заповедника получила дальнейшее развитие, и с 1 августа 1991 г. на базе филиала ВОКМ создается природный, архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье», который с момента его возникновения возглавляет М.И. Лылова (решение облисполкома № 346 от 9.07.1991 г. и приказ областного управления культуры № 247а от 23.07.1991 г.).

После образования музея-заповедника «Дивногорье» полевые археологические исследования на Маяцком комплексе носили эпизодический характер. В 1994–1995 гг. объектом изучения становится Маяцкое селище. Это было связано с реализацией сотрудниками Института археологии РАН научного проекта по разработке и апробированию принципиально новой в археологии исследовательской методики – аэро- и космического зондирования археологических объектов в бассейне Среднего Дона, в рамках которого памятник был избран «в качестве полигона» для отработки приемов практического использования этой методики. Руководитель проекта – **Геннадий Евгеньевич Афанасьев** (уже неоднократно упоминавшийся как один из постоянных участников Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции), участники – **Максим Робертович Зотько** (осуществлял дешифровку аэрофотоснимков и космоснимков объекта) и **Дмитрий Сергеевич Коробов** (возглавил Дивногорский отряд экспедиции ИА РАН и руководил полевыми работами на памятнике). Полнота информации об объектах обеспечивалась комплексом использованных приемов и процедур исследования. В полевых исследованиях принимали участие сотрудники ИА РАН А.Г. Атавин, З.Х. Албегова, О.В. Лопан; керамический материал обрабатывался О.В. Лопан и А.А. Бобринским; палеозоологические определения материала выполнялись Е.Е. Антипиной; палинологические – Е.А. Спиридоновой; ботанические – сотрудницей музея-заповедни-

ВОРОНЕЖСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

РЕШЕНИЕ

9.07.91

№ 346

г. Воронеж

О создании природного, архи-
тектурно-археологического
музея-заповедника "Дивногорье"

Придавая важное значение обеспечению сохранности, более полному использованию в научных и культурно-просветительных целях архитектурно-археологического и природного комплекса памятников "Дивногорье" Лискинского района исполком областного Совета народных депутатов Р Е Ш И Л:

1. Создать на базе филиала Воронежского областного краеведческого музея "Дивногорье", природный, архитектурно-археологический музей-заповедник "Дивногорье".

2. Утвердить:

2.1. Положение о природном, архитектурно-археологическом музей-заповеднике "Дивногорье" (приложение № 1).

2.2. Базовым хозяйством музея-заповедника "Дивногорье" - колхоз "Дивногорье".

3. В соответствии с законом СССР "Об охране и использовании памятников истории и культуры" принять под государственную охрану (местный учет) наземные постройки Дивногорского Успенского монастыря (приложение № 2).

4. На основании Проекта охраняемых зон музея-заповедника "Дивногорье" и решения Лискинского райисполкома управления культуры (т. Соловьеву) до 1.08.91 г. подготовить документацию по отводу земельного участка музей-заповеднику.

5. Отделу здравоохранения облисполкома (т. Моисееву) внести предложения в облисполком о переводе туберкулезного санатория "Дивногорье" из помещений Дивногорского Успенского монастыря.

Председатель исполкома

В. К. Калашников

Управляющий Делами

Н. П. Сидоров

Решение Воронежского Облисполкома
о создании музея-заповедника «Дивногорье»

П Р И К А З

от 23.07.91

№ 247 а

На основании решения облисполкома № 346 от 9.07.91 г.
"О создании природного, архитектурно-археологического музея-заповедника "Дивногорье" и решения облисполкома № 354 от 9.07.91 г.
"О создании государственного археологического музея-заповедника "Костенки"

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Создать с 1 августа 1991 г. на базе филиала Воронежского областного краеведческого музея "Дивногорье" природный, архитектурно-археологический музей - заповедник "Дивногорье". Музей-заповедник является юридическим лицом, находится на самостоятельном балансе, имеет расчетный счет в госбанке, обладает собственным нормативом оборотных средств.

1.1. Назначить с 1.08.91 г. директором музея-заповедника "Дивногорье" т.Лылову Марину Ивановну.

1.2. На основании проекта охранных зон музея-заповедника "Дивногорье" и решения Лискинского райисполкома директору заповедника т.Лыловой М.И. до 1.08.91г. подготовить документацию по отводу земельного участка музею-заповеднику.

2. Создать с 1 июля 1991 г. на базе филиала "Костенки" Воронежского областного краеведческого музея государственный археологический музей-заповедник "Костенки".

2.1. Назначить с 1.07.91г. директором музея-заповедника "Костенки" т.Волкова Дмитрия Анатольевича.

3. Директору музея краеведения т.Звершховскому В.Л. и гл.бухгалтеру т.Максимовой В.В. произвести по акту передачу материальных ценностей, экспонатов и др.оборудования указанным выше заповедникам по состоянию на 1 августа 1991 г.

4. Централизованной бухгалтерии т.Максимовой В.В. до 1.10.91 подготовить документы по передаче на баланс музею-заповеднику "Дивногорье" основных средств, малоценного инвентаря и перечислить на расчетный счет музея-заповеднику в Госбанк остатки средств бюджетных ассигнований.

Начальник управления

В.С.Соловьев

Приказ Управления культуры Воронежского Облисполкома
о создании музея-заповедника «Дивногорье»

Дивногорский отряд ИА РАН. 1995 г. Справа налево: О.В. Лопан, А.Г. Атавин, А.Т. Паутов, Д.С. Коробов (руководитель экспедиции), Н.Ю. Розалиева, Д.Д. Лотарева, М.Р. Зотько. Из личного архива Д.С. Коробова

ка «Дивногорье» М.В. Чернобыловой; радиоуглеродное датирование – сотрудником Института географии РАН – А.Л. Александровским; оцифровка аэрофотоснимков и космоснимков осуществлялась А.А. Стуловым (Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 108).

Исследователи ставили перед собой задачу «разработки методики бесконтактного способа поиска и анализа археологических памятников с помощью аппаратной обработки материалов авиационной и космической съемки земной поверхности» (Архив ИА РАН. Р-1. № 18739. Л. 2). В процессе проведенных лабораторных работ была составлена карта аномальных пятен на территории Маяцкого селища, которые предположительно могли быть связаны своим происхождением с антропогенным влиянием на грунт. В случае достоверности этой гипотезы полученную карту можно было бы рассматривать как схему расположения средневековых жилых, хозяйственных и культовых построек селища (Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 109–110).

Чтобы проверить достоверность такой дешифровки осенью 1994 г. и в июне 1995 г. были проведены специальные контрольные раскопки на тех участках памятника, где выявлялись аномальные

пятна. В течение двух сезонов было заложено шесть раскопов общей площадью около 136 м². Один из них – на территории «хутора гончаров» (раскоп 15), не содержащий признаков культурного слоя и находок (Архив ИА РАН. Р-1. № 18739. Л. 10); остальные – в восточной, северо-восточной и юго-западной части Маяцкого селища (раскопы 13–14, 16–18). Раскопы 16, 17 также не содержали никаких признаков культурного слоя (Архив ИА РАН. Р-1. № 18739. Л. 13; Архив ИА РАН. Р-1. № 19679. Л. 7), а в остальных трех раскопах было выявлено и исследовано 3 постройки салтово-маяцкой культуры (данные им авторами раскопок номера 51–53 продолжают принятую для памятника нумерацию).

На площади двух из них прослежено несколько строительных этапов. Так, на площади постройки 52 удалось зафиксировать два культурных слоя салтовского времени, что позволило исследователям сделать вывод о вторичном использовании котлована заброшенного жилища в качестве предгорновой ямы обжигательной печи, а также указать на аналогичные комплексы на других памятниках культуры (Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 116). Выделенные слои, как показали исследования, к тому же характеризуются различными условиями внешней среды в период их образования: нижний соответствует наиболее влажному и прохладному климату с наибольшим развитием байрачных лесов, а верхний – поначалу сухому и теплomu климату, постепенно увлажняющемуся (Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 121).

Применительно к участку, на котором расположена постройка 53, было выделено 3 периода строительной деятельности (сооружение постройки, устройство глиняной печи и использование котлована для мусорных ям) (Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 117–120).

Для абсолютного датирования выявленных построек впервые для данного памятника был использован радиоуглеродный метод, реализованный на базе Института радиохимии Киева. Полученные абсолютные даты позволили исследователям сделать вывод о том, что уже в середине VIII века сразу же была заселена практически вся территория между городищем и хутором гончаров (Афанасьев, Зотько, Коробов, 1999. С. 121).

После описанных событий прошло еще 13 лет, прежде чем исследования на Маяцком селище были продолжены. Они осуществлялись

Экспедиция Белгородского госуниверситета. 2008 г. В центре – руководитель экспедиции В.А. Сарапулкин. Из личного архива В.А. Сарапулкина

археологической экспедицией Белгородского государственного университета под руководством **Владимира Александровича Сарапулкина**. Целью данных работ было выявление южной границы селища, поскольку в предшествующие годы на южной половине памятника раскопок не проводилось (Сарапулкин, 2008. Л. 4). В период работ было заложено два раскопа (в продолжение принятой нумерации им присвоены номера 19 и 20), первый из которых, площадью 96 м², не содержал культурного слоя (Сарапулкин, 2008. Л. 6), а в площади другого (237 м²) были выявлены две постройки (№ 54, 55) и пять грунтовых погребений (Сарапулкин, 2008. Л. 9–19). Все изученные объекты, по мнению автора отчета, относятся к салтово-маяцкой культуре.

В свете изложенных выше дискуссионных аспектов изучения Маяцкого средневекового комплекса представляется весьма актуальной авторская публикация полученных в ходе раскопок материалов.

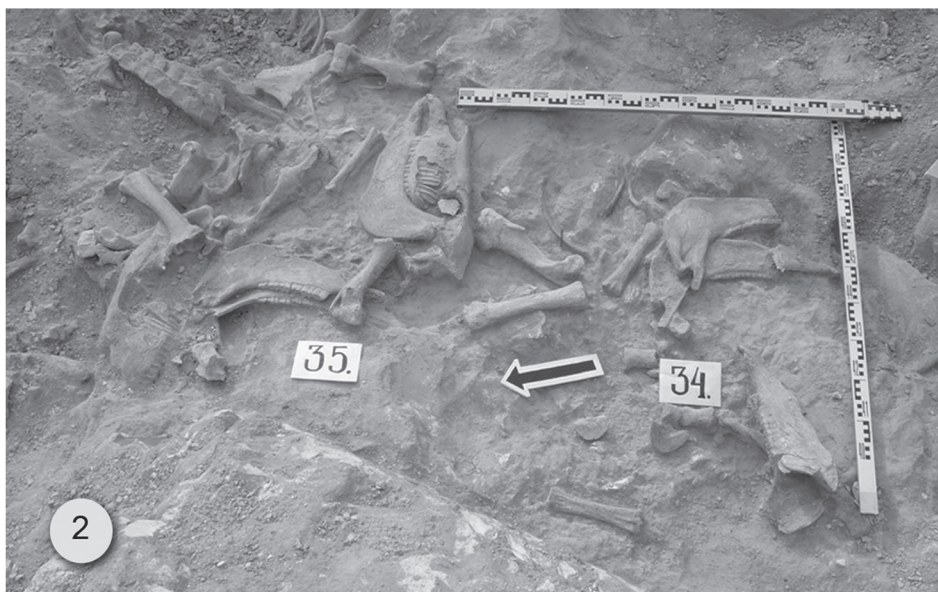
С 2004 г. начинается изучение Дивногорских археологических памятников палеолитической эпохи, на наличие которых в этой

Дивногорье 9. 2009 г. Из личного архива А.Н. Бессуднова

1 - вид на памятник с юга

2 - 5-й уровень залегания костей

местности прозорливо указывал А.А. Спицын еще в начале XX века (см. с. 129 данной книги). Они попали в поле зрения специалистов – сотрудников Липецкой городской научной общественной организации «Археолог» под общим руководством **Александра Николаевича Бессуднова** в ходе проведения разведочных работ на территории музея-заповедника «Дивногорье» в связи с необходимостью дополнительного научного обоснования границ заповедника для последующего утверждения его охранных зон. Тогда было обследовано 15 памятников: 8 поселений (1 поселение известно ранее), 6 известных ранее курганных могильников, а также местонахождение костей животных, выявленное годом раньше местными жителями (Ивашов, Земцов, Бессуднов, 2005. С. 148).

Особое внимание липецких археологов привлекло «костище», получившее наименование «Дивногорье 9». Тогда же остеологическая коллекция была передана на определение Э.А. Вангенгейм и П.А. Никольскому (Институт геологии РАН), которые установили, что все кости происходят от лошадей. Полученная для них первая радиоуглеродная дата $12\ 350 \pm 200$ (ГИН-13192) (Свиридов, Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., 2010. С. 191) подтвердила обоснованность столь пристального интереса.

С 2007 г. экспедиция Липецкого государственного педагогического университета и Липецкой городской научной организации «Археолог» под общим руководством А.Н. Бессуднова проводит ежегодные раскопки на этом памятнике (с 2009 г. в работах принимают участие студенты-практиканты и старшекурсники, специализирующиеся по археологии, исторического факультета Воронежского госуниверситета под руководством Е.Ю. Захаровой).

За прошедшие четыре полевых сезона на площади более 80 м² при глубине раскопа на некоторых участках до 14 м выявлено семь горизонтов залегания костей лошади (единичны случаи обнаружения костей других животных). К настоящему времени имеются 14 радиоуглеродных дат, полученных по костному материалу с шести верхних уровней их залегания, которые, в основном, располагаются весьма компактно в пределах 14–13 тысяч лет назад (Бессудновы, 2010. С. 130, табл. 3). В данном случае мы имеем дело с редким для Восточной Европы в целом типом памятников – местом гибели, а может быть, и забоя диких животных. Последняя интерпретация обретает все больше оснований в связи с постепенным, неуклонным численным

ростом коллекции кремневого инвентаря с памятника. А на одном из уровней залегания костей удалось проследить производственную площадку, в ходе расчистки которой среди костей обнаружено два нуклеуса со снятыми с них отщепами и чешуйками (Бессудновы, 2010. С. 129). Уже сейчас можно говорить о том, что человек палеолитической эпохи посещал костяные, но от однозначной интерпретации характера связи фаунистических и археологических остатков исследователи пока воздерживаются (Бессудновы, 2010. С. 129).

В 2008 г. примерно в двух с половиной километрах к юго-западу от «Дивногорья 9» были открыты еще два памятника: стоянка «Дивногорье 1» и в 200 м от нее местонахождение «Дивногорье 2». На стоянке «Дивногорье 1» ежегодно под руководством **Александра Александровича Бессуднова** (ИИМК РАН) проводятся раскопки ограниченной площадью, так как памятник находится на частном огороде, принадлежащем местному жителю хутора А.Н. Высокому. В процессе работ пополняется серия кремневого инвентаря, имеющая весьма выразительный облик (Бессудновы, 2010. С. 130–133).

Сопоставление свидетельств с трех вышеназванных памятников позволило исследователям сделать вывод об относительной синхронности их функционирования в Дивногорье на исходе поздней поры верхнего палеолита (Бессудновы, 2010. С. 133).

Немаловажным представляется тот факт, что к изучению стоянок ежегодно привлекаются специалисты различных дисциплин естественно-научного профиля. Стратиграфический анализ напластований на стоянке осуществлялся специалистами по четвертичной геологии: президентом Комиссии по изучению четвертичного периода РАН, главным научным сотрудником Геологического института РАН доктором геолого-минералогических наук Ю.А. Лаврушиным и заведующим кафедрой исторической геологии и геоморфологии Воронежского государственного университета, доктором геолого-минералогических наук, профессором Г.В. Холмовым; забор образцов для палинологического анализа разреза сделан старшим научным сотрудником Лаборатории естественно-научных методов Института археологии РАН, кандидатом географических наук Е.А. Спиридоновой, сбор информации на раскопе для реконструкции на нем динамики палеогеографической ситуации в конце плейстоценового периода производился ведущим научным сотрудником лаборатории гидрогеологии Института географии РАН, академиком РАН, доктором гео-

*Исследование памятника Дивногорье 9. 2009-2010 гг.
Фотографии из личного архива А.Н. Бессуднова*

*Начальник экспедиции
А.Н. Бессуднов*

*Г.В. Холмовой, Ю.А. Лаврушин,
М.И. Лылова*

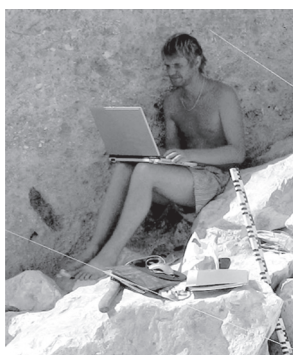
*Ю.А. Лаврушин, Е.А. Спиридонова,
А.Л. Чепалыга*

В.М. Трубихин

*А.А. Свиридов,
Н.Д. Бурова*

А.А. Бессуднов

С.А. Сычева

графических наук, профессором А.Л. Чепалыгой; старшим научным сотрудником лаборатории палеомагнетизма Геологического института РАН, кандидатом геолого-минералогических наук В.М. Трубиным взято 13 проб из разных слоев раскопа на палеомагнитную восприимчивость; на основании разрезов в раскопе и прилегающей территории старшим научным сотрудником лаборатории палеопочвоведения Института географии РАН, кандидатом географических наук С.А. Сычевой активно ведется работа по изучению истории формирования почв.

Остеологическая коллекция ежегодно обрабатывается и определяется палеозоологом, научным сотрудником радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН Н.Д. Буровой. Благодаря полученным палеозоологическим данным, по ее мнению, в позднем плейстоцене в исследуемом регионе обитала дикая лошадь средних размеров (рост этих лошадей в холке колебался от 136 до 144 см). Отдельные артефакты из кремневой коллекции и кости дивногорских памятников со следами порезов изучены ведущим специалистом – трасологом, старшим научным сотрудником ИИМК РАН кандидатом исторических наук Е.Ю. Гирей.

К настоящему времени в «Бюллетене Комиссии по изучению четвертичного периода» увидела свет и первая публикация, отражающая результаты осуществленных на данный момент различных анализов в рамках естественно-научных методов (Лаврушин и др., 2010. С. 23–34). Авторами статьи не только предложена реконструкция природных событий на изучаемой территории в эпоху финального палеолита, но и предложено обоснование закономерностей расположения костеносных скоплений. Это только первые результаты комплексного междисциплинарного подхода к изучению данных объектов. В дальнейшем, полагаю, привлечение специалистов из разных областей естествознания существенно расширит информативные возможности памятников и будет способствовать объективности наших представлений о древнейшем периоде обитания человека в Дивногорье.

В заключение хотелось бы отметить неизменную заинтересованность администрации музея-заповедника «Дивногорье» в проведении дальнейших работ по выявлению и изучению археологических памятников на территории заповедника. Такого рода исследования, без сомнения перспективны и сулят новые открытия.

Заключение

Накопление знаний об архитектурных и археологических памятниках Дивногорья, как мы стремились показать в нашей книге, представляет собой длительный и многогранный процесс, уходящий в прошлое более чем на триста лет, и в то же время устремленный в будущее. Показать его как целостное явление в развитии – вот задача, на выполнение которой были направлены наши усилия при написании данной монографии. Что же касается отдельных деталей и, возможно, неучтенных нюансов, то, надеемся, они украсят последующие исследования в рамках этой темы.

Подведем итоги. Вплоть до конца XIX века из архитектурных и археологических памятников Дивногорья исследовательский интерес представлял лишь местный монастырь, который был одной из крупнейших обителей Воронежской епархии. Благодаря трудам представителей духовного сословия и краеведов, за два столетия был собран большой массив источников по его истории, и, что особенно ценно, были составлены описания современного авторам состояния наземных и пещерных культовых памятников Дивногорья. Это имеет особую ценность ввиду того, что за XX век облик монастыря во многом изменился.

С 1890 года, когда были обнаружены и, главное, сохранены для науки первые находки с Маяцкого селища, начинается изучение и археологических памятников Дивногорья. На первом этапе (1890–1910 гг.) раскопкам была подвергнута площадь городища (включая оборонительные сооружения) и селища (именуемого тогда могильником). Особенно интенсивно памятники изучались в период с 1906 по 1910 гг., когда независимо друг от друга в Дивногорье работали столичные (Н.Е. Макаренко) и местные исследователи (члены ВУАК). В это время и профессиональные археологи, и воронежские любители древностей демонстрируют одинаковый интерес к изучению как культовых, так и собственно археологических памятников. Этот факт наглядно демонстрирует распространение тогда в научном сообществе гораздо более широкого толкования, нежели в современной на-

уке, понятия археологические древности.

Затем более чем на полвека наступает перерыв в изучении архитектурных и археологических памятников Дивногорья. Во многом это было вызвано субъективными причинами, в то время как в связи с дальнейшим развитием науки все острее ощущалась необходимость продолжения работ и раскрытия информативного потенциала этих памятников. Поэтому не случайно, что с конца 60-х гг. XX века их исследование возобновляется.

В первую очередь интерес к культовым, особенно пещерным памятникам, проявили поклонники нового, набирающего популярность туристического направления – спелеотуризма. Их главная заслуга состоит в локализации пещерных комплексов и составлении их схем. Специалистов естественно-научного профиля архитектурные памятники Дивногорья привлекли в связи с тем, что они были вписаны человеком в уникальные памятники природы и слились с ними в единый комплекс. Значительным достижением этого периода было подключение к процессу исследования архитекторов и искусствоведов, сумевших детализировать и структурировать внешнее и внутреннее устройство и оформление культовых пещер, позволяющее в определенной степени проследить строительные периоды в их создании, хотя эта тема на сегодняшний день еще не полностью раскрыта. Дискуссионной остается и проблема датировки памятников, вновь затронутая современными авторами, которые на основе новых данных попытались аргументировать более раннее создание пещер. И пусть сегодня это лишь гипотезы, их обнаружение и дальнейшее изучение проблемы, возможно, поможет достичь в будущем истины. Таким образом, хотя на сегодня архитектурные комплексы Дивногорья исследованы достаточно полно, особенно в сравнении с другими подобными комплексами, в их исторической судьбе есть еще немало нераскрытых аспектов.

В начале 60-х гг. XX века на Дивногорских памятниках вновь побывали и археологи. Заново был снят план крепости, и собран подъемный материал на близлежащей территории в середине следующего десятилетия были возобновлены раскопки. Этот (второй) этап в исследовании Дивногорских памятников связан с работами международной археологической экспедиции под руководством Светланы Александровны Плетневой. В результате Маяцкий археологический комплекс стал одним из наиболее информативных памятников сал-

тово-маяцкой культуры. Анализ полученных материалов позволил осветить целый ряд принципиальных вопросов материальной и, в известной мере, духовной культуры населения северной окраины Хазарского каганата. Но, конечно, нельзя не учитывать того обстоятельства, что в ходе работы экспедиции была вскрыта лишь малая толика площади селища и могильника. Это сохранило за памятником статус объекта, перспективного для дальнейших исследований. И хотя сколько-нибудь сопоставимых по масштабам работ в дальнейшем на Маяцком комплексе не проводилось, тем не менее, многие исследователи независимо друг от друга в последние десятилетия продолжали там раскопки. Правда, большая часть выполненных работ пока не нашла отражения в публикациях.

Главным же содержанием современного этапа в изучении Дивногорских археологических памятников стало выявление и исследование палеолитических древностей. К сожалению, почти неустраиваемыми остаются локализуемые в Дивногорье как поселенческие, так и погребальные памятники эпохи бронзы.

Архитектурные и археологические памятники Дивногорья, насчитывающие уже не один век в своей истории исследования по-прежнему таят в себе множество неразгаданных тайн и ждут новых поколений пытливых исследователей.

Совокупность разноплановых памятников в целом создает гармоничное единство и взаимосвязь всех своих элементов, а потому самой насущной задачей представляется их сохранение. Наиболее актуальной потребностью памятников архитектуры является их реставрация. Что же касается памятников археологии, то впереди долгий путь по их музеефикации.

Список архивных материалов и литературы

Из фондов архива Института истории материальной культуры РАН

Метрика для получения верных сведений о древне-православных храмах Божиих, зданиях и художественных предметах // РА ИИМК. Ф. Р III. Д. 1047. Л. 84–99.

О выдаче художнику Струкову Д.М. свидетельства на право осмотра памятников древности. 11.06.1897–23.03.1898. // РА ИИМК. Ф. 1. 1897. Д. 121. 59 л.

О раскопках ВУАК // РА ИИМК. Ф. 1. 1902. Д. 72. 54 л.

О раскопках ВУАК. 2.07.1908–1.04.1914 // РА ИИМК. Ф. 1. 1909. Д. 38. 114 л.

О раскопках Н.Е. Макаренко в Воронежской, Полтавской и Харьковской губ. 30.04.1905–11.12.1907 // РА ИИМК. Ф.1. 1905. Д. 70. 73 л.

О раскопках Н.Е. Макаренко в Воронежской и Полтавской губ. в 1912 г. 16.05.1912–10.01.1913 // РА ИИМК. Ф. 1. 1912. Д. 145. 26 л.

О раскопках свящ. С.Е. Зверева в Острогожском уезде Воронежской губернии. 7.05.1907–29.04.1909 // РА ИИМК. Ф. 1. 1907. Д. 56. 31 л.

О раскопках члена Комиссии А.А. Спицына в Воронежской губернии и члена Воронежской архивной комиссии А.И. Милютинина // РА ИИМК. Ф. 1. 1906. Д. 68. 74 л.

Об открытии старинного судна и подземных ходов в Воронежской губ. // РА ИИМК. Ф. 1. 1890. Д. 23. 35 л.

Спицын А. Поездка в Воронежскую губернию в 1905 и 1906 гг./ А. Спицын // РА ИИМК. Ф. 5. Д. 90. 15 л.

Спицын А.А. Воронежская губерния./ А.А. Спицын // РА ИИМК. Ф. 5. Д. 148. 15 л.

РА ИИМК. Ф. 69 (фонд Замятина С.Н.). Д. 85.

Из фондов архива Института археологии РАН

Ивашов М.В. Отчет о проведении разведочных археологических работ в округе хутора Дивногорье Лискинского района Воронежской области в 2004 г. / М.В. Ивашов, А.Н. Бессуднов // Архив ИА РАН.

Коробов Д.С. Отчет Дивногорского отряда об археологических

раскопках на Маяцком селище (Воронежская область, Лискинский район, хутор Дивногорье) в 1994 г. / Д.С. Коробов // Архив ИА РАН. Р-1. № 18739. 144 л.

Коробов Д.С. Отчет о полевых исследованиях Маяцкого селища в июне 1995 г. / Д.С. Коробов // Архив ИА РАН. Р-1. № 19679. 87 л.

Лылова М.И. Отчет к открытому листу № 732 об охранных археологических исследованиях на Маяцком могильнике в Лискинском районе Воронежской области в 1987 г. / М.И. Лылова // Архив ИА РАН. Р-1. № 22834. 62 л.

Плетнева С.А. Отчет Северо-Донецкого отряда Нижне-Донской археологической экспедиции о разведках в Воронежской и Ростовской областях и о раскопках селища у с. Дмитровского Белгородской обл. 1962 г. / С.А. Плетнева // Архив ИА РАН. Р-1. № 2471, 2471а. 50 л. Альбом 21 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Советско-Венгерской археологической экспедиции. 1975 г. / С.А. Плетнева // Архив ИА РАН. Р-1. № 5313, 5313 а. 100 л. Альбом 59 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Советско-Венгерской экспедиции. Воронежская область. 1977 г. / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников, В.С. Флеров // Архив ИА РАН. Р-1. № 6959, 6959а-е. 101 л. Альбомы: 41 л., 40 л., 42 л., 36 л., 52 л., 105 л.

Плетнева С.А., Отчет о раскопках Маяцкого городища в 1978 г. / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев // Архив ИА РАН. Р-1. № 7207. 132 л.

Плетнева С.А. Отчет о раскопках Маяцкого селища. 1978 г. / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников, В.С. Флеров // Архив ИА РАН. Р-1. № 7204, 7204а. 55 л. Альбом 107 л.

Плетнева С.А. Отчет о раскопках Маяцкого могильника – 2. 1978 г. / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников, В.С. Флеров // Архив ИА РАН. Р-1. № 7206. 74 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции на Маяцком городище в 1979 г. / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев // Архив ИА РАН. Р-1. № 7583.

Плетнева С.А. Отчет Советско-Венгро-Болгарской экспедиции о работах на Маяцком городище. 1980 г. / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников, В.С. Флеров // Архив ИА РАН. Р-1. № 8154, 8154а, б. 82 л. Альбомы: 98 л., 85 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. 1981 г. / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников, В.С. Флеров // Архив ИА РАН. Р-1. № 9055. 115 л.

Плетнева С.А. Отчет о работе Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции в 1982 г. / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников, В.С. Флеров // Архив ИА РАН. Р-1. № 8946, 8946а. 111 л. Альбом 61 л.

Сарапулкин В. А. Отчет о раскопках Маяцкого селища в 2008 г. / В.А. Сарапулкин // Архив ИА РАН.

Свиридов А.А. Отчет о проведении охранных археологических работ на местонахождении неоплейстоценовой фауны у хутора Дивногорье Лискинского района Воронежской области в 2007 г. / А.А. Свиридов // Архив ИА РАН.

Отдел письменных источников

Государственного исторического музея

ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 288. (Фотографии вещей из Воронежского краеведческого музея).

Документы Природного, архитектурно-археологического музея-заповедника «Дивногорье»

Вязкова О.Е. Отчет о научно-исследовательской работ по теме: Изучение условий процесса выщелачивания меловых пород исторических памятников «Дивногорья» / О.Е. Вязкова. – М., 1993. – 106 с.

Вязкова О.Е. Отчет о повторном инженерно-геологическом обследовании памятников Дивногорском музее-заповеднике и рекомендации по их защите и реставрации / О.Е. Вязкова. – М., 2011. – 18 с.

Квашина Е. Архитектурная история памятников Дивногорья. Методическая записка по проведению обмеров / Е. Квашина. – 4 с.

Усятинская Л.Б. Паспорт на памятник истории и культуры СССР. Церковь в честь Рождества св. Иоанна Предтечи (пещерная) / Л.Б. Усятинская. – 1977а.

Усятинская Л.Б. Паспорт на памятник истории и культуры СССР. Кельи церкви в честь Рождества св. Иоанна Предтечи (пещерная) / Л.Б. Усятинская. – 1977б.

Усятинская Л.Б. Паспорт на памятник истории и культуры СССР. Церковь Пресвятой Богородицы (пещерная) / Л.Б. Усятинская. – 1977в.

Усятинская Л.Б. Паспорт на памятник истории и культуры СССР. Кельи церкви в честь Пресвятой Богородицы / Л.Б. Усятинская. – 1977 г.

Яковлев И.В. Историческая записка к проекту зон охраны музея-заповедника / И.В. Яковлев, А.Б. Тренин, В.Л. Берлин. – М., 1989 – 87 с.

Агапов И.А. Краткий обзор возникновения и развития культовых пещерных памятников Среднего Придонья / И.А. Агапов // Спелеологические Исследования. – Вып. 4 : Культовые пещеры Среднего Дона. – М. : РОСИ, 2004. – С. 198–210.

Агапов И.А. Крупнейшие пещерные монастыри России. Краткий обзор / И.А. Агапов // Спелеология и спелеология: развитие и взаимодействие наук: материалы междунар. науч.-практ. конф. 16–20 нояб. 2010 г. – Набережные Челны, 2010. – С. 215–222.

Амвросий Дивногорский монастырь / архим. Амвросий // История Российской иерархии, собранная Новгородской семинарии ректором и богословия учителем, бывшим Антониева, а ныне Юрьевского Новгородского монастыря архимандритом Амвросием. – М. : Синодальная типография, 1812. – Ч. IV. – С. 31–37.

Амелькин А.О. Архитектурная история пещерных памятников Дивногорья / А.О. Амелькин // Археологические исследования Высшей педагогической школы : сборник науч. тр. (к 25-летию археол. экспедиции Воронеж. пед. ун-та). – Воронеж, 1996. – С. 208–217.

Амелькин А.О. Дивногорская обитель / А.О. Амелькин // Русская провинция. Вып. 2. Сост. Р.В. Андреева – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1995а. – С. 136–152.

Амелькин А.О. Древнейший монастырь Воронежского края / А.О. Амелькин // Воронежский епархиальный вестник. – 1995б. – № 7–12.

Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – Л., 1962. – 524 с.

Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии / М.И. Артамонов // СА. – М.; Л., 1940. – Вып. VI. – С. 130–165.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону (по материалам Северо-Кавказской экспедиции) / М.И. Артамонов // Известия ГАИМК. – 1935. – Вып. 131. – 118 с.

Археологическая хроника за вторую половину 1907 г. Воронежская губерния // Известия ИАК. Прибавление к вып. 26. – СПб., 1908. – С. 26–27.

Афанасьев Г.Е. Большая семья у алан / Г.Е. Афанасьев // СА. – 1984. – № 3. – С. 66–82.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. / Г.Е. Афанасьев. – М.: Наука, 1993. – 184 с.

Афанасьев Г.Е. Исследования южного угла Маяцкой крепости в 1977–1979 гг. / Г.Е. Афанасьев // Маяцкое городище: труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М.: Наука, 1984. – С. 26–56.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) / Г.Е. Афанасьев – М.: Наука, 1987. – 200 с.

Афанасьев Г.Е. Первые шаги «космической археологии» в России (к дешифровке Маяцкого селища) / Г.Е. Афанасьев, М.Р. Зотько, Д.С. Коробов // РА. – 1999. – № 2. – С. 106–122.

Багалей Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства / Д.И. Багалей. – М., 1887. – 615 с.

Бережной А.В. Дивногорье: природа и ландшафты / А.В. Бережной, Ф.Н. Мильков, В.Б. Михно ; под ред. Ф.Н. Милькова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. – 128 с.

Бессуднов А.А. Новые верхнепалеолитические памятники у хутора Дивногорье на Среднем Дону / А.А. Бессуднов, А.Н. Бессуднов // РА. – 2010. – № 2. – С. 125–134.

Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии / Е.А. Болховитинов. – Воронеж : Типография губернского правления, 1800. – 228 с.

Василева Д. Конструкция и техника стройки стен Маяцкого городища / Д. Василева // Маяцкий археологический комплекс : материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1990. – С. 218–233.

Введенский С.Н. Сведения о Воронежском архиерейском доме и о монастырях Воронежской епархии, по Ведомостям Коллегии Экономии 1739–1741 гг. / С.Н. Введенский // Воронежская старина. Вып. 7. – Воронеж : Типо-Лит. Т-ва «Н. Кравцов и К°», 1908. – С. 45–56.

Вейнберг Л.Б. Городища и курганы в Воронежской губернии: Извлечено из дел Воронежского губернского статистического комитета / Л.Б. Вейнберг // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний : Воронежские акты. – Т. 1. – Воронеж, 1887. – С. 412–420.

Вейнберг Л.Б. Очерк замечательнейших древностей Воронежской губернии. Предисловие и рисунки Е.Л. Маркова / Л.Б. Вейнберг. – Воронеж : Типо-литография губернского правления, 1891. – 106 с.

Вейнберг Л.Б. Распространение христианства на Украине (краткий исторический очерк, составленный по неизданным документам) / Л.Б. Вейнберг. – Воронеж : Типо-литография губернского правления, 1889. – 81 с.

Веселовский Г.М. Город Острогожск Воронежской губернии и его уезд / Г.М. Веселовский. – Воронеж : Типография губернского правления, 1867. – 220 с.

Веселовский Г.М. Города Воронежской губернии. Их история и современное состояние. С кратким очерком всей Воронежской губернии / Г.М. Веселовский, Н.В. Воскресенский. – Воронеж : Типография Г.М. Веселовского, 1876. – 152 с.

Винников А.З. Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища (Результаты раскопок 1975, 1977, 1978 гг.) / А.З. Винников // Маяцкое городище: труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М. : Наука, 1984. – С. 95–135.

Винников А.З. Культовые комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции) / А.З. Винников, Г.Е. Афанасьев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 192 с.

Винников А.З. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение / А.З. Винников, С.А. Плетнева. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1998. – 216 с.

Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1905 г. – СПб. : Типография Гл. Управления Уделов, 1908. – С. 84–86.

Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1906 г. – СПб. : Типография Гл. Управления Уделов, 1909. – С. 109–111.

Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1907 г. – СПб. : Типография Гл. Управления Уделов, 1910. – С. 102–103.

Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1908 г. – СПб. : Типография Гл. Управления Уделов, 1912. – С. 163–165.

Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1909–1910 гг. – СПб. : Типография Гл. Управления Уделов, 1913. – С. 189–190.

Воронежская епархия в настоящем ее состоянии // Воронежские епархиальные ведомости. – Воронеж, 1866. – № 5. – С. 106–113.

Воссоединение Украины с Россией : документы и материалы в трех томах / под ред. П.П. Гудзенко и др. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 2 : 1648–1651 годы. – 1953. – 557 с.

Г.Д. Дивногорск (очерк из путевых заметок) / Г.П. Данилевский // Литературные прибавления к Журналу Министерства Народного Просвещения. – 1853 (ноябрь). – С. 6–18.

Гмелин С. Путешествие по России для исследования трех царств естества / С. Гмелин. – СПб., 1771. – Ч. 1. – 274 с.

Гольянов Э.В. Донские пещеры / Э.В. Гольянов // Заповедные уголки Воронежской области. – Воронеж : ЦЧКИ, 1983. – С. 68–71.

Дивногорский монастырь // Воронежские епархиальные ведомости. – 1882. – №16. – С. 152–166

Долгушев А. «Дивные горы» Придонья / протоиерей Александр Долгушев // Воронежский епархиальный вестник. – 1995. – № 5–6. – С. 67–69.

«Дом отдыха» в бывшем Дивногорском монастыре. Торжественное открытие // Наша жизнь. 1924, 20 мая.

Журналы заседаний ВУАК // Труды ВУАК. – Вып. 1. – Воронеж : Печатня С.П. Яковлева, 1902. – Отдел III. – С. I–XLVII.

Загоровский В.П. Из истории городов на Белгородской черте / В.П. Загоровский // Из истории Воронежского края. – Воронеж, 1966. – Вып. 2.

Замятнин С.Н. Очерки по доистории Воронежского края (каменный и бронзовый век в Воронежской губернии) / С.Н. Замятнин. – Воронеж, 1922. – 16 с.

Зверев С.Е. Следы христианства на Дону в домонгольский период / С.Е. Зверев // Труды X Археологического съезда. – М., 1899. – Т. 1. – С. 316–326.

Зотько М.Р. Работы Дивногорского отряда на Маяцком селище / М.Р. Зотько, Д.С. Коробов // АО 1994 г. – М., 1995.

Ивашов М.В. Исследования на территории лесостепного Подонья / М.В. Ивашов, Г.Л. Земцов, А.Н. Бессуднов. // АО 2004 г. – М. : Наука, 2005. – С. 145–148.

К 20-летию музея-заповедника «Дивногорье». К 180-летию обретения в Больших Дивах Чудотворной иконы Сицилийской Божией Матери / публикация подготовлена Н.С. Супоницкой по историческим запискам группы исследователей под руководством В.И.Яковлева // Краеведческий альманах «Петровская слобода». – Лиски, 2011. – № 4. – Ч. I. – С. 59–69

Кондратьева С.К. Из истории Дивногорья в XVII в. / С.К. Кондратьева // Вопросы истории славян: сб. науч. тр. – Воронеж : Научная книга, 2010. – Вып. 20. – С. 77–89.

Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы Маяцкого селища / Т.С. Кондукторова // Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – С. 144–170.

Кондукторова Т.С. Палеоантропологические материалы из Маяцкого могильника / Т.С. Кондукторова // Маяцкое городище : тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М. : Наука, 1984. – С. 200–236.

Коробов Д.С. Работы Дивногорского и Кисловодского отрядов в 1994–2002 гг. / Д.С. Коробов // 30 лет Отделу охранных раскопок : тр. Отдела охранных раскопок. Т. 2. – Тула: Гриф и Ко., 2004. – С. 90–92.

Коробов Д.С. Результаты работ на Маяцком селище / Д.С. Коробов, М.Р. Зотько // АО 1995 г. – М., 1996. – С. 151–152.

Крейс К.И. Экстракт из журнала, держанного от господина вице-адмирала Крейса на пути из Москвы на Воронеж, с Воронежа на Азов, на Таганрог и в Керчь, а оттуда паки назад к Азову... 1699 г. / К.И. Крейс; пер. П. Ларионова // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. – Ч. 8. – Спб. : В Морской типографии, 1850. – С. 367–394.

Кременецкий А.С. Успенский Дивногорский монастырь, находящийся в Воронежской губернии, и его святыня Сицилийская Чудотворная икона Божией Матери / А.С. Кременецкий. – М., 1999 : печатается по изданию Воронеж, 1912 (127 с.). – 60 с.

Кригер Л.В. Железнодорожная станция Дивногорье. Дивногорский Успенский мужской монастырь / Л.В. Кригер, Т.Н. Панкратова, В.И. Плужников // Материалы свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область : Лискинский, Новохоперский районы. – Вып. 3. Ч. II. – М. : Россий. ин-т культурологи, 1993. – С. 39–53.

Кулаков О.В. Жемчужина средней полосы России. Дивногорье : [фотоальбом] / О.В. Кулаков; под. ред. М.И. Лыловой, В.В. Бондаревой. – Воронеж, 2010. – 56 с.

Кызласов И.Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа / И.Л. Кызласов. – М., 1990.

Кызласов И.Л. Рунические надписи Маяцкого городища / И.Л. Кызласов // Маяцкий археологический комплекс : материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1990. – С. 10–40.

Кызласов И.Л. Рунические письменности Евразийских степей / И.Л. Кызласов. – М. : Восточная лит-ра РАН, 1994. – 327 с.

Лаврушин Ю.А. Дивногорье (Средний Дон) : природные события времени финального палеолита / Ю.А. Лаврушин, А.Н. Бессуднов, Е.А. Спиридонова, Н.П. Кураленко [и др.] // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. – 2010. – № 70. – С. 23–34.

Ликвидация Дивногорского монастыря // Наша жизнь. – 1922, 10 сент.

Литвинов В.В. Памятные книжки Воронежской губернии (1856–1906 гг.). Их содержание и сотрудники (Окончание) / В.В. Литвинов // Памятная книжка Воронежской губернии на 1907 г. – Воронеж : Типо-Литография губернского правления, 1908. – С. 1–112.

Лопан О.В. Новые данные о керамике Маяцкого селища / О.В. Лопан // Практика и теория археологических исследований. Труды Отдела охранных раскопок. Т. 1. – М. : ИА РАН, 2001. – С. 105–121.

Ляпушкин И.И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона / И.И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62 : Труды Волго-Донской археологической экспедиции. – Т. 1. – М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – С. 85–150.

М.Т. Археологические находки // Воронежский телеграф. – 1902, 3 февр. – № 15.

Майнов В.Н. Остатки засечно-сторожевой линии в пределах Воронежской губернии / В.Н. Майнов // Древняя и новая Россия. – 1875. – № 5. – С. 68–69.

Макаренко Н.Е. Археологические исследования 1907–1909 годов / Н.Е. Макаренко // Известия ИАК. – Вып. 43. – СПб. : Типография Гл. Управления Уделов, 1911. – 130 с.

Макаренко Н.Е. Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 году / Н.Е. Макаренко – СПб. : Типография В.Ф. Киршбаума, 1906. – 40 с.

Марков Е.Л. Поездка в Дивногорье / Е.Л. Марков // Русский вестник. – 1891. – Т. 214, № 5 (май). – С. 128–147; № 6 (июнь). – С. 157–182. Переиздано: *Бережной А.В.* Марков Евгений Львович и его краеведческие очерки о Воронежском крае. – Воронеж : Научная книга, 2007. – С. 160–207.

Мастыкова А.В. Типология бус из погребений Маяцкого селища / А.В. Мастыкова // Винников А.З., Афанасьев Г.Е. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). – Воронеж, 1991. – С. 170–182.

Материалы свода памятников истории и культуры Российской Федерации. Воронежская область : Лискинский, Новохоперский районы. – Вып. 3. Приложение к Ч. II. Иллюстрации М.Ю. Дьякова. – М. : Россий. ин-т культурологи. – 24 с.

Матолчи Я. Кости животных с городища, селища и могильника / Я. Матолчи // Маяцкое городище. – М. : Наука, 1984. – С. 237–260.

Мильков В.Ф. Донское Дивногорье / Ф.Н. Мильков, А.В. Бережной, В.Б. Михно // Природа. – Воронеж, 1995. – № 9. – С.33–44

Милютин А.И. Раскопки 1906 г. на Маяцком городище / А.И. Милютин // Известия ИАК. – Вып. 29. – СПб. : Типография Гл. управления уделов, 1909. – С. 153–163.

Нахапетян В.Е. Граффити Маяцкого городища / В.Е. Нахапетян // Маяцкий археологический комплекс : материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1990. – С. 41–91.

Никольский П.В. Материалы по истории монашества на Дону // Воронежская старина. Воронеж, 1904. – Вып. 5. – С. 6–108.

Никольский П.В. Монашество на Дону / П.В. Никольский // Воронежская старина. – Воронеж, 1908. – Вып. 7. – С. 59–159.

Никольский П.В. Монашество на Дону : Пещерокопательство в XIX в. / П.В. Никольский // Воронежская старина. – Воронеж, 1910, Вып. 9. С. 150–181.

Никольский П.В. Успенский Дивногорский монастырь (Исторический очерк) / П.В. Никольский. – Воронеж : типография Исаева. – 1904. – 49 с. Переиздано: Каменка, 1998. – 75 с.

Орлова М. Сергей Никольский: «Чем ниже моя голова, тем глубже мои мысли» / М.Орлова // АиФ Черноземье. – Вып. 8 (766). – 2010, 24 февр.

Отечественные достопримечательности, или изображения Русских исторических памятников и необыкновенных произведений Природы, Наук и Художеств, находящихся в России. – М., 1823. – Ч. I. – 220 с.

Отчет о деятельности ВУАК за второй год ее существования (1 декабря 1901 г. – 1 декабря 1902 г.) // Труды ВУАК. Вып. II. – Воронеж, 1904. – С. XXXIII–XXXVI.

Отчет о деятельности ВУАК за шестой год ее существования (1 декабря 1905 г. – 1 декабря 1906 г.) // Труды ВУАК. Вып. IV. – Воронеж, 1908. – Отдел III. – С. LXXXI–LXXXVIII.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1863–1864 г. – Воронеж : Типография губернского правления, 1864. – 239 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1887 г. – Воронеж : Типо-Литография губернского правления, 1887. – 560 с.

Памятная книжка Воронежской губернии на 1907 г./ под. ред. Д.Г. Тюменева. – Воронеж : Типо-Литография губернского правления, 1908. – 614 с.

Памятная книжка для жителей Воронежской губернии на 1856 г. /

под. ред. Н.И. Второва. – Воронеж : Типография губернского правления, 1856. – 302 с.

Папков А.И. Приобретение государством церковной утвари для снабжения храмов и монастырей на юге России в конце XVI – первой половине XVII в. / А.И. Папков // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв. – Курск, 2009. – С. 97–100.

Петрова Т. Пещерные монастыри как явление русской духовной культуры / Т. Петрова // К Свету. – М., 1993. – № 17. – С. 90–115.

Плетнева С.А. Маяцкое городище / С.А. Плетнева // Маяцкое городище: тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М. : Наука, 1984. – С. 3–19.

Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. / С.А. Плетнева. – М. : Наука, 1967. – 194 с.

Плетнева С.А. Печенег, торки и половцы в южнорусских степях / С.А. Плетнева // Материалы и исследования по археологии СССР. № 62 : труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 1. – М.; Л., 1958. – С. 151–226.

Плетнева С.А. Работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / С.А. Плетнева // АО 1979. – М. : Наука, 1980. – С. 69–70.

Плетнева С.А. Работы Советско-Венгерской экспедиции / С.А. Плетнева // АО 1975. – М. : Наука, 1976. – С. 80–81.

Плетнева С.А. Рисунки на стенах Маяцкого городища / С.А. Плетнева // Маяцкое городище: тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М. : Наука, 1984. – С. 57–94.

Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура / С.А. Плетнева // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М. : Наука, 1981. – С. 62–75.

Плетнева С.А. Работы Советско-Венгерской экспедиции / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.Г. Атавин, А.З. Винников [и др.] // АО 1977. – М. : Наука, 1978. – С. 77–78.

Плетнева С.А. Работы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников // АО 1982. – М. : Наука, 1984. – С. 73.

Плетнева С.А. Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников // АО 1980. – М. : Наука, 1981. – С. 72–73.

Плетнева С.А. Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция / С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников // АО 1981. – М. : Наука, 1983. – С. 77–78.

Плетнева С.А. Советско-Болгаро-Венгерская экспедиция /

С.А. Плетнева, Г.Е. Афанасьев, А.З. Винников, В.С. Флеров // АО 1978. – М. : Наука, 1979. – С. 80.

Плетнева С.А. Гончарные мастерские Маяцкого комплекса / С.А. Плетнева, К.И. Красильников // Маяцкий археологический комплекс : материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1990. – С. 92–139.

Плетнева С.А. Совместные советско-болгаро-венгерские археологические исследования / С.А. Плетнева, В.С. Титов // Вестник АН СССР. – 1982. – № 9. – С. 94–107.

Плужников В.И. Пещерные монастыри на Дону и Осколе / В.И. Плужников // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Города, ансамбли, зодчие. Москва, 1985. – С.93–115.

Полева Ю.В. Культурно-семантический аспект почитания пещер в Нижнем Поволжье и Подонье / Ю.В. Полева. – Волгоград : ВГАФК, 2009. – 139 с.

Попов П. На земле и под землей / П. Попов // Молодой коммунар. 1987, 1 окт.

Правдин А.М. Акты Дивногорского Успенского монастыря // Воронежская старина. Воронеж, 1902. – Вып. 1. – С. 57–90.

Самбикин Д.И. Краткое сведение о Дивногорском Успенском монастыре / Дмитрий (Самбикин) архим. // Воронежские епархиальные ведомости. Прибавление к № 16 (15 авг.). – Воронеж, 1882. – С. 511–559.

Самбикин Д.И. Краткое сведение о Дивногорском Успенском монастыре / Дмитрий (Самбикин) архим. – Острогоск : Типо-Литография А.К. Крылова, 1899. – 50 с.

Самбикин Д.И. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии / Д.И. Самбикин. – Вып. 2. – Воронеж, 1886а. – 412 с.

Самбикин Д.И. Указатель храмовых празднеств в Воронежской епархии / Д.И. Самбикин. – Вып. 4. – Воронеж, 1886б. – 412 с.

Самбикин Д.И. Хронологический указатель церквей в Воронежской епархии (1586–1886) / Д.И. Самбикин. – Воронеж : Типография В.И. Исаева, 1886в.

Свиридов А.А. Раскопки местонахождения неоплейстоценовой фауны у хутора Дивногорье Воронежской области / А.А. Свиридов, А.Н. Бессуднов, А.А. Бессуднов // АО 2007. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – С. 191–192.

Свято-Успенский Дивногорский монастырь. Православные монастыри. Вып. 56. – М. : Де Агостини, 2010. – 32 с.

Случайные находки: Воронежская губерния // Отчет ИАК за 1902 г. – СПб. : Типография Гл. Управления Уделов, 1904. – С. 125.

Случайные находки: Из Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1890 г. – СПб. : Типография Гл. Управления Уделов, 1893. – С. 117.

Смирнов С.В. Монастыри Воронежской епархии : [фотоальбом] / С.В. Смирнов, С.С. Смирнов. – Воронеж : Новый взгляд, 2007. – 140 с.

Спицын А. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца / А.Спицын // ЖМНП. Новая серия. Ч. XIX. – СПб., 1909. – С. 67–79.

Спицын А.А. Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении: III. Воронежская губ. / А.А. Спицын // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1–2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895а. – СПб., 1896. – С. 132–140.

Спицын А.А. Сведения 1873 года о городищах и курганах: Воронежская губ. / А.А. Спицын // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1–2. Новая серия. Труды отделения русской и славянской археологии. Книга первая. 1895. – СПб., 1896б. – С. 286–306.

Степкин В.В. Пещера у с. Селявное – «Ухо» / В.В. Степкин // Вестник Воронежского отдела Русского географического общества. – 2001. – Вып. 2. – Т. 2. – С. 71–74.

Степкин В.В. Географические особенности распространения пещерных памятников на Дону и Осколе / В.В. Степкин // Спелестологические Исследования. Вып. 4. : Культурные пещеры Среднего Дона. – М. : РОСИ, 2004а. – С. 29–33.

Степкин В.В. История изучения культурных пещерных сооружений бассейна Дона и Оскола / В.В. Степкин // Спелестологические Исследования. Вып. 4. : Культурные пещеры Среднего Дона. – М. : РОСИ, 2004б. – С. 18–28.

Степкин В.В. История появления и развития пещеростроительства в Донском регионе / В.В. Степкин // Спелестологические Исследования. Вып. 4. : Культурные пещеры Среднего Дона. – М. : РОСИ, 2004в. – С. 159–168.

Степкин В.В. Опыт расчета трудовых затрат и реконструкция процесса организации производства при строительстве пещер Дона / В.В. Степкин // Спелестологические Исследования. Вып. 4. : Культурные пещеры Среднего Дона. – М. : РОСИ, 2004г. – С. 169–177.

Степкин В.В. Пещерные памятники Среднедонского региона / В.В. Степкин // Спелестологические Исследования. Вып. 4. : Культурные пещеры Среднего Дона. – М. : РОСИ, 2004д. – С. 41–137.

Степкин В.В. Религиозно-мифологические мотивы в устройстве и оформлении пещерных памятников Придонья / В.В. Степкин // Спелестологические Исследования. Вып. 4. : Культурные пещеры Среднего Дона. – М. : РОСИ, 2004е. – С. 186–197.

Степкин В.В. Социально-психологические аспекты пещеростроительства в Донском регионе / В.В. Степкин // Спелестологические Исследования. Вып. 4. : Культурные пещеры Среднего Дона. – М. : РОСИ, 2004ж. – С. 178–185.

Степкин В.В. Типологическая классификация подземных сооружений Дона и Оскола / В.В. Степкин // Спелестологические Исследования. Вып. 4. : Культурные пещеры Среднего Дона. – М. : РОСИ, 2004з. – С. 147–158.

Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви / П.М. Строев – СПб. : Типография В.С. Валашева, 1877. – 1115 с.

Строенная книга города Коротояка (1647, 25 сентября) // Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. – Воронеж : Типо-Литография губернского правления, 1890. – Вып. 16. – С. 1878–1908.

Тевяшов В.Н. Пещерные монастыри Острогожского уезда / В.Н. Тевяшов // Труды ВУАК. Вып. I. – Воронеж : Печатня С.П. Яковлева, 1902. – Отдел I. – С. 52–71.

Толмачева М.М. Технология изготовления железных изделий из погребений Маяцкого селища. Культурные комплексы Маяцкого селища (Материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции) / М.М. Толмачева // Винников А.З., Афанасьев Г.Е. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – С. 182–191.

Трубачев С. Г.П. Данилевский. Биографический очерк / С. Трубачев // Данилевский Г.П. Собр. соч. : В 10 т. – Т. 1. – М. : Терра, 1995. – С. 5–97.

Труды Четырнадцатого археологического съезда в Чернигове. 1909. – Т. III. – М., 1911.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка : в 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Гос. ин-т Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.– Т. 1. – М., 1935. – 1565 с.

Федотов В.И. Донское Дивногорье / В.И. Федотов // Подворонжье. – Воронеж, 1973. – С. 157–173.

Федотов В.И. Дивногорье // Воронежские дали / Под ред. Ф.Н. Милькова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1976. – С. 98–101.

Федотов В.И. Дивногорье // Воронежские дали / под ред.

Ф.Н. Милькова. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. – С. 213–216.

Флеров В.С. Маяцкий могильник (раскопки 1979 г.) / В.С. Флеров // Маяцкий археологический комплекс : материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М., 1990. – С. 140–191.

Флеров В.С. Маяцкий могильник / В.С. Флеров // Маяцкое городище: тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М. : Наука, 1984. – С. 142–199.

Флеров В.С. О методике исследования погребений с обрядом обезвреживания у алан и болгар Восточной Европы / В.С. Флеров // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе : тезисы докл. семинара. – Донецк, 1987. – С. 89–92.

Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) / В.С. Флеров. – Волгоград : Перемена, ВГПИ, 1993. – 144 с.

Флеров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. / В.С. Флеров. – М. : ТАУС, 2007. – 372 с.

Флерова В.Е. Граффити Хазарии / В.Е. Флерова. – М., 1997.

Цыбин М.В. Первые исследования на Маяцком городище / М.В. Цыбин // Средневековые древности евразийских степей. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 100–104.

Шевченко Ю.Ю. Пещерные христианские монастыри Подонья: начало традиции / Ю.Ю. Шевченко // Изобразительные памятники : стиль, эпоха, композиция: материалы темат. науч. конф. Санкт-Петербург, 1–4 декабря 2004 г. – СПб., 2004. – С. 196–201.

Шевченко Ю.Ю. Христианские пещерные святыни (Подземные святыни христианской Руси : генезис, функционирование, контекст) / Ю.Ю. Шевченко; отв. ред. чл.-корр. РАН К.В. Чистов. СПб. : Изд-во Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук, 2006. – Т. 1. – 718 с.

Шкурин М. Дивногорский монастырь / игумен Митрофан (Шкурин) // Православная энциклопедия . – Т. XIV. – М., 2006. – URL: <http://www.sedmiza.ru/text/415208/html> (дата обращения 12.07.2011).

Эрдели И. Венгры на Дону / И.Эрдели // Маяцкое городище: тр. Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. – М. : Наука, 1984. – С. 20–25.

Юшко А.А. Советско-венгерское рабочее совещание по теме «История раннесредневековых народов степной полосы Восточной Европы» / А.А. Юшко // СА. – 1976. – № 2. – С. 287.

Список сокращений

АН СССР	– Академия наук Союза советских социалистических республик
АиФ	– Аргументы и факты
АО	– Археологические открытия
ВГУ	– Воронежский государственный университет
ВУАК	– Воронежская Ученая Архивная Комиссия
ГИМ	– Государственный исторический музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
ЖМНП	– журнал Министерства Народного Просвещения
ЗРАО	– Записки Русского Археологического Общества
ИАК	– Императорская Археологическая Комиссия
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников Государственного исторического музея
РА	– Российская археология
РА ИИМК	– рукописный архив Института истории материальной культуры
СА	– Советская археология

Содержание

От редактора	3
Введение	5
Р а з д е л 1. История изучения архитектурных памятников Дивногорья	9
Глава 1. История Дивногорского монастыря в заметках путешественников и трудах отечественных исследователей XIV – начала XX века	10
Глава 2. Возобновление интереса к культовым памятникам Дивногорья. Современный этап в их изучении (70-е годы XX – начало XXI века)	66
Р а з д е л 2. История изучения археологических памятников Дивногорья	103
Глава 3. Начальный этап в изучении археологических памятников Дивногорья (1890–1910 гг.)	104
Глава 4. Исследование Дивногорских памятников под руководством С.А. Плетневой (1962–1963, 1975–1982 гг.).....	147
Глава 5. Создание музея-заповедника «Дивногорье». Современный этап в изучении археологических памятников (1987–2010 гг.).....	183
Заключение	196
Список архивных материалов и литературы	199
Список принятых сокращений.....	214

Научное издание

**Захарова Елена Юрьевна
Кондратьева Софья Константиновна**

**АРХИТЕКТУРНЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАМЯТНИКИ ДИВНОГОРЬЯ (ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ)**

Труды музея-заповедника «Дивногорье»

Выпуск 2

Фото на обложке отца Феофана (Гончарова)

Фото к разделу 1: Изображение церковных колоколен
и креста на стенах культовой пещеры «Ухо». Рисунок В.В. Степкина

Фото к разделу 2: Камень из кладки Маяцкой крепости.

Раскопки Н.Е. Макаренко 1908 г. (ОПИ ГИМ. Ф. 431. Ед. хр. 288. Л. 16)

Издательство «Кварта»

Главный редактор Ю.Л. Полевой

Корректор Л.М. Носилова

394077, Воронеж, пер. Ученический, д. 5.

тел./факс (473) 275-55-44, e-mail: kvarta@kvarta.ru

Подписано в печать 15.07.2011. Формат 70x100/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная. Гарнитура MinionPro. Тираж 200 экз. Заказ № У1067.

Отпечатано в репроцентре ООО РИФ «Кварта»